

В. В. Антуфьев

**Над Кулоем -
рекой**

К 60-летию автора

В. В. Антуфьев

Над Кулоем - рекой

с. Верховажье
2008 год

«Средь злата стороны лесной
Слеза так горяча.
Над плитами могильными
Стою в печали я.
Горит и тихо плавится
Души моей свеча...»
А. Якимовский

Милая моя Родина. Край Верховажский. Осташевские угоры. Лесные дали. Широкая, убегающая в никуда, серебристо-синяя лента реки Кулоя, игривого на каменистом перекате, ласкового и спокойного в песчаных плесах и заводях. По высоким взгоркам вдоль реки рассыпались деревни калиновыми да черемуховыми палисадами. Плакучие березы да гроздистые по осени, краснощекие рябины. Хлебные поля по околице, политые слезой и потом трудника-землепашца. Заливные наволоки по низинам с медовыми запахами и разноцветьем сочных трав. Малахитовый куброс подлесков. Богом данная сторона родная. Хрустальные родники, малые речки, пугливо прятающиеся в зарослях смородины, наполняют реку чистыми холодными потоками живительной влаги. Крутые берега мягкой материнской ладонью направляют, напутствуя, ласковые струи в далекий путь.

Сказочные лесные поляны манят к себе, обещая отдых и ощущение небытия. Угостят спелой ягодой земляники, костяники и голубики. По вырубкам сизой слезой мерцает в зелени черника, да яркие кисти яркой брусники. Смородина развесила сережки черных и красных терпких ягод. Красным заячьим глазом манит к себе спелая малина. Многочисленные боры разродились дорогим грибом. Прозрачные березняки приготовили под кронами к долгой зиме солонинку. На моховых чистях болот - морошка да клюква рассыпаны, гребни хоть зобеньками.

Кругом пернатая чадь такие коленца высвистывает - душа заслушается. В гущах лесных и серьезная птица водится: глухарь красной бровью водит, бобоча в свою бороду, тетерев чуфыркает в вершинах, стыдливая стайка рябчиков в густой ельник прячется. По ночам филин в лесной гриве ухает, порядок наводит. Белка рыжая, как всполох огненный, к вершине метнулась. Медведь малинники зорит, ребятню да проворных баб пугает, лосиная семья в чапыжниках жирует. Серый разбойник волк на охотничий круг встал. Заяц-беляк тклет кружево, петляя перед лежкой. Лиса с хитрой улыбкой по своим делам торопится. Хлопотун, старый мельник бобер, плотину на речке ладит, детушкам на зиму корма припасает, сердчает старый на верткую красавицу куницу, по воде хвостом постреливает. Утка с гнезда к воде свой пушистый выводок правит, чай, водоплавающие. На дальних болотах журавли тоскуют. Живет край отеческий, присуха моя от рождения. Малая Родина. Заволочье. Родное гнездо, дом отеческий. Здесь погост моих предков. Место мое здесь Вышним указано.

Над Кулоем рекой...

Русская деревенская община (общество), мир

В общине и в артели все на порядках, все на согласии

(народная мудрость).

Род-община-общество-поселение-деревня (по Далю) – взаимодействие людей с природой и друг с другом - основа жизнеустроения, искание и установление правды и отношений между проживающими вместе сообществом (миром) людей по этой правде (мирское самоуправление). Крестьянское общество - мир, собрание всех домохозяев, кому на миру, на сходе дано право голоса. Мир - община, общество крестьян, сходка.

В деревне - мирское самоуправление, общинное землевладение с периодическим переделом земли. Решения принимались не согласованием, не большинством голосов, а свободно. Право собрать сход (мир) мог любой полноправный член общины (мужики, от дыма, от дома). Каждый принимал участие в обсуждении и выработке единодушного решения, которое получало одобрение мира (общины) и примиряло все стороны, являлось единой волей общества - так проявлялась соборность. На миру и смерть красна.

До XII в. - МИР - община, мирское самоуправление с полновластным народным собранием «вечем», которое призывало князей на службу и использовало их.

С XIII - XVI в. - БОЯРЩИНА - крупное землевладение, княжеская и боярская вотчина или боярщина (по северу почти не было).

С XVI - XVIII и часть XIX в. - ГОСУДАРСТВО - сословное государство. Сейчас - старый сословный строй заменяется новым, свободным и гражданским порядком.

Революция 1917 года - заключение договоров на работу артелью. (ТОЗ, Коммуна, Колхоз) - социализм.

До ХШв. - русская община - волость, во главе - волостной староста. Решения принимались старостой и всеми крестьянами единогласно (не голосованием, не большинством голосов, а соборно). Собирал мир не староста, а любой член общины. Председателя не выбирали и о причине сбора сообщал тот, кто созывал сход.

Сотский и мир ведали раскладкой и сбором податей с общины. Сумма податей и повинностей налагалась правительством на волость (волостную общину), которая самостоятельно определяла долю каждого волощанина, соответственно его имуществу. Такая раскладка самим миром (общиной) обеспечивала справедливость и предохраняла членов общины от непосильных поборов. Община была ответственна за сумму общей единицы податей круговой порукой: за неимущих платили имущие, за ушедших - оставшиеся.

Волостная община ведала и судебными делами вместе со старостами и «целовальниками» (целовали крест выбранные от общины

крестьяне). Мирские суды ведали гражданскими делами: споры относительно лугов, пастбищ, бобровых ловищ, бортей, выгонов, изгородей, болот, вод, улиц, дорог. О праве собственности на имущество. Общим (мирским) судом разбирались некоторые уголовные дела: посягательство на личную жизнь и неприкосновенность. Несла община ответ и за убийство на ее территории - отыскать убийцу или платить «виру».

Земля находилась во владении членов общины, в незапредельном общинном владении были леса, луга, пастбища, болота, дороги, рыбные ловы, воды, мосты, пустоши и покинутые участки. Бояре и монастыри, по особым жалованным грамотам великих князей, получали земли с крестьянами и деревеньками в отчину.

Земля принадлежала деревне (обществу), пахоту делили на участки (полосы) и передавали в обработку члену общины до следующего передела. Пахота делилась на хорошую и плохую, и той, и другой наделяли общинника по доброй воле (реже по жребию). Сильное хозяйство могло обработать и удобрить землю и похуже, зато слабое хозяйство на хорошей земле могло полностью внести налог самостоятельно. При переделе учитывалось, какой землей владело хозяйство до этого и наделялось полосой или лучшей земли, или худшей (по правде). По жребию делили редко - здесь, что достанется, то и твое. Артель (по Далю) - товарищество за круговой порукой, соглас, община, общество для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расходов и прогула. Артель создавалась по сговору или семейная, для отхожего промысла. Выбирался старший - смотреть за работой, равнять в деле работников. В артели ни один на макову росинку не должен переделать или недоделать. В артели власть принадлежит общему собранию, один человек - один голос, личный труд, круговая порука, член артели должен уметь делать все, раздел заработка, в артели каждый собственник, хозяин, работник.

Нить бытия и обрядность

Языческая религия (по А.А. Угрюмову) - незаимствованная, созданная данным народом - народная. То же, Ведическая религия (веды - сказания).

Древние русичи (5000 лет до н. э.) - предки современных восточных славян: русские, украинцы, белорусы; западных славян: поляки, чехи, словаки, лужичане; южных славян: болгары, македонцы, сербы, хорваты, славены, черногорцы. Все славяне - европейцы.

В старину соседние народы называли их (нас): венеды, скелотами, антами, склавинами, полабами и др...

В период последнего оледенения мужчины были охотниками и рыболовами. Охотились мамонтов, лосей, медведей и прочих,

пользовались каменными орудиями. Жили родом - во главе рода - женщина (матриархат).

Когда в Европе растаяли последние ледники и исчезли звери-гиганты, предки русичей сумели приручить и одомашнить ряд животных: лошадь, корову, коз-овец, кур, научились мотыжить землю и выращивать злаки. На освоение земледелия и скотоводства потребовались тысячелетия. Власть в родах постепенно перешла к мужчинам (патриархат).

6000 - 7000 лет назад славянские племена занимали в Европе территорию от немецкого города Лейпцига за Эльбой (Лабой) до Днепра и от берегов Балтийского моря до Карпат. К III тысячелетию до н. э. славянские племена освоили Черноземье среднего Приднепровья и Волго-Окское междуречье. Эпоха трипольской культуры. Трипольцы называли себя - рысичами. Они создали свою письменность (русские «черты» и «резы») гораздо раньше греческого и латинского алфавита. Русичи побывали в Индии, на Крите, в Италии называли себя: расна, роена, русна.

Анимизм - зародыш всякой религии (анима - душа) - возник в неандертальскую эпоху. Все окружающие человека предметы наделялись духом (живое), добрым или злым, им приносились жертвы (все, что можно съесть) на кострах, на камнях («алатырь») - жертвенниках. Все это сопровождалось специальным ритуалом.

Человек в то же время имел душу, которая при его смерти улетала в «ирий», «вырий». С матриархатом связывается культ рожениц - родоначальниц рода - медведицы, лосихи. Трипольцы высекали из камня каменных баб и устанавливали их на перекрестках путей.

Рожениц изображали на вышивках. Медведь - самец - дух охоты, «волосатый», «лохматый» - Велес, в последствии бог домашнего скота, богатства и торговли. Дни Велеса - дни солнцестояния, периоды отрастания травы, начала сбора урожая. Слуги Велеса - волхвы.

Духи древних славян:

Огонь - очаг, очищение.

Вода - очищение, омовение, течение жизни.

Земля - ма, мать, кош (богатство), макошь (засеянная земля/мякошь).

Кром - подземный мир, кром.

Небо, свет, солнце - коляда, сварга (небо), коло (круг), коляда, Сварог, Свето-бог, Стрибог, Перун, род, Ярило, Дажьбог. Луна - заряницы, Лада, Леля. Лес - духи дерева, леший. Лихо - дух болезней и дочери-лихоманки.

Река, озеро, ручей, родник - в них жили водяные, русалки, россеники.

Болота-бесы.

Лес - леший. Береза была символом света, девственности, чистоты.

Дуб - мощь, сила, достоинство. Ель - долголетие, верность, храбрость.

Осина - жилище злых духов. Можжевельник - верес, вечная жизнь.

Лихо - дочери лихоманки: каркуша (кашель), зябуха (озноб), огня (жар), желтея (желтуха), трясея (лихорадка), глухея (глухота), падуча (эпилепсия), ветрея (ветрянка), ломея (ломота), пухлея (опухоль), глядея (глаза), дряхлея (старость), воднея (водянка).

Судьба - доля - среча (доля), несреча (недоля), правда, кривда, спесь, дрема, угомон, спех, услад, страх, печаль, тоска.

Духи дома - домовой, дворовой, банник, ласка.

Карна - богиня плача, Желя - богиня печали, Морена - богиня смерти, Мороз, Карачун, Кощей, Баба Яга, Щур (дед), Пращур (прадед).

Волхвы, жрецы, кудесники: баян - рассказчик былин, ко тун - рассказчик мифов, ведун - знаток обрядов, знахарь, шептун - колдун, чародей, волхв.

Обрядность из глубины веков и до наших дней

Издравле рождение, женитьба и смерть человека были обставлены рядом таинств, ритуалов и кормления богов, принесением жертвы благодарения, напоминания, прошения о защите от всякого лиха и болезни, дарования счастливой судьбы и вечного покоя в мире предков. Многие из них живы и до сих пор, особенно у нас на севере, в Заволочье, в затерянных деревнях Вологодской глубинки.

Рождение ребенка в семье всегда было радостью, мальчик то или девочка - его ждали, к нему готовились. Рождение девочки всегда подразумевало большие траты семьи на приданое (девка в дом не принесет, а из дома унесет). По старому поверью невеста умирает для рода, а в роду жениха она возрождается. Рождение мальчика - это увеличение рода, рождение наследника, строительство нового дома, расширение хозяйства, привод в семью (род) нового человека (невесты), новые рабочие руки, приданое, рождение новых членов рода (не дай Бог, невеста бесплодна).

В доме готовились повесить зыбку (люльку), колыбель, качалку, изготовив новый очап (гибкая жердина, на которую вешали зыбку). Иногда зыбку еще и не снимали, там обитал предыдущий ребенок, которому приходилось уступать место новорожденному брату или сестре, погодку. Издревле роды проходили вне дома, в хлеву или в бане, так как роженица девять дней считалась не чистой. Рожали обычно на соломе, которую после родов отдавали в подстил скоту (чтоб замяли в навоз). Для благополучного появления на свет ребенка при родах присутствовала «повитуха» (от слова - вить, перевязывать), которая перевязывала пуповину младенца льняной ниткой, свитой (сплетенной) с волосом отца и матери. Звали на роды бабничать. Для облегчения родов в доме открывали все двери, развязывали узлы, открывали замки, крышки сундуков. Пуповину родившегося мальчика

перерезали на топоре, девочки - веретене или обушке прялки. При рождении дитя отмечали и замечали, какой голос подает ребенок, как родился, не в «рубашке» ли - по всему этому предсказывали его будущее. Обмыв, дите заворачивали: мальчика - в рубаху родителя, девочку - в рубашку матери, чтоб передать ему силу и навыки отца, красоту и умение матери. С рождения ребенка пеленали поясом-оберегом. Мать показывала своего ребенка солнцу (на восходе), луне (на росте или полной), свету белому. Берегли дите от сглазу. На десятый день ребенку давали имя. При крещении выбирали крестных родителей (вторые родители), которые несли ответственность за судьбу ребенка вплоть до свадьбы и далее по жизни. Взаимно до старости и смерти крестных родителей о них заботились крестники. Детей не стригли до года, чтоб во время начали говорить (не отстричь язык), также не стригли до года и ногтей, чтоб не вырос вором. При детском рахите (в деревне не редкость) ребенка «продевали» сквозь межу (землю) - собачья болезнь. Нянчили ребенка бабушки и старшие дети, иногда нанимали няньку (подростка из соседней семьи). Переломный период дня детей - отрочество, возраст 5-8 лет - период ученичества. В этот период на мальчиков надевали мужские штаны, на девочек - поневы (юбки), до этого все дети бегали в длинных рубашках. Учеба обычно начиналась осенью, после сбора урожая и завершения полевых работ. Посвящение детей в ученичество начиналось с празднования трех Спасов:

Первый Спас (14 августа н. с.) - медовый Спас, начало сбора сотового меда. Святили его, растворяли в воде и выливали в реку, в водах которой купались и купали детей (медовые воды рек). После купания, рубашку ребенка отпускали по воде, а на него надевали новую - знак обновления, чистоты, мудрости, ума-разума, пронцательности и жизненного опыта. Обряд купания в медовых водах и чистая одежда - новая жизнь и чистота помыслов.

Второй Спас (19 августа) - яблочный Спас (рай), символ жизни, красоты, мудрости, счастья и удачи. Дети вместе с яблоками (ели) приобретали запас жизненных сил, необходимых для приобщения к познаниям.

Третий Спас (29 августа) - льняной, житный, хлебный Спас - завершение уборки, посвящался сохранению всего собранного, начало обработки льна, сохранение знаний.

Все три Спаса посвящены детям, достигшим возраста ученичества. Мальчиков отец и дед посвящали в дела мужские: охоте, владению топором, обработке земли, уходу за лошастью, семейному промыслу (каталь, плотник, бондарь, кузнец, мельник и пр.), военному делу. Учили грамоте, письму и счету.

Девочки постигали науку обработки льна, рукоделия, работы в поле, ухода за скотом, ведения дома и пр. К периоду возмужания и юности

они были готовы к самостоятельному ведению хозяйства и созданию семьи.

Сватовство - свадьба - обряд привода в свой род жены из другого рода. У нас на севере даже обручение в церкви (венчание) не считалось завершенным обрядом без старинных обрядов, которые частично соблюдаются и сейчас, без обрядов и свадьба не в свадьбу. Свадьбе предшествовал семейный совет родителей жениха и невесты (в ранние времена молодую выдавали и без ее согласия - «стерпится, слюбится», по решению родителей). Случались свадьбы и «самоходкой», «самокруткой» - когда невеста выходила замуж без согласия, а иногда с тайного согласия родителей, чтоб не давать приданого. На сговоре решался вопрос прихода жениха в дом невесты для житья **Животник. Примак** - юноша, приглашенный в бездетную семью (как сын), пользовался всеми правами наследника, приводил в дом невесту, был обязан докормить приемных родителей. Обычно сваты приезжали, чтоб не все знали, (мать с отцом, крестные) под вечерок, на потемочках. Садились под матицу, вдоль по полу: -У нас купец, у вас товар.

Если родители договаривались о положительном ответе, начинали разговор о дарах и приданом за невестой (предварительно). Жених на сватовство не ездил. Иногда в дом после первых сватов, на перебой, приезжали сваты и от другого жениха. Бывали случаи, что свататься ездили и от невесты (предложить себя в жены), но редко, такая свадьба называлась «навоем».

- Не женятся на тех, с кем вместе едят - говорили в старину, чтоб не допустить родственных связей и браков. Не молоти через сноп - пока не выдашь старшую дочь, младшая пусть в девках сидит.

Смотрины двора - места: после сватовства и положительного результата родители невесты ездили в дом жениха смотреть, где молодая будет жить. Осматривали все: дом, двор, скот, амбары, овин, гумно, запас зерна и кормов. Если место понравилось, новую родню садили за стол и угощали, за столом договаривались о приезде жениха на «пропой» невесты. Если не нравилось, за стол не садились, что соответствовало отказу. При благополучном исходе приглашали жениха с родителями и близкими в гости, готовили угощение - смотрины невесты. Показывали невесту жениху, родне, договаривались о дне свадьбы, кого приглашать, что невесте дарить на свадьбе.

Свадьбы играли с Крещения до Масляной недели, с Семенова дня (14 сентября) до Гурия (28 ноября), с Пасхи Христовой до Троицы, с Петрова дня (12 июля) до Успения (28 августа). В мясоеды играли как исключение, не играли в страду и во время постов. Свадьба после пропоя назначалась недели через две, «оглашали» в церкви о дне венчания - оглашение. В этот период в доме у невесты проходили: **Скрутошник** (скрута) - готовили приданое, дары, помогали подруги

невесты и молодые девушки. У невесты до дня свадьбы было еще четыре вечера: просватание, посиделок, обручение и девишник - пели много обрядовых песен. Плакание невесты - прощание со своим родом, домом, родней.

Перед свадьбой подружки водили девушку в баню, расплетали ей косу, заплетали волосы в две косы и укладывали на голове, покрывали платом (сейчас фата) и получали за это выкуп «вено» - венок, венец. Белое или бело-красное свадебное платье («чермное») невесты - знак траура, а не знак невинности и чистоты, ибо в старину считалось, что для своего рода, переходя в род жениха, невеста «умирает» и рождается как мужняя жена в роду жениха (отсюда на второй день свадьбы она переодевает платье) Родителей жениха за столом невеста называет «мамой» и «папой». На свадьбе невеста не ела, поэтому на стол ставился один прибор для жениха.

Свадьба (по В.И. Далю) - обручение, совершение брака, замужество, повенчание со всеми брачными обрядами, пирушками. Само торжество предполагало три вечера: свадебный (княжий стол) - для родни жениха на стороне невесты, большой стол - для родни и близких невесты на стороне жениха, пирожный стол - готовила невеста в своем доме. Богатые свадьбы предполагали и другие столования.

Свахи - три для хорошей свадьбы: женихова (сватавшая), невестина (расчеши косу или подвенечна), постельная (пуховая).

Свадебный стол у невесты: свадебный поезд (количество упряжек - нечет), жених - на тройке, украшенной лентами, цветами, в праздничной упряжке (выездной), с колокольцами. С ним - дружка, тысяцкой. На другой - сваха, мать жениха, крестная. Далее - прочие гости жениха на парах и по одной лошади в упряжке. В деревне невесты дорогу поезду перегораживают и берут с дружки выкуп за дорогу. Около дома собираются соседи смотреть жениха и поют свадебную обрядовую песню «Ветрочки». Тысяцкой с батогом идет к дому невесты и стучится в закрытые двери, просится ночевать. После торга двери открывают, батог закидывают на крышу дома, в котором ожидается очередная свадьба. Невеста, одетая в свадебное платье, с фатой, укрыта в другой комнате с вывожельницами. Гости садятся за столы и угощаются. Тысяцкой начинает торг невесты. Вывожельницы требуют за молодую выкуп с жениха. Приводят на показ вместо невесты подставных молодых (ряженных) - по плате и товар. Жених отказывается и доплачивает вывожельницам «красненькую» или «Катеньку», на что вывожельницы спрашивают, вдвоем идти или третью вести? - Третью вести! - отвечает тысяцкой. Выводят закрытую невесту, открывают, показывают жениху, заводят за стол и садят на подушку рядом с женихом (на шубу вверх мехом). Родня невесты, опережая родню жениха, кричит похвалу невесте: «Отдали пшеницу, осталася торица! Отдали золотце, осталося оловье!» (иногда их опережает родня жениха и кричит хулу невесте, то же, но наоборот...).

Невеста встает, кланяется гостям и угощает их, плачет. Гости угощаются, «горько» на стороне невесты не кричат. Бабы и девки начинают припевать гостям и молодым припевки (в других местах с припевками носят елочку или коня). Молодым припевают «Соловья», сватам, тысяцкому, дружке - «У столбика», «Чарочку», «У колодца». Тому кто мало платил за припевку, могли отпеть и «Злодия». Спев припевку, ее сдавали тому, кому припевали: «Величаем тебе, Иван свет Иванович, припевочку сдавать, стопочку вина выпивать, Ульяну Семеновну целовать, а на припевочку денежки подавать! Здесь прилюдно молодые целуются.

Тысяцкой дает знак собираться к «венцу». Дружка правит свадебный поезд, брат невесты сторожит дорогу. На первой упряжке едут: дружка и жених, тысяцкой и сваха, далее - сани невесты со свахой и крестной. Тройка невесты всегда норовит тронуться первой, остерегаются сглаза, порчи, невеста едет к венцу закрытая.

После обряда венчания невеста ехала в дом жениха в санях жениха, на санях невесты ехали свахи. Свадебный поезд у дома жениха встречали родители жениха: мать с хлебом-солью (каравай молодые кусали, кто больше урвет, у того и верх по жизни), отец с иконой. Брат с сестрой угощали прибывших вином и пивом. В молодых бросали зерном и хмелем, для сытой и веселой жизни. Жених на руках вносил невесту в дом. Гостей усаживали за столы. У молодых стоял один прибор. Гости рассаживались по старшинству, со стороны невесты - ее гости, со стороны жениха - гости жениха. Молодым кричали «горько», молодые целовались в «кресты». Напротив молодых лежали столовики - три каравая один на один, внизу ржаной, второй пшеничный, сверху - витушка с запеченным солярным знаком.

После стола молодых вели в опочивальню - впереди дружка с иконой, за ним - тысяцкой, молодые и сваха. Несли жареного петуха, молодых закрывали, невеста разувала жениха. Ложе стелили на двенадцати снопах хлеба.

Утром молодых ходили «будить» и били горшки, разбрасывали по избе мусор, деньги и заставляли невесту мести. Если сметет все на середь избы - к богатому житью. Давали невесте попрясть, повязать, повышивать - чтобы знать, рукодельница ли.

Во время свадебного стола молодая называла отца и мать жениха папой и мамой и дарила им подарки, таким образом она входила в род жениха дочерью (умирая для своего рода). Дарила и родне жениха подарки - «дары», с которыми те плясали, хвастая перед гостями, показывали гостям и привезенное невестой приданое (не бедная пришла).

Опохмелившись, гости ехали на «хлибины» в дом невесты, где вновь ставили столы и гостей угощала невеста. Теща пекла для зятя блины, за что он платил ей деньгами или подарком (на заплатку, на

прожженный фартук). На этом в основном свадебный пир заканчивался, невеста уезжала в дом жениха, становилась мужней женой, снохой, женщиной.

Вдова и вдовец, при повторной женитьбе, пышных празднеств не устраивали. Дети от первого брака считались сводными братьями и сестрами, одному из родителей были падчерицами или пасынками. Дети, прижитые на стороне - скототками (безотцовщина, мать всегда указывала у ребенка отчество по своему отцу). Новая семья плодилась и размножалась, обрастала хозяйством, строила дом, прирастала к земле-матушке.

Обряд погребения

Человек - дитя природы, рождается, растет, мужает, стареет и умирает (иногда лишается жизни). Помереть (по В.И. Далю) - умереть, уснуть навеки, преставиться, скончаться, упокоиться, отойти, отжить, опочить, уйти на тот свет, испустить душу (дух).

Душа - дышать, дух. Она может пить и есть, гденибудь присесть, за что-то ухватиться. Человек умер, душа покидает тело, не дышит - признак смерти. В доме открывают двери, окна, форточку, трубу, чтоб душа беспрепятственно могла покинуть тело.

Обряд погребения - это предание тела земле и сопровождение души в мир иной (потусторонний), где она обретает покой и воссоединяется с предками. Обряду погребения соответствовали и специальные плачи по умершему, исполняемые плакальщицами или родными. По преданиям душа покидает этот мир на сороковой день (сорочины), до этого она может возвращаться в дом, где жил покойный - для нее выставляли воду (для омовения), полотенце, пищу.

После смерти, через два часа, тело умершего «прибирали» - обмывали, одевали в чистые одежды и клали в гроб (домовина, колода). Если гроб делали больше, чем рост покойного, то в доме ожидали еще покойника. Укрывали тело белым полотном (иногда красным - цвета скорби, траура). Не случайно в советские времена гробы обивали красным. Гроб с покойным ставили под образа, зажигали свечи, читали молитвы. На протяжении трех дней покойного оплакивали, к нему приходили проститься (покаяться во грехах). На третий день тело предавали земле. Гроб с покойным выносили из дома до 12 часов дня, вперед ногами, не задевая гробом косяков, и несли (везли) на кладбище с плачами. У развернутой могилы проходило последнее прощание с плачами и причитаниями. На закрытые глаза покойника клали две монеты (деду, перевозчику тела в мир иной), укрывали тело полотном, закрывали крышку гроба и заколачивали ее. Гроб опускали в могилу и закапывали. На свежем холме рассыпали зерно для птиц (птица - душа человека), оставляли

хлеб и вино, для души покойного. В доме после выноса покойника все мыли и ставили поминальный стол, поминальную кутью (кутия) - кашу с сытою, изюмом из обдирного ячменя, пшеницы, риса, блины. Поминали покойного на могиле в девятины, в полусороковины, в сороковины, в годовщину или раз в год в родительскую субботу (Дмитриева), либо в Красную горку на Фоминой (вторник-радуница) и в Великий четверг. Поминание блинами: первый блин - предкам на божницу (комом) и родителям, второй блин на подоконник - душам умерших, третий блин - на могилу. Поминали и пресными шанежками, носили по домам в умерший день.

В древние времена (X -XII в. н. э.) умерших, в особенности воинов и князей, сжигали на погребальных кострах вместе с жертвенными животными, любимой женой, оружием, украшениями и пищей «...мы же сжигаем умершего в огне, и он в тот же час входит в рай...». Остатки погребального костра сфобали и засыпали землей, насыпая курган, и на нем справляли поминальную физну. По данным ученых, жившие до прихода на наши земли славян, местные племена угро-финнов использовали метод кремации своих умерших.

С приходом христианства - похороны умерших устраивают похристиански, с привлечением священников, но дохристианские обычаи еще во многом сохранились и проявляются в процессе похорон.

Северный русский дом-двор и все, что около и в нем...

Изба, дом, двор, починок, деревня Крестьянский дом.

Разработав участок земли для посева, вычистив на копну другу заливного сенокоса, огородив лесной участок для скота, земледелец искал красивое место для постройки собственного жила, построек для скота и хранения запасов на длинную северную зиму, да и для лета под запасы требовалось специальное помещение. Лес - рядом, топор - за поясом, лошадка - под собой, а умению работать с деревом от батюшки научился. Семья да родня в деле помогут, а где и помощью всей деревни дело уладится.

Селение - (по В.И. Далю) заселенное место, жильё, жилище, жительство, виталище. Сельцо, деревня - крестьянские дворы вкупе, без церкви, жилая земля, поле, пашня, место поселения с землей.

Изба - (то же) крестьянский дом, хата, жилой деревянный дом, черная или курная изба (где печь без трубы), белая изба, истопка (с печкой). Изба делилась на фи части: на шолтун (кухня или спальня), избу (столовую или жилую), горенку, чистую без печи. Изба рубленая, бревенчатая, четырехстенная (о четырех углах) или пятистенная с

Деревенская изба с погребом

Изба с зимним крытым крыльцом (воздухами) по фасаду

рубленной перегородкой (о шести углах) и шестистенная - по середине сени (мост).

Стряпной кут. Солнуш.

Клеть

Изба на четыре угла: по одну сторону от входа - стряпной, бабий кут и печь, по вторую - хозяйский кут или конник от койки - род ларя для поклажи (упряжи и пожитков), напротив печи - печной угол или жернов угол (куть-кутной), где стоит ручной жернов, где работают бабы, прямо напротив конника (воронец), наискось напротив печи - красный, большой угол с иконами (на божнице) и столом. Для постройки избы устраивалась избяная помочь. На постройку шло 100 бревен и столько же помочан, для вырубки и подвозки по бревну (В.И. Даль).

Двор - (по В.И. Далю) - место под жилым домом, избой, с ухожми и оградой, забором. В деревнях - дом, изба, дым, тягло, семья, с жильем своим. Крытый двор - под крышей, под поветью (первый этаж повети).

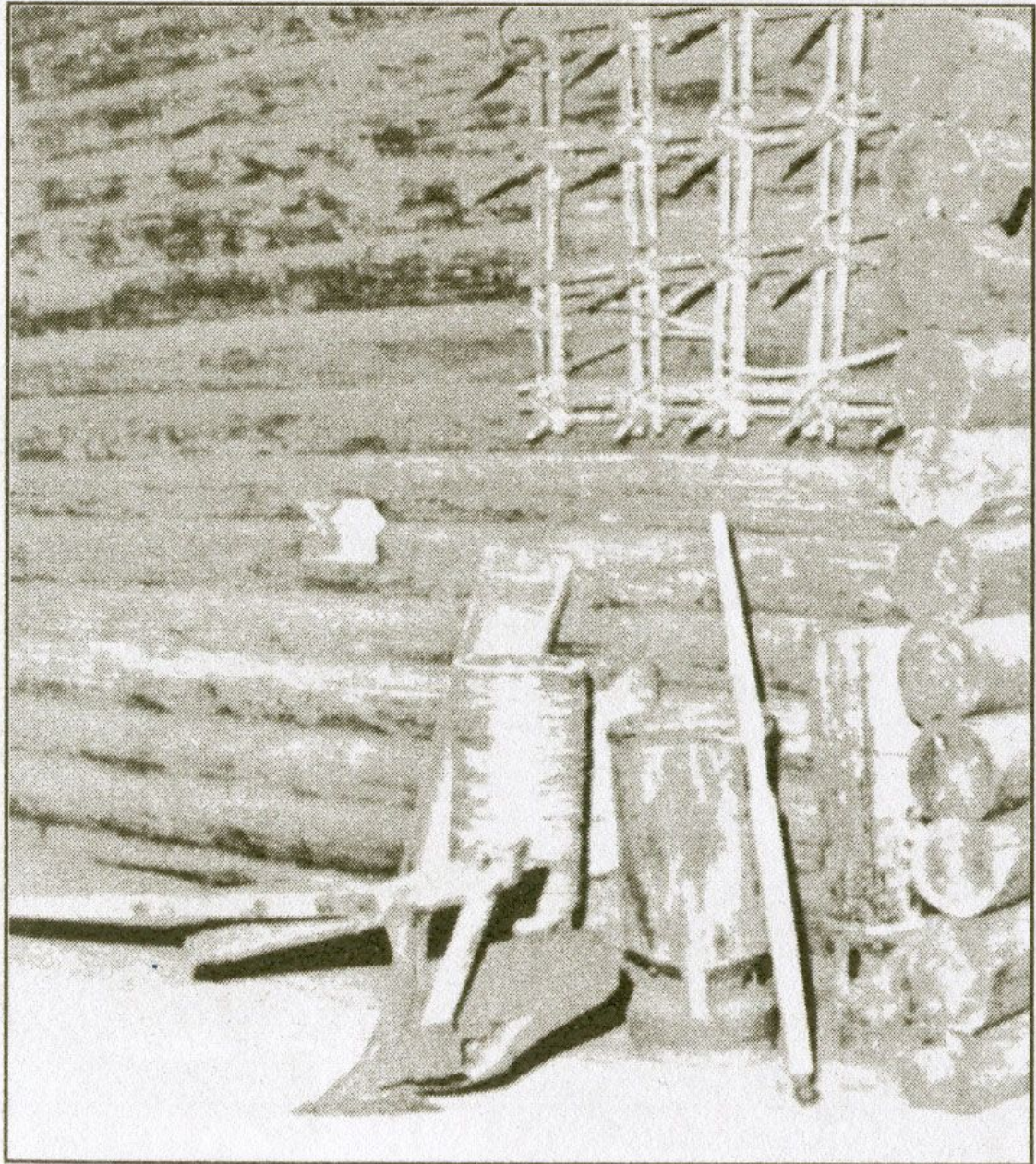
Строительство нового дома в семье - это большое и затратное дело, и случалось оно при переезде на новое место жительства или при «выделе» одного из женатых сынов в собственное хозяйство. Выделяли второго или последующих сынов, старший оставался в отцовском доме, докармливать отца с матерью и растить до женитьбы (выдачи замуж) младших братьев и сестер. Отцов дом служил до 200 лет, в нем лишь перестраивались зимовка, надворные постройки, а середка и перед лишь ремонтировались (подруб, смена крыши), перестраивались хлевы для скота, конюшни и прочие хозяйственные постройки. Зимовка возводилась на старом фундаменте, под одну крышу с середкой и передом. Северный дом включал в себя - зимовку (зимняя изба), зимний мост, середку (двор, поветь), летний мост и перед (летнюю избу).

Зимовка - четырех-, пятистенок с русской печью - жилая изба, куть, горенка.

Середка — двор (иногда - середняя изба) на первом этаже. Поветь - крытое место, простор с верхом над скотным двором, застланная накатом (пол, долонь) имеет 2-3 клетки (темная клеть, горенка, светлая клеть).

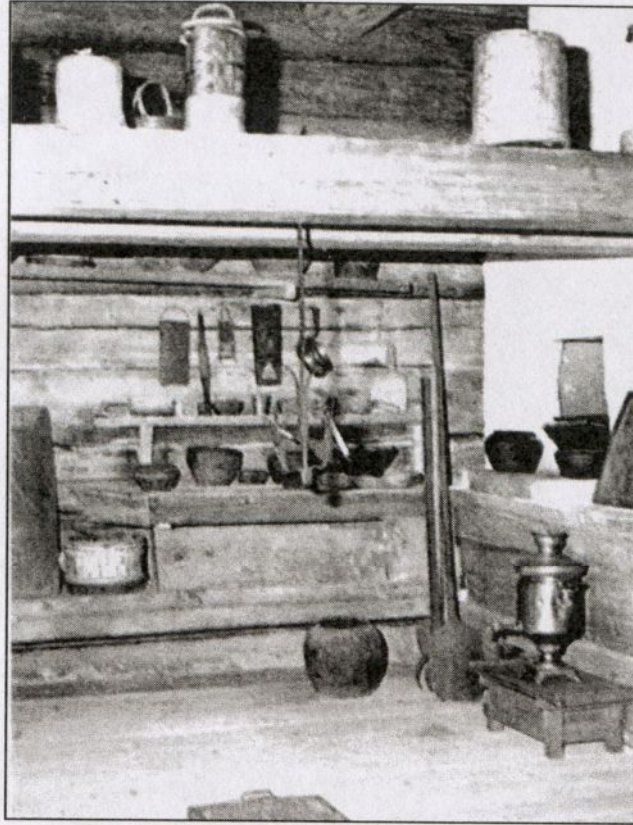
Перед - четырех-, пятистенок, изба и горница (редко с печью), нижний этаж - подвал для хозяйственных нужд, иногда жилой, второй этаж - изба, горница и третий этаж - мезонин (вышка) с балконом (иногда декоративным).

Хозяйственные постройки - ужожи - в огороже строились хлевы для скота и конюшня для тягла, амбары для хранения зерна и семян, изба для побочного ремесла (бондарка, кузница, столярка, кубовая для выделки кожи, шорная, катальня - (катали валенки), навес для повозки и инвентаря, погребная яма или ледник. На отшибе ставили баню (если рядом нет реки), гумно с ригой или овином и кузницу. Двор включал в себя и усадьбу (ободворицу, огород, сад, участок) для выращивания овощей и рассады, позднее картофеля.

Поветь

Заглянем в более дальние времена. На севере, богатом лесами, не было проблемы, из чего делать жильё - конечно, из дерева. Главное требование к жилью - это защита и тепло (мой дом - моя крепость). Каждая семья строила для себя жильё своими силами, членами семьи, родни и близких родственников (боялись, что чужие люди могут наложить проклятье на дом и на семью). Для жила нужно было выбрать место. Этому уделяли особое внимание. Место должно быть «чистым» (запрягали в волока молодого коня, грузили на него первое бревно для постройки - куда неуправляемый конь привезет его и остановится, там и ставили дом). Это место считалось «чистым». Нельзя было строить дом, где раньше проходила дорога (уйдет достаток из дома), где стояла баня, где сгорел дом от молнии (гнев Бога). На начало строительства «старшуха» пекла каравай хлеба,

Бабий кут с печью

Прялка точеная, росписная

если он выходил неудачным (подгорел, не поднялся), то дом на этом месте не строили. Естественно, при выборе места для дома учитывали, чтобы место было сухое, возвышенное, защищенное от прямых ветров, и близко от воды.

Выбор леса на постройку дома доверяли опытным древоделам. Не рубили «запретных», «заповедных» деревьев, деревьев с могилами, скрипучих, деревьев с дуплами. Не использовали в постройку осину, ель, как проклятые деревья, липовое дерево не рубили, чтоб не блудить в лесу. Не рубили засохших деревьев - мертвых. Также не рубили «буйных» деревьев, выросших на дорогах или перекрестках дорог. Если первые три дерева, намеченные к вырубке, оказывались непригодными, то вырубку прекращали на этот день - неудача. Срубленные деревья осматривали, нет ли в них изъяна - сучка, идущего из глубины, который при высыхании вылетит и будет дырка в срубе. Затем лес доставляли на место стройки.

Из истории (раскопки древних стоянок) известно, что ранние жилища чуди (так европейцы называли племена угры, весь, финнов, живших в Заволочье) представляли собой полуземлянки, углубленные на 0,5 - 1 метр в землю (для тепла). Ученые их называют «чудскими ямами». Стены дома делались срубом или столбовые (из вертикально стоящих столбов). Крыша поддерживалась на столбах, другим концом опиралась в землю, крылась дерном, корой и засыпалась землей. Вход располагался с южной стороны, окон не было, пол земляной или из глины, отопление - костер или простейший очаг, позднее - каменка. Свет проникал через дверь. Так как, зимы на севере холодные, снежные и много влаги в земле, землянки часто заливало водой.

Изба постепенно превратилась в наземный двор с насыпными завалинами, которые укреплялись дополнительными венцами по периметру стен. В I веке н. э. деревянный сруб (стены) дома иногда рубили на месте вырубки леса, сушили, а затем перевозили на место и ставили дом на «чисто». Об этом свидетельствуют «пятна» (нумерация венцов по порядку снизу). Чтобы бревна тесно прилегали друг к другу, в одном из них делалось продольное углубление (паз).

Изба на две горенки (летняя и зимняя) с волоковыми окнами

Перед, середка с дымарем

Прежде его делали в нижнем бревне, чтоб не попадала сырость, теперь делают в верхнем. Следили, чтобы бревно легло верхом той стороны, которой дерево стояло к северу, годовые кольца здесь плотнее и мельче. Было понятие лес «кондовый» и «мендачина». Конопатили мхом, а изнутри промазывали глиной (для тепла), позднее, в XVI веке, обшивали снаружи тесом (опушка).

Инструменты строителя (плотника): топоры - лесорубный, паздник, стеновой (тесать стены), столярный (легкий), топорик (маленький), колун (колоть дерево на ломти), полуколун, клин, долото, стамеска (делать отверстия), струг (стружка), скобель (корить), тесло (вынимать паз, делать колоды, корыта). Хорошие древоделы рубили дом только топором, чтоб уплотнить, сплющить сосудистую ткань древесины (дольше не гниет), даже доски выделывали топором - тесали (отсюда - тёс). Позднее стали использовать пилы - поперечку, продольную, лучковую, одно-двухручную, маховую для распиловки дерева на плахи, тес, ломти. Нужны были бурав и напария (для сверления), деревянный барс и баба.

Рубили дом несколькими способами соединения венцов в углах и в ряду: «в обло» (в чашку) с остатком (зауголком), в «лапу» без остатка, в замок, в крюк и т. д. Первый венец дома ставили на закладные камни под углами, а затем камнем же подбирали и ленточный фундамент. Изоляцию делали из березовой скалы. Лес на дом готовили зимой, до сокодвижения, а дом начинали строить с утра (с 21 марта по 22 июня), день недели - вторник, четверг, на растущую луну. Под закладные бревна закладывали в ранние времена - череп коня или быка, петуха, а позднее - воск, шерсть, ладан, деньги - для духа дома - домового. В зимней избе в ранние времена пол делали из мятой глины, позднее на лагах настилали пол из ломтей (бревно пополам) или плах, в закладном дереве вынимали «четверть» и на него настилали пол. Ниже пола было подполье, (для хранения овощей), а входом служил люк (вороток). К избе пристраивали сени (мост) для входа в избу и в середку, для входа на мост - крыльцо (крытое и без крыши). Окна были волоковыми (задвижка из дерева), позднее затягивали их мочевым пузырем животных, слюдой, а затем стеклом. Окна были небольшими. Иногда одно окно делали больше и стеклили, а рядом - маленькие волоковые (стекло дорогое). Потолок настилали из кантованного кругляка, ломтей, для тепла заливали глиной или засыпали землей. Крышу делали на два ската, крыли корой, соломой, тесом, на верху тес прижимали охлупнем (конек по середине - гнетом (слегой), а внизу на курицах укреплялась колода (водосток, застоек, застрешина), в ней закреплялся нижний конец теса. Слеги гнета распирала распорками, чтоб не съезжали (гвоздей на такую крышу не требовалось). Затем дом окосячивали - вкладывали (вставляли) двери, окна. По периметру стен устанавливали лавки, выше окон - поллицы, в красном углу - божница,

Зимняя изба с волоковыми окнами

Опушенный перёд с «вышкой» и балконом с колоннами

воронец с полатами и опечье для русской печи. Стены конопатили и строгали, били русскую печь, и жилье было готово к заселению. Новоселье справляли весело, с богатым угощением, без подарка в новый дом заходить не полагалось. Дом освящали по христианскому обычаю после того, как в нем совершалось одно из ключевых событий жизненного цикла: рождение, свадьба, смерть кого-то из семьи.

Развитие городов, кузнечного производства и новых приемов строительства жилых домов привело к изменению способов рубки и инструментов, применяемых в строительстве. Появились конопатка, черта, скоба, уровень, отвес, струна, кондак, говтель, рубанок, фуганок, калевки.

Части бревна: хлыст, комель, вершина, круглое, окантованное, брус, полубрус, плаха, тесина (доска), брусочек, горбыль, обрезной брусочек, осмудок, тупяк.

Качество леса: кондовый, мендачина, табачник, гонтовый, сухостой, бурелом, с подсечкой, сбежистый, крученый, суковатник, тонкомер.

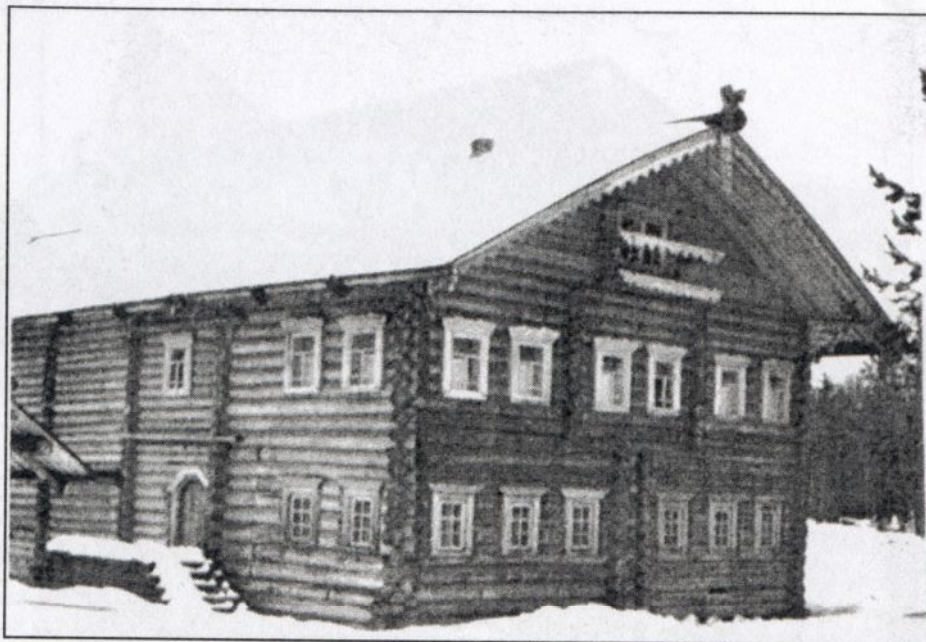
Подсобные средства: поката, лаги, вага, кол, лом, леса, следи.

Приемы работы: корить, катать, кантовать, юзом, затесать, отесать, сплотить, пролазить, посадить на налети, (на шипах), выбрать паз (гнездо), впритык, в шпунт, в накрой, за подлицо, оправить, оговтелить, насадить.

Части дома: закладные, ряд, венец, сруб, стопа, ветренка, переводы, подполлок, пол, вороток, простенки, проемы, косяки, порог, дверные полотна, околенцы (окна), матица, потолок, стропила, следи, карта крыши, курица, застрешина (колода), охлупень (конек, князек), сонек, фронтон, упоры, опушка, наличники, подзор, воронец, полицы, заплотка, спицы, грядки.

Крыша дома: дерновая, кора, солома, лемех, щепя, тес. Крыли: внакрой, гонтом, в одну-две карты. Сомцовая крыша - без гвоздей.

Двухэтажный перед с летним крыльцом

Амбары зерновые

Кузницы да мельницы

Кузня, кузница (по В.И. Далю и далее)- заведение дляковки железных вещей, место, где куют, ковальня. Кузнец, коваль, ковач. Ковать - железо обрабатывать молотом, придавать ему любой вид - гвозди, подковы, серпы, косы, сковороды, ухваты, лопаты и пр. - ковать в три кулака (в два-три молота), кузнечная сварка металлов (белокальная ковка), холодная ковка, закалка.

Наковальня - снаряд, на котором куют (бабка) - железная, четырехгранная, под пяткою шип (нога) для вставки в обрубок дерева, с одной стороны или с обеих - по рогу. Кузнечные принадлежности - молот большой и малые, рубило, зубило, пробойник, клепало, клещи, шаблоны, волочильня, горн, меха, древесный уголь, паяльник, припой, кислота, сера и прочее.

Кузнец - ремесло в деревне почетное. Железо всегда было в цене, а изделия из него широко применялись на земле и в быту. Кузнецы ковали новые изделия, реставрировали старые, обновляли, наваривали, лили, острили, калили, клепали, паяли, ковали лошадей, изготавливали скобяной приклад, гвозди, проволоку, нарезали резьбу, болты, ковали гайки, точили, клепали жернова, обтягивали шинами колеса, лечили, колдовали, украшения лили - от скуки на все руки. Огонь горна, звон железа всегда привлекал к кузнице народ, звон кузнечного молота радовал крестьянина - кузница шумит, жизнь идет.

Мельница - машинное устройство с жерновами для молонья (измельчения) сыпучих тел, зернового хлеба.

В старину в каждом доме стояли жернова (меленки, жерновки, крупорушки), на которых мололи (терли) зерно на муку, крупу, обдирали (шастали) от наружных пленок ячмень (жито), овес, полбу. **Жернова** - мельничный камень кремнистой породы, плоский, вытесан по круглому обводу с насечкой (наковкой). Верхник - бегун и нижник - снасть или постав. Железное веретено проходит сквозь вечею (ячею) верхника, где наглухо заклинено в железную стригу, затем сквозь ячею нижника в деревянную втулку (кошловину), обложенную войлоком, и упирается подпятником (пятой) в сырец (железную плиту), вделанную в пятник (брус). Головка веретена вставлена в порхлицу. Зерно сыплется из ковша под веретено в вечею. По величине на четверти жернова были: осьмерик, девятерик и т. д. По приводу - водные мельницы и ветряки. Ручные жернова приводились в действие руками. Зерно обдирали в ручных ступах, окованным пестом (шастали).

Мельницы: хлебные, мукомольные, крупяные, круподирные, крупорушки, крупчатки, пороховые, красочные, аптечные,

костомольные, кофейные, лесопильные. Позднее появляются мельницы паровые, конные, электрические.

Водяная мельница: подливная или наливная, смотря потому, как подавалась вода к колесу под колесо или на колесо сверху. Колесо ворочает вал с шестерней, насаженной на снасть, или веретено, стоящее на лифте, проходящее в козулину, в исподнем (нижнем) жернове, захватывающем верхний жернов наглухо и укрепленном вверху в порхлицу. Конник трясет корытце короба, из которого сыплется зерно (лунка леток).

Погонный ларь (коуз) из него течет вода на колесо.

Ветряная мельница - стоячий вал (стояк), в концах его железные осены. На стояке внизу - почвенное (лежачее) колесо, которое шестерней ворочает. Зерно из корытца сыплется из приемного ковша. Верхний жернов ходит на железном веретене. Оно входит в ячею (матку, дыру) сквозь исподний жернов, в которую вставлена втулка (катушка). Рычаг под жерновом - баран. Крылья мельницы - махи, поперечные жерди - плицы, ворочают ее по ветру правилом (рулем), хвостом. **Мельница** - шатровка вся ходит на хвосте, а у машинной один колпак (верх).

Ветряная мельница

Толчея - шастальня - механическая ступа. Окованная железом ступа, закрывается крышкой с отверстиями для пестов с клиньями, за которые цепляется приводной вал и поднимает пест. Выходя из зацепа, пест падает вниз на зерно и обдирает пленку с зерна.

Около водяных мельниц на реках и речках устраивали плотину (запруду) для создания пруда, запаса воды. Подошву плотины делали из камня, на глубоких реках камень готовили с лета, а зимой прорубали лед и сбрасывали в проруби заготовленный камень. Летом камень ровняли, клали на него деревянную елань, рубили ряжи, засыпая их камнем и щебенкой, забивали глиной. Для пропуска лишней воды и льда весной делали разборный ряж. Плотина служила и мостом для переправы через реку.

Мельницы работали в основном в большую воду и в период массового помола зерна, после его первичной обработки на гумнах. За помол брали гарнцевый сбор в пользу владельца мельницы и в оплату мельнику. Работающая мельница, хлебный запас вокруг, шум воды на шлицах рабочего колеса всегда радовали хлебороба, много хлеба - сытая зимовка.

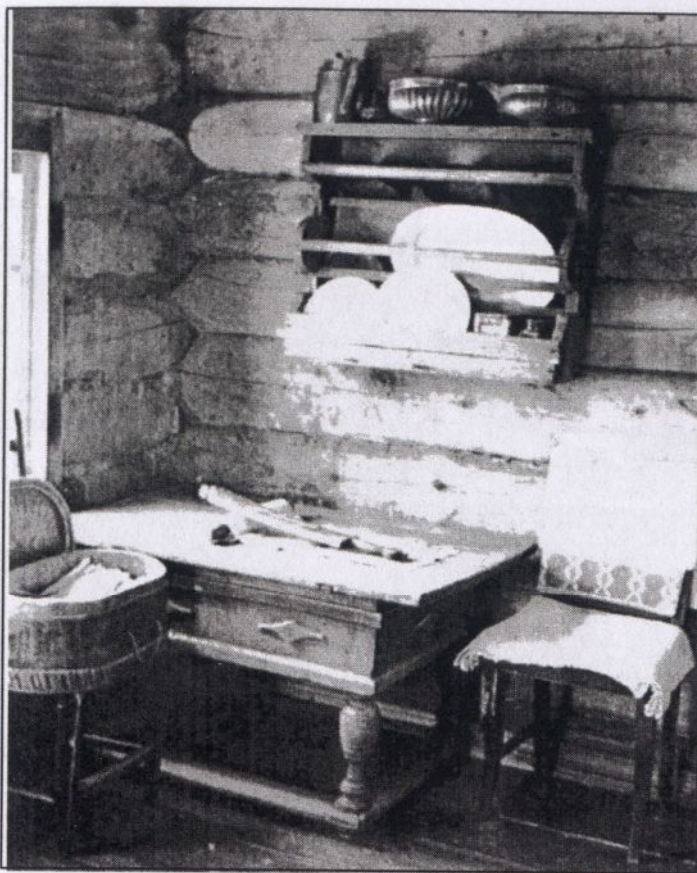
Трудна жизнь крестьянская: работа от зари до зари в поле, необходимость все производить для своего житья, строить жилище, ходить за скотом, растить детей, одевать, обувать их, учить ремеслам, чтоб все в руках держалось, уметь все необходимое в хозяйстве делать самому, а не ходить за пустяком в люди, быть самодостаточным.

Русская печь – кормилица

Человек получил огонь от природы, приручил его, научился его сохранять и заставил служить себе. Постепенно он научился добывать огонь сам и не зависел от природы. Известно из истории, что для некоторых языческих обрядов, добывали «чистый огонь» путем трения двух кусков дерева. Позднее огонь добывали с помощью трута и кресала, кремниевого камня (используется в зажигалках и поныне). Огонь стал оберегать человека, согревать его, кормить. Он мог жить в более суровом климате и не кочевать вслед за уходящим теплом (лето), готовить пищу. Он помогал ему изготавливать новые орудия охоты, труда, развивать новые способы труда (подсечное земледелие, плавильное производство, обжиг, кузнечное производство, глубокая обработка пищи и возможность хранить ее). Постепенно вечный костер, который требовал много топлива и постоянного присмотра, уступил место очагу.

Очаг (по В.И. Далю) - огнище, возвышенный под для разведения огня теплового, стряпного или работного. **Стряпной** - кухонный очаг -

шесток, площадка перед челом русской печи. **Работный** - кузнечный очаг, горн.

Наблюдник

Шомуша с полками для посуды

Очаг - дым, курень, изба, семья, тягло. Домашний **очаг** - своя семья, своя изба. Костер использовался в пещерах, где укрывался человек.

Очаг в жилище, созданном человеком своими руками, дает тепло, с его помощью готовят пищу и пекут хлеб. Основное место семьи в жилище.

Простейший очаг на севере использовали в бане - это каменка - очаг, сложенный из дикого камня (на современном языке это камин открытого огня, который стал прообразом культуры быта древнего человека). Костер требовал постоянного использования дров для поддержания в жилище тепла, света и был пожароопасен. Для приготовления пищи требовались специальные приспособления - таган и специальная посуда (емкости) для варки пищи. Костер и по сию пору используют для приготовления пищи и обогрева охотники, туристы, сборщики даров природы и кочующие цыгане, оленеводы, пастухи. Интересна походная цыганская баня: собирают камень в кучу, на ней разводят костер, накаливают камень, нагревают воду. Затем костер убирают и над кучей каленого камня быстро возводят шатер. Раскаленный камень дает тепло, если на него плескать воду - пар, баня готова. Открытый костер использовали и на плотках (видилах), на которых сплавляли по реке бочки со смолой, на «караванке» - плот с хозяйственной постройкой для торговли во время сплава леса по реке, готовили пищу для сплавщиков. Караванка шла в «хвосте». Люди зачищали берега реки от леса по окончании сплава.

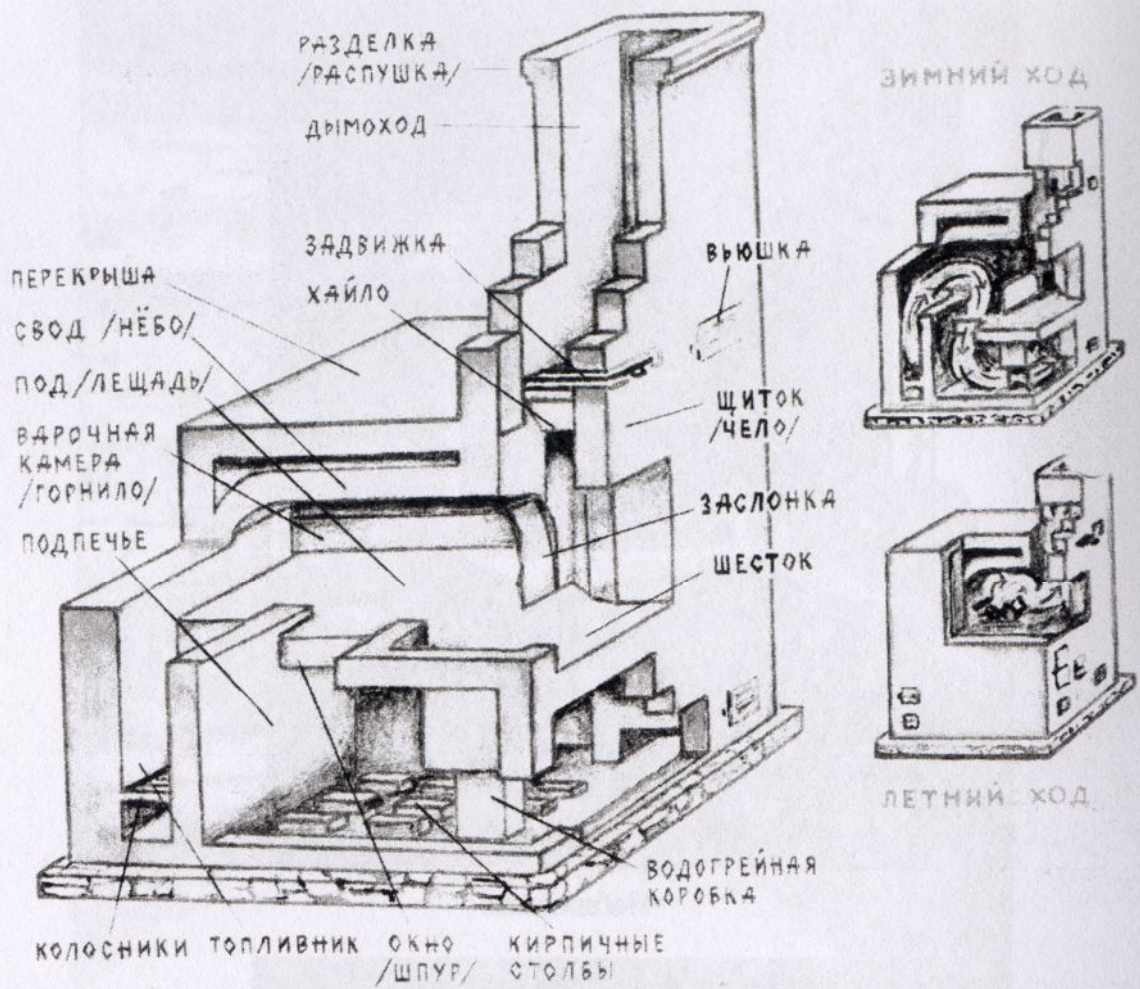
Постепенно костер для удобства и безопасности стали обкладывать камнем, чтобы было удобнее готовить (обычно на месте костра выгорала яма) на нем пищу, дно гнезда и бока выстилали камнем. Каменная кладка росла вверх и превращалась в стенку, а затем и сверху перекрывалась плоским камнем (появился свод очага). Это было безопасно, нагретый камень дольше отдавал тепло, очаг не надо было топить все время. Так появилась печка - каменка (на севере, в банях по-черному, каменка использовалась до XX века). У каменки отсутствовала труба и дым выходил через открытую дверь, позднее - через волоковое окно над дверью. Для нагревания воды и варки щелока использовали каленые в каменке камни. Топили каменки в основном лиственной древесиной, чтобы меньше было сажи (береза, ольха, осина). Дрова укладывали так, чтобы пламя равномерно охватывало поленья, и они сгорали полностью. Тогда сажи было мало и не было угара (береза - давала много жару, ольха (царские дрова) не давала угару, осина не давала сажи) На поперечное полено укладывали 5-7 полен березовых, а на верх - 3-4 полена осиновых. Дрова укладывали и в клетку, чтоб лучше поступал воздух. Тогда они сгорали полностью (хорошо прогревали камень и угарный газ сгорал полностью). Каленым камнем согревали воду, варили щёлок. Протопленную баню «скутывали» - закрывали двери и волоковое окно, и баня «утаивалась» (уходил «угар»). Для пара на

свод каменки, на камни плескали душистыми настоями и парились на специальном полоке. Бани строились у реки - мягкая вода, близко носить, близко полоскать белье, хорошо окунуться в прохладной воде после парилки. Деревенские женщины часто рожали детей в бане - все под рукой.

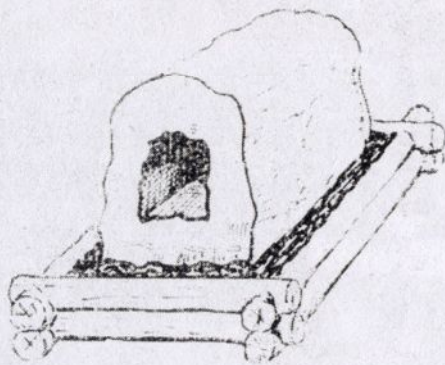
Очаг как обогреватель жилья уже не устраивал жильца. Нужно было сооружение, которое могло отапливать жилище, готовить пищу, печь хлеб, сушить продукты в прок, сушить одежду. Таким сооружением в русской избе стала печь - XV век.

Пещь - печка, печь (по В.И. Далю) - снаряд для топки, для разведения в нем огня. Русская печь (кирпичная или битая) - для тепла, приготовления пищи, печения хлеба. В русской печи различают: опечье - низ, битое основание из песка и глины, иногда на деревянном срубе; подпечье-пространство под опечьем; запечье - пространство между печью и стеной; припечье, припечек - завалинка, либо голбец (голубец); плоскость, подошва (под) внутри печи, над подом - свод, внутри его очаг или шесток с загнеткой, отделенный очинком или задорожкой от пода. В задорожке - чело, устье, а над шестком - кожух и труба (боров). Наружные бока печи - зеркала.

Пече(о)Ра - Печера, печь, полость, пустота. Основная особенность русской печи - туннелеобразная сводчатая варочная камера - горнило (полость), которое разогревается до 200 градусов. Такая температура требуется для выпечки хлеба. Горнило способно долгое время хранить тепло, в нем можно топить молоко, варить каши, тушить мясо. Вкус блюд, приготовленных в русской печи, неповторим. Пища в печи не остывает и не киснет. На ночь в печи можно сушить овощи, ягоды, грибы, коренья. Научившись изготавливать глиняную посуду для приготовления пищи в печи, человек стал использовать глину и для конструкции русской печи. Стали «бить» печи из глины и песка. Процесс сложный, он требовал специалистов - печников. Для возведения печи в доме готовили смесь глины и песка в специальных ямах или же в деревянных творилах. Мяли глину в творилах ногами, добавляли песок для пористости иногда резаную солому. Били печь «гуртом», однодневно. Рубили опечье (рассадник) из дерева, готовую глину сбивали в большие кирпичи деревянными киянками - чикмарями. Печное гнездо располагалось на деревянном городке, так как конструкция печи была довольно тяжелой. Под половые слои подводились специальные «тушки» на камнях с подклинкой, чтобы печь не осела.

Русская печь

Глинобитный курной очаг устанавливался на деревянных венцах. Такие печи отапливали дома наших предков более пяти столетий.

На опечье выкладывали (выбивали) под печи под определенным углом наклона, чтобы не посадить в печи «медведя» (участки печи, не прогреваемые пламенем) и начинали выбивать стенки печи, лишнюю глину снимали резакми. Сформировав размеры топочной камеры и выбив стенки печи, в топочную камеру вкладывали деревянную опалубку (шаблон) для формирования свода (нёба) печи, на который и набивался свод. Он тоже возводился под определенным углом, чтоб огонь и жар равномерно омывал свод и дым без задержки выходил в кожух печи (непрогревающиеся участки в печи оставались черными, их-то и называли «медведем» - брак в работе печника). Выбив свод, формировали перекрышу печи, вырезали печурки, устье, шесток (очаг) с зольниками (печурками) и чело (кожух) печи, боров дымохода, который прикрывался вьюшкой с засторонком и выводили трубу через потолок и чердак на крышу. Несколько дней печь просушивали, не разводя в ней огня (осаживали). Затем несколько недель, постоянно увеличивая количество дров, печь обжигали. При топке выгорал и деревянный шаблон. Битые печи служили долго, время от времени в ней лишь заливали новый под. Снаружи печь для красоты и удобства обделывали деревянным кожухом - (голубец), вырезали в боковых стенках узоры, на него же дожили и воронец, на котором устраивались полати. На печи спали, сушили обувь и одежду. В некоторых местах в печах даже мылись, но основная работа для русской печи - выпечка хлеба, приготовление пищи, обогрев жила.

Ранние русские печи были без трубы (по-черному). Дым из устья попадал в дом и выходил через открытые двери, позднее - через волоковое окно над дверью. Топили печь и «по-серому» - дым через душник в потолке (над устьем печи) выпускали на чердак, оттуда он через слуховые окна или деревянные дымоходы выходил наружу. Печи без труб называли курными, так как дрова в печи курились во избежание искры, которая могла привести к пожару. В летнее время и в жару, пищу готовили на поварнях на улице. В городах стали использовать обогревательные печи из обожженного кирпича - голландки, столбянки, лежанки и камины, для отвода газа и дыма - кирпичные трубы. Высокая пожароопасность заставила печников к устью топочной камеры устанавливать чело (колпак, дымосборник) или устье (кожух, щиток), по которому дым и газ направляли в деревянную (из досок) трубу и выводили на крышу. Тяга усиливалась, дым и угарный газ свободно выносились, но на стенках оседала сажа, которую надо было часто пахать (вычищать) и позднее для кладки труб стали использовать кирпич.

Появляется специальный приклад к печи: ухват, кочерга, клюка, сковородник, лопата (садник), помело, противни, сковороды, чугуны, горшки, ладки, кринки, корчаги.

Печи для работы: волчья или сыродутная (добыча из руды железа), кузнечный горн, плавильная печь (домна), обжигальная и т. д.

Русская печь - неотъемлемая часть быта русского человека.

Хлеб-батюшка

Хлеб - (по В.И. Далю) мучное печенье из кислого теста, печеный хлеб готовый к употреблению в пищу. Хлеб черный - ржаной, а белый - пшеничный. Калач, пирог, булка.

Каравай - в древности, когда не было возможности принести в жертву корову, лепили из теста корову с рогами. Позднее, хлеб, увенчанный рожками - «Коровай» приносили в жертву Роду и роженицам - «моленный хлеб, каравай».

Научившись молоть зерно, получив муку, заспу (крупу), человек научился печь хлеб и варить кашу. Русская печь - идеальные условия для выпечки хлеба, основного продукта питания русского человека (хлеба нет, так и есть нечего). Большая крестьянская семья требовала больших забот, умения и знаний, чтоб её накормить и сытно, и вкусно, и вовремя. Здесь печь-матушка была главной в доме: печет, варит, парит, жарит, сушит и греет. Выпечка хлеба лежала на плечах «старшухи» в доме.

С вечера, просеяв муку через решето, доставала она из подполья мел (жидкие, живые дрожжи) и в деже или большой пирожной кринке (квашне) творила (ботала) тесто, чтоб оно за ночь выходило на теплом шестке печи. Ботали и на квасе (закваска, остаток ходелого теста в квашне), и на опаре. В тепле заботанное тесто «ходило», поднималось, увеличивалось в объеме. Утром до затапливания печи, хозяйка месила тесто, добавляя в него муки, солила, доводила тесто до нужной густоты. Замешанное тесто подходило, поднималось (увеличивалось в объеме) и его до трех раз уминали, осаживали, убатывали в квашне. Печь на протопе, и хозяйка начинала «катать» караваи. На столе, подсыпанном мукой, формировала из теста круглые караваи. В больших семьях караваи катали в ночевках (деревянных корытцах). Готовые к выпечке караваи укладывались на стол и накрывались скатертью, чтобы поднялись («растронулись»). Скорой рукой «старшуха» успевала на огне напечь к завтраку стопу овсяных блинов, семье на горячее утром. Блины ели с маслом, сметаной, рыжиками, пареной ягодой, с горячей кашей или толченой картошкой, с толокном и простоквашей. Что оставалось после завтрака намазывали маслом, посыпали толокном и ставили в печь к обеду (блины мазаные), да блин-другой оставляли старикам на блинницу (в свежие скоромные щи). Говаривали: «Спасибо, кума, за три блина», - «На здоровье, кум, ты ведь по два гнул...»). Печь истопилась (села на уголье), угольный жар разгребали по всему поду,

чтоб прогреть его для выпечки. Тем временем свекровка уже наскала на столе десяток гороховых сочней на хворосты. Запахав сосновым помелом в печи, старшуха сочни - на лопату и на горячий под в печь скидала, пусть пекутся. Через пять минут хворосты готовы.

Свекровушка каждый хворосток жирно поволожит маслом и в стопу друг на друга складывает, а сверху скатерткой закроет, пусть отходят, мягонькие будут. Хворостей гороховые (как и шаньги), откусишь малехонько, а нажуется полный рот, сытные. А прихворнет старуха, то и кисель гороховый «старшуха» заварит. Добра горяченья с топленным маслом, нажориста (сытная), до павжны внутри тепло.

Пришло время и хлеб сажать, чтоб жар не упустить. В ковш - свежей водички на под побрызгать: огонь да вода вместе идут, хлебушко вкусный дают. Лопату (садник) в руки - «благослови Господи...», и караваи покоятся на горячем поду. Прикрыв заслонкой устье печи, стряпуха закрывает печь вьюшкой, чтоб жару хватило. А подгорать хлеб начнет, заслонку откроет, даст вздохнуть печке-матушке. Той порой нужно наладить щи, кашу к обеду, чтоб после хлеба в печь поставить. Проверая, уpekся ли хлеб, хозяйка доставала каравай, клала его себе на голую ладонь, если хлеб не жег руку, значит уpekся, пора доставать, поспел. Каждый каравай она «умывала» водой и укладывала на стол под скатерть - отдыхать после печи. Чтобы узнать удачен ли хлеб, один каравай разламывала, пробовала, проpekся ли. Свежий хлеб ножом не резали, а ломали руками, чтоб не мять. Удачный хлеб - кусок нажмешь, он присядет, а затем принимает прежний объем. Хлеб пористый, душистый, с румяной корочкой, не растрескался.

Резали караваи на ломти (срест), горбушки, краюшки, четвертухи (кусок). Ломали, крошили, ошурочек, корочка хлебная, росинка хлебная, сухарик.

Выпечка хлеба из ржаной муки: - ржаничники, ячневой - житники, пшеничной - пшеничники, из яровых культур - ярушники, мякушники. Хлеб с начинкой внутри: рыбник, губник (грибная губа), саломатник, капустник, ягодник, картовник, рыжичник, луковник, солоник, шоптальник, кашник, столовик.

С наливкой по верху: полевахи, сметанная, творожная, картовная, ягодная.

Праздничная выпечка: губнички, пирожки, витушки, шанежки, калачи, пряники.

Для детей: папушники сладкие, жаворонки, витушки.

Пироги на сочнях и в сочнях: картофельные, сметанные, молочные, пресные. В сочнях - галаночки, репники, творожники.

Из заварного ржаного теста (под самоваром) катали тютки. Их ели горячими, макая в масло и толокно.

Из овса готовили толокно, овсяную крупу, овсяный кисель, блины, из толокна месили сухомесы и соломаты, дежонь.

Из ржи пивной солод. Из него варили пиво, квас, сусло, мел (дрожжи) для выпечки хлеба, навеселивания пива, браги, меда.

В неурожайные, голодные годы в муку для выпечки хлеба добавляли: хиву (отходы от молотыбы), клеверную пыжину и шишку, лебеду (марь белая), древесную кору, крапиву, картофель, льняной жом, сенную труху.

Пекли пироги с курятиной - курники, с мясом - расстегаи. Из тонко раскатанного белого теста делали лапшу.

Зимой хлеб морозили, чтоб не черствел, а потом распекали его в печи, в дальнюю дорогу готовили сухари.

Говорили: «Хлеб свой, дак хоть у попа стой».

Щи да каша - услада наша

Появление русской печи обусловило и свои приемы приготовления пищи. Печь - варит, парит, жарит, томит, топит, сохраняет горячим круглые сутки приготовленную похлебку.

Щи (щечки, шти) - (по В.И. Далю) похлебка мясная (скоромная) или постная из рубленой, квашеной капусты (иногда щавель). Щи с забелкою (сметаной) крапивные, ленивые (капуста свежая не рубленая, накрошенная ножом), мороженые щи (зимой морозят и берут с собой в дорогу, разогревают), кислые щи (род шипучего кваса) в бутылках.

Каша - (по В.И. Далю) густая пища, крупа, варенная на воде или молоке, крутая каша - полбенная, гречневая, пшенная, ячневая, овсяная, ржаная - готовят в горшке и в печи, запекают сверху. Кашица - жидкая каша.

Супы - с крупой, картофелем, овощами (мясные и постные). Суп гороховый, грибной, курья (с курятиной), молочный, рыбный.

Уха - двойная, тройная, из белорыбицы (без картофеля, на костре).

Студень - холодец.

Тюря - лук с квасом, суслом, крошеным хлебом, сухарями.

Кутья - горох, пшеница (разваренные в воде).

Болтунья - с мукой и яйцом, с толокном.

Кисель - гороховый, овсяный, житный, картофельный.

Каши - сальники (с внутренним салом) с житной и пшеничной крупой.

Соломаты - толокно, мука с салом.

Сухомес - дежень - толокно с простоквашей.

Селянки - молоко с яйцом, топленые в печи, с сухой ягодой, сушкой.

Молоко - кипяченое, томленое, жареное, гуца, простокваша, устой, сметана, прясное, кислое, масло топленое, пахта, пенки, отmeshки, сыр.

Паренка - пареные овощи, сушонки - сушеные.

Жареное - мясо, рыба, дичь, курятина, картошка.

Отварное - то же.

Тушеное - то же.

Сало - соленое, топленое, жареное, сморчки.

Для приготовления пищи требовалась посуда: горшок, кринка, ладка, корчага, блюдо, блюдце, блюдечко, чашка, глечик, рыльник, топник, чугуны, сковороды, противни, чайник, самовар, ведро, котелок, ножи.

Орудия: половник, поварешка, шумовка, тертуха, толкушка, лопатка, мутовка, чумичка, дуршлаг (решетце), весло.

Для любого блюда нужна была соль, а для аромата использовали анис, горчицу, лук, чеснок.

Прядение и ткачество

Одежда на северных просторах и при низких температурах - вещь нужная. Она должна быть теплой, удобной при работе. Древний человек использовал шкуру убитого им животного. В раскопках археологов у озера Воже (Вологодская область) были обнаружены семена льна и части древней прялки (II тысячелетие до н. э.), значит, ранние славяне и финно-угры уже знали приемы прядения нити из льняного волокна и ткание (вязание) из них полотна. Из семян льна люди умели добывать и масло в пищу. Обработка льна - довольно сложный и многодельный прием.

Лен - волокнистое растение, из которого выделывают нитки и ткнут полотна (по В.И.Далю).

Лен-сланец - расстиляли на стлищах.

Лен-моченец - мочили в воде для отделения волокна от костры. Лен глухой - растун, долгунец, дает длинные, но жесткие волокна. Лен-плаун - волокно короткое, мягкое и тонкое.

Лен-текучка - у него желтая головка лопается, роняя семя.

Лен сибирский - дикий. Грубые вычески льна - изгреб, вторые вычески щеткою - пачеси, чистый лен - куделя. Льните - поле после льна, стлище - место, где лен стелют.

Лен обмолачивали лапой или вальками (колотушками), затем расстиляли на убранные сенокосы для вылежки, чтоб костра (костица) лучше отстала от волокна (иногда мочили). Улежавшийся лен собирали в бабки и просушивали, потом убирали под крышу, досушивали на овинах. Сухую тресту мяли в ручных мялках (между двумя деревянными брусками третьим бруском с ручкой), отделяя от волокна костицу. Полученное пасмо волокна трепали деревянным трепалом, очищая волокно от костры. Затем волокно прочесывали

деревянной щетью (позднее железной, костяной), удаляя короткое волокно-очески (изгреб), получали длинное волокно - куделю, которая и шла на прядение.

Возделывали северяне и коноплю (поныне известны названия - «конопленники»), используя семена на масло, а волокно - на канаты и веревки. Ткали из волокна конопляного посконное полотно, но оно было грубей и холодней льняного. Вязали из конопляных нитей невода и сетки для ловли рыбы (на запах конопляного хорошо шла рыба). В ритуальных обрядах использовали волокно крапивы, лебеды и прочих растений.

Для прядения и ткачества широко использовалась и шерсть (линька) животных: овец, коз, собак, коров. Как предполагают ученые, вначале человек использовал шерстяную нить. Первым способом прядения (который и доныне используют в деревнях - скручивание вервей для починки валенок и сбри, вьют веревки и канаты), было прокатать вытянутую прядь волокна между ладонями или на колене, стегне. Такая нить называлась «вервью» (постеголенца) или «сучаниной» (вертеть, сучить, спускать). Для получения более прочной и тонкой нити применялось веретено (веретешко, вертено) - деревянная точеная палочка, четверти в полторы, острая к вершине и утолщенная (пряслень-маховичок) к нижней трети, с зарубкой и круто заостренной пяткой (В.И. Даль). Отсюда - веретье, верета, рядно, дерюга, ряднина, ткань. Масса волокна из кудели (борода, куделька) укреплялась на деревянной прялке, вырубленной из копани (ствол дерева с корнем) - пряслице - один конец которой был лопаточкой, на другой конец садились - донце (комелек). Неразъемная прялка - прялица, прясло, кудельница. Пряжа тянула из кудели волокно одной рукой, раздергивая «хохлы», другой рукой крутила веретено, скручивая нить, при этом смачивала ее своей слюной (поэтому рядом с прядильщицей часто стояло блюдо с кислой ягодой, чтоб лучше выделялась слюна). Готовую нить сматывали на веретено - простень, затем в клубок. Из клубков нить сматывали, (екали) с помощью веретена в две-три нитки. К шерстяной нитке иногда для крепости припускали и холщевую нитку. Для крашения нитки сматывали в мотки (мотовило - для мотания ниток в мотки) или на специальные тюрки.

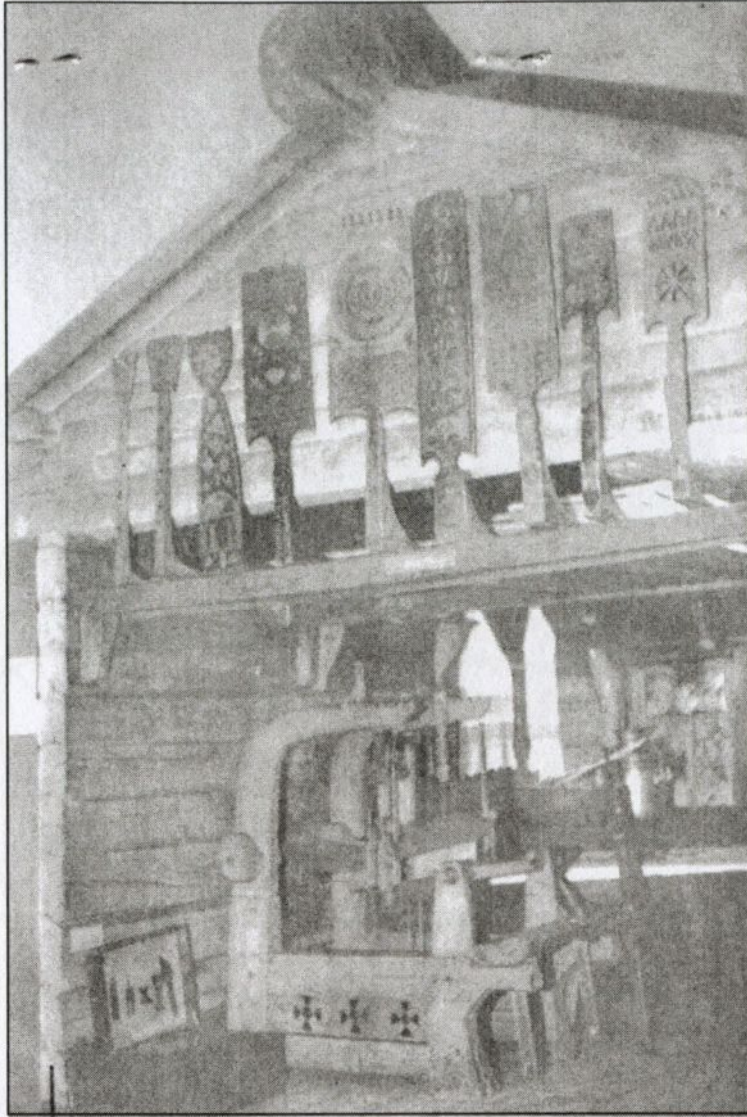
Первоначально нитки использовались для сшивания шкур, затем для плетения простых поясов, тесемок, лент. Затем изобрели горизонтальный стан для ткачества (VIII в.).

Основа-продольная, основная нить ткани.

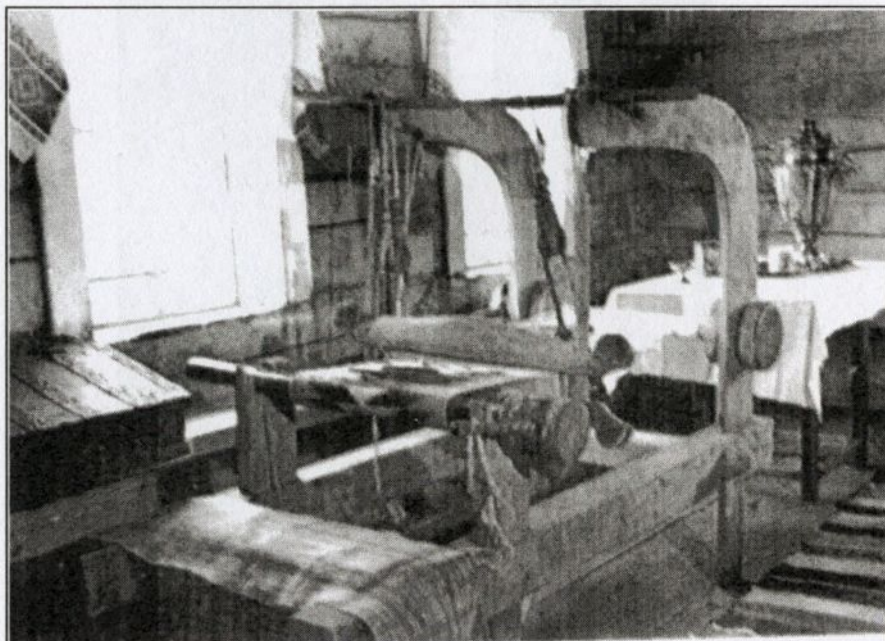
Зев - получается при разведении ниток основы под углом друг к другу (через одну) путем поднятия одной нити вверх и оттягивания другой нити вниз - для продергивания между ними нитки утка.

Уток - поперечные нити.

Нит (ниченца) - устройство, поднимающее часть ниток основы вверх, часть ниток - вниз.

Кросна (стан) ткацкие

Бердо - гребень, щетка для прибавания утка к ткани. Деревянная рама, разделенная деревянными пластинками, через которые продевают нитки основы и которыми прибавают нитки утка. Основу рассчитывают по ширине берда. Берды бывают от 7 до 17 пасменнок.

Пасмо - пасменка - часть мотка льняных или пеньковых ниток. Счет на пасма не одинаков. Пасмо - 30 чисменок (чисменка - 3 нити основы). Холст бывает по числу пасм: семерик, девятым и пр. до семнадцатирика, полудевятыня (8,5) - (по В.И. Далю).

Вертикальный ткацкий станок был изобретен в IX веке и нашел широкое применение на русском севере. Стан изготовляли исключительно из дерева (сосна, береза, осина). Преимуществом вертикального стана было то, что ткачиха работала сидя и ниты перемещались ногами, посредством нажатия на подножки. Для подачи утка использовали челнок, для прибавания утка - бердо, которым регулировалась ширина полотна. Для узорной ткани использовали дополнительные ниты, которые поднимали только часть основы (для бранной и узорной ткани).

Осенью, закончив полевые работы, прибав к зиме скотину, женская половина семьи начинала работу по изготовлению холста. Причин тому много - одежда поизносилась, приданое дочерям готовить надо да и новое полотенец к Христову дню в церковь снести. Основа приготовлена еще летом и свита на тюрниках, уток пряден в прошлую зиму, покрашен, в коробье лежит.

Весной на широкой долони середики устанавливали сновальню (воробы) и готовили основу и для полотна, и на полотенец - узеть, и на половики для дома. Красили утки мотка. В переднем, светлом углу избы устанавливали ткацкий стан (кросна) и начинали их снаряжать. На вал извоя наматывали основу, а затем каждую нитку нужно было протянуть через разделку, нитченцу, бердо и привязать к затканному на новое полотно, натянуть основу на стане, отрегулировать веревки от подножки к нитченце, ход берда и стан к работе готов. На вьюшке наматывали на чивчи уток.

Чивча - свернутая береста, на которую наматывали нитки утка. Затем чивчу вставляли в челнок (катушка для ниток утка).

Ткачиха садилась за стан, и начиналась тяжелая и утомительная работа: нажимая на подножку ткачиха открывала зев основы и проталкивала в него челнок с уточной нитью, натягала ее и прибавала бердом к ткани. Меняя педаль, нажимала на вторую подножку, закрывала зев, захватывая нитку утка нитками основы, снова прибавала двумя-тремя ударами берда захваченную нитку утка. В открывшийся зев уже с противоположной стороны проталкивался челнок с уточной нитью, и все повторялось вновь. Для узорного тканья дополнительными подножками открывались малые зевы и проталкивались дополнительные нитки утка. Для тканья пестряди

использовались нитки разного цвета, основа составлялась так же из разноцветных нитей.

Длину полотна считали «стенами» (стена - 6-8 метров, хранили в трубах до 6 стен.

Холст - холстина - грубая ткань (лен или конопля), полотно. Полотно белили, заваривали (бучили) в горячем щелоке на ночь, отстирывали и раскатывали по снегу в солнечный день (весной) или на росную траву (летом) и оставляли так на ночь - солнце выбеливало ткань. Затем ее стирали и отбивали «вальками» в речной проточной воде.

Красили полотно естественными красителями:

Красный цвет: лебеда, сабельник, зверобой, корень лапчатки.

Желтый: купальница, сурепицы, василек, щавель, шелуха лука, листья березы.

Оранжевый: чистотел.

Зеленый: плаун, крапива, пижма, шишка осины.

Синий: цветы василька, колокольчик, черника.

Малиновый: ежевика.

Коричневый: кора ивы, ольхи.

Черный: таволга, толокнянка.

Цвета по-старорусски: лазоревый - желтый, ковтышек; ярь - ярый, белый; багровый - ярко красный; темный - красный; бусый - серо-голубой; отистый - яркий, красивый; лисый - рыжий; червчатый - ярко-малиновый, багровый; бурнатый - красновато-коричневый; прозелень - светло-зеленый; синь - синий; травчатый - зеленый; Лазарь - светло-голубой, голубец; сурик - коричневый; киноварь - ярко-красный; багрец; смурый - темно-серый; смаглый - загорелый и т. д.

Типы тканей - холст, коломенка, канифас, пестрядь, кашемир, сукно тканое.

Одежда и обувь

В старину по одежде определяли, кто пришел в дом: женщина или мужчина, молодой или старик, бедный или зажиточный гость, а по определенным признакам - к какому роду-племени принадлежит гость, из какой он местности, женат или холост. «Одежда» человека говорила о многом, стоило лишь приглядеться к гостю.

Дети - для них первой одеждой была пеленка (пелена), вырезанная из рубахи отца (мальчики) или матери (девочки) да пояс, которым завязывали, чтоб не «распеленался», а позднее - длинная до пят полотняная рубашка одинаковая и для девочек, и для мальчиков (дитя, ребенок, чадо). Лишь к 8-10 годам мальчикам полагалось носить штаны, а девочкам - паневы (юбки). Их носили поверх рубахи.

По возрасту считали:

Младен-мальчик - до 7 лет

Отрок-до 14 лет

Юноша - до 21 года

Возмужалый - до 28 лет

Муж-до 35 лет

Середовой - **до** 49 лет

Пожилой - до 56 лет

Престарелый - до 65 лет

Старик-далее

Рубаха (здесь и далее по Г.В. Судакову) - рубашка, сорочка - мужская и женская (длина), нижняя и верхняя (исподняя и кошуля), косоворотка.

Штаны - порты, подштанники на гашнике (поясе), наговицы, гачи, гати, исподники (1597 г. - здесь и далее первое упоминание в письменных источниках)

Панева - женская юбка из 3-4 лоскутов на тесьме из полушерстяной ткани в клетку, их не сшивали, а подворачивали, чтоб показать богато вышитый подол рубахи или искусно связанные и пришитые к подолу рубахи кружева (подворачивали и загибали за пояс «кульком»), позднее панева сшивалась и появился четвертый кусок ткани, обычно богато вышитый (прошва).

Сарафан - два куска ткани, соединенные наплечником или лямками, Саян, ферязь - однорядные, двухрядные, прямые, клинчатые, расстегай, сборчатые, с лифом; по ткани: холшевики, крашенинники, пестрядники, кумачники, ситцевики, суконники, всегда с поясом.

Кафтан (сермяжный) - холодный и теплый (1524 г.) или взамен второго кафтана - полукафтан. Суконник, армяк - верхнее долгополое мужское платье на завязках или пуговицах.

Однорядка - (1489 г.) для мужчин и женщин, без ворота, с длинным рукавом (имели прорези для рук под рукавами) носили поверх зипуна.

Кожух (1626 г.) - верхняя одежда из шкур или меха.

Шуба (1382 г.) - долгополая меховая одежда (у женщин - шубка), для поездок зимой - тулуп, доха, полость, с меховой оторочкой и без, укороченная шуба -полушубок (для работы), нагольные и крытые (обшитые материалом).

Сермяга - из холста, сукна - для работы осенью и зимой. Женщины носили сукманники или суконники.

Рукавицы (1596 г.) - для работы на уборке урожая и зимой, в кузнице - дубленые, вязаные, голицы, шубницы, вареги (шерстяные). Вначале для согрева рук использовали муфты-рукавки.

В далекие времена, предполагают ученые, на ноги для тепла зимой наматывали звериные шкуры и называли это «онущей» или «онучей». Позднее стали шить верхнюю обувь, которую надевали на онучи. Это

обувь из кожи или сплетенная из древесной коры или валяная из шерсти.

Обутки или обуток (1650 г.) - обуток, детскую обувь называли мальем.

Лапти (985 г.) - лыченицы или волосенники (из конского волоса), берестяники, ступни (с коротким голенищем). По форме лапти были: липовики, шоптанники, ошеметки, востроносики, тупоносики, упаки.

Сапоги (1563 г.) - шились из кожи по деревянной колодке, по размеру (сапожников называли - устари) на одну ногу, потому их надо было обнашивать по ноге - кривые и полукривые сапоги. Позднее сапоги шили с прошвой и притачкой, сапоги-долгари, уследи (из просмоленной кожи).

Поршни (1590 г.) - из одного куска кожи, стянутые ремешком, крепились к ноге как и лапти - оборами (ремешками).

Башмаки - сапоги без голенищ, коты, чирки, черевики.

Бахилы - рыбачья обувь северного крестьянина.

Боты (1713г.) выступни, кожаные или из лыка.

Пимы (1627 г.) - валяные из шерсти, валенки, катаники.

Наговицы (1612г.) - поколенные чулки, наголенки, наголяшки.

Пояс (1648 г.) - опояска, подпояска, верхний и нижний (гачник) кушак, тканые.

Пояс из кожи с пряжкой - **ремень**.

Одевшись, обувшись, кушак с шапкою надев, рукавицы за пояс - и на работу, дело делать.

Лошадь, домашняя скотина и прочая животи́на...

Человек, как существо разумное, всегда окружал себя полезными для него животными. Условия севера требовали для их содержания особые постройки, чтоб защитить от мороза. Они располагались рядом с жильем человека. Запасался корм на зиму. Животных обучали приемам работы и поведения в своем сообществе. Когда основой жизни была охота, человек приручил **собаку** - помощника на охоте и охране жилья. С развитием земледелия - **лошадь**, как основное тягловое животное и средство передвижения. **Корову**, (запас пищи) - мясо, молоко, кожа, навоз для выращивания злаков. **Овец, коз** - мясо, шерсть, кожи для одежды. **Свинью** - дававшую ему сало, жир, мясо, шкуру. **Птицу** (куры, гуси, утки) - яйцо, пух, перо, мясо. **Кошку** - для защиты от грызунов.

Для зимовки животных на крестьянском дворе строили скотные дворы, хлевы, конюшни, овчарни, свинарники, курятники. Для переработки и

хранения продукции от домашнего скота - кожемяльни, масло - и шерстобойки, валяльни, сыродельни, погреба и ледники, салотопки. Мясо впрок - сушили, коптили, вялили, солили. На зиму скотине готовили корма - сено, солому, лист. Сено скирдовали: в копны, скирды, стога, зароды, проймы, складывали в сеновалы и под навесы.

Лошадь (по В.И. Далю) - комонь, конь, жеребец, кобыла, мерин, лошаки, мул. Конь под седлом, лошадь пашет, кляча воду возит. Лошадь упряжная, верховая, вьючная - коренная, пристяжная, дышельная, выносная, подсидельная, подручная. Лошадь стала (остановилась), загорелась (быстрая езда), осеклась (остановилась), заартачилась, затянулась (тесен хомут), затохлась (устала).

Конь - скакун, скаковой (для скачек), беговой - сильная рысь или иноходь, шагистый - крупный шаг, выездной, тяжеловоз, вожак в табуне.

Коновал - конский лекарь, легчит (кастрирует жеребцов).

Лошадь - жеребая (стельная), жеребится (рожает), жеребенок, кобылка, сеголеток, жеребчик одно-двухлеток.

Масти лошадей: вороные - черные; соловые - желтоватые; белые; гнедые - коричневые; рыжие; чалые - с сединой; бурые, сивые - желто-сизые; каурые - светло-рыжие, серые в яблоках; червлёные - темно-красные, буланые, карие; саврасые - светло-гнедые; мухорчатые, желто-пегие, вороно-пегие и другие.

Корова (по В.И. Далю) - самка крупного рогатого скота, самец - бык, легченый - вол, валуй; до году теленок, телок, телочка, телушечка; яловая (не стельная), нетель (не слученная), не дойная (в запуске), на раздое; обходилась, случилась, заискала, обошлась, отъемыш, переходит (не отелилась в срок). Возраст коровы считают по отелам, плюс три года; первотелок, удойная, удой, надой.

По цвету шерсти: пестрая, белая, черная, серая, красная, бурая, рыжая, черно-пестрая, белоголовая. По стати: мясная и молочная.

Коза - козел - мелкий рогатый скот - козленок, козочка.

Выращивают для молока, шерсти, шкуры, мяса.

Овца - **баран** - овечка, чаконька, ягненок, ярочка, осенец. Суягная (стельная) ягнится, котится, старица, осенешняя.

Используют: шкура на шубу - овчина, поярок (с молодой), мерлушка (с ягнят), смушка (выпороток), голяк, длинношерстная, полушерстная.

Шерсть: зимнина, осенина, руно, остистая, подшерсток, шерсть чесаная, битая, поярок, зимнина, осенешняя.

Свинья (по В.И. Далю) - рюха, чушка, хавронья, кабан, вепрь.

Кладеный - боров, хряк. Свинка, подсвинок, поросенок.

Использовали: мясо, сало, жир, кожа.

Свинья - супоросая, холостая, опорос, помет. Срок беременности: три месяца, три недели, три дня, три часа.

Кур - петух, кочет, кура, курица, цыплята.

Использовали: яйцо, мясо, пух, перо.

Собака - пес, кобель, сука, ощенилась, кутята, щенки.

Породы: водолаз, овчарка, дворняжка, шавка, бульдог, моська, борзая, волкодав, гончая, легавая, пудель, такса и другие.

Кошка - кот, киса, котенок, кутенок.

Сбруя, повозка, инвентарь

Лошадь - основная тяговая сила земледельца в выращивании хлеба, в переработке зерна, перевозке грузов и как транспорт в переездах, и как мера богатства (бедняк-безлошадный). Чтобы иметь полный «сряд» для лошади, нужна сбруя и повозка, орудия для обработки почвы, зерна, уборки выращенного урожая.

Изготовлением сбруи занимались шорники, а в принципе каждый земледелец умел сшить сбрую и сделать повозку для лошади.

Для езды верхом: седло (здесь и далее по В.И. Далю) - для него потник, чепрак, попона, подпруги и стремяна, трок (чтоб седло не сползало вперед), пахва (назад).

Уздечка, узда, обрять - на голову, недоуздок - для управления лошадью, удила (мундштук) - вкладывали в рот лошади для управления (жесткого), повод, шоры.

Хомут - для поездки в повозке - располагается на шее лошади и плотно прилегает к плечам, не сдавливая их. Внизу между хомутом и шеей лошади должны проходить 3-4 пальца руки. Основные части хомута: раздвижные клещи (дерево) соединенные вверху ремнем, внизу стягиваются супонью, на него накладывается калач (кожа, набитая соломой), войлочный подхомутник (потник). В клещи хомута (гужевая мочка) продергиваются сыромятные кожаные гужи, к хомуту прикрепляется шлея ременная.

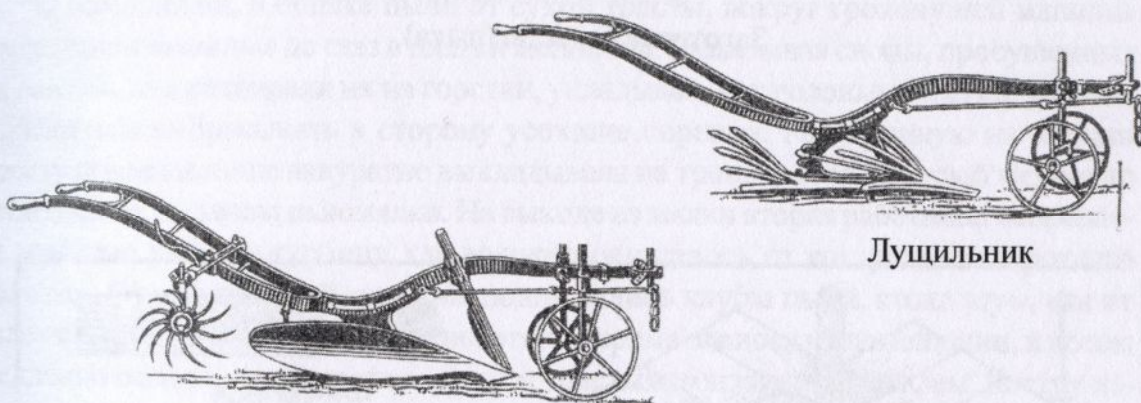
Шлея: охватывает круп лошади и не позволяет повозке накатиться на лошадь (при спуске с горы, подаче воза назад и остановке его).

Иногда с легкими орудиями, работая в поле, одевают вместо хомута шорку-постромки - ременную лямку с вальками и сцепом. С помощью гужей к лошади крепятся оглобли повозки или постромки другого орудия.

Дуга - скрепляет хомут с оглоблями и будучи гибкой, является амортизатором при толчках повозки. Изготавливается из гибкого дерева (круглые и плоские).

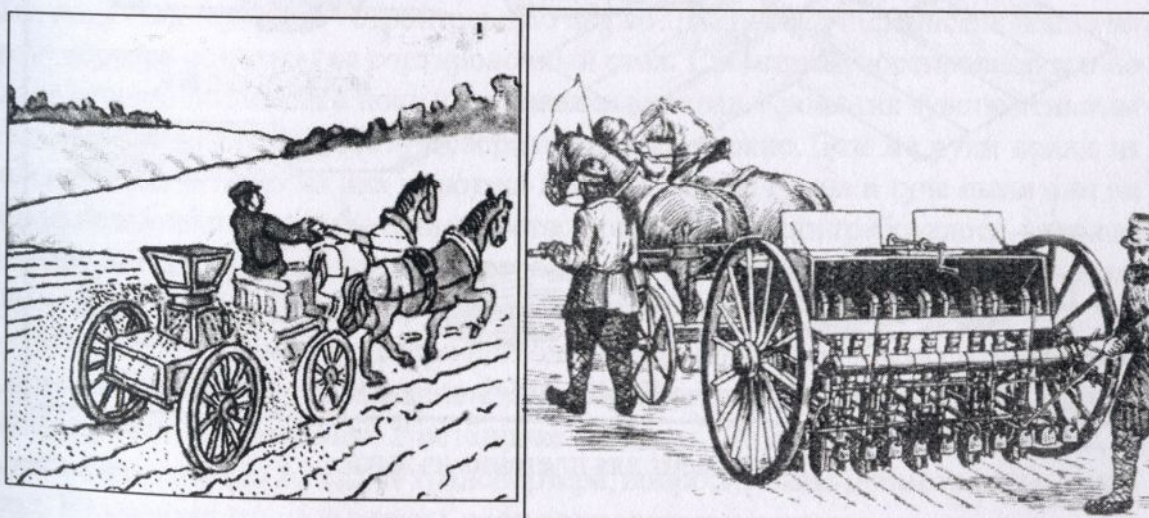
Сиделко - посредством его и через сидельника (подхвата), часть веса повозки, груза и упряжи лошади, то есть хомута, дуги, оглобель переносится с плеч лошади и холки на спину. Сиделко имеет на себе подвижное кольцо, для перемещения при перекосах подхвата.

Подсидельник делают из войлока, подпругу (при помощи которой седло закрепляется на спине лошади) - из широкого ремня.

Плуг целинный и для залежи

Луцильник

Сеялки конные

Подбрюшник - широкая часть подпруги на животе лошади.

Черезсидельник нужно подтягивать, чтобы хомут не давил холку.

Перед подъемом в гору с тяжелым грузом (возом) его ослабляют, а при спуске - подтягивают.

Шлея - применяется в хомутовой запряжке при перевозке грузов, на с/х работах в поле она не обязательна, служит для сдерживания наката повозки при спуске под гору и придерживания при этом хомута.

Вожжи - для управления лошадей из повозки, пристегиваются к уздечке.

Подпруга - чтобы лошадь не выворачивалась из оглобелей.

Шоры - кожаные козырьки на оброти, чтобы лошадь не напугать чем-то со стороны.

Постромки - ременные оглобли, применяются на некоторых полевых работах, а так же для пристяжной и выносной лошади и запряжки цугом.

Ярмо - вместо хомута.

Вальки - прицепные перекладки, для запряжки лошади в постромки и к дышлу.

Повозки: телега, дроги, роспуск, подвозки, двуколка, волока, дровни, кресла (розвальни), сани, подсанки, колодка, волокуши, вицы.

У колесной повозки: колесо-втулка, ступица, спицы, обод, шина, ось, бабка, чека, кроватка, головки, ошлобли, копыл, боковины.

У зимней повозки: полоз, копыл, накопильник, вяз, завертка, шина, головки, облучок, разводы, крюк нахлестки, кузов, колодка, кроватка.

Для поездки: вожжи, повод, витень, плетка, ремеленца, вица, шпоры - для понукания лошади, жатень и веревки, нахлестки, колодка, подсанки - для перевозки и фиксации груза.

Сошные оглобли - **обжи**, для боронования - **впрягаль**.

Для обработки земли: мотыга, лопата, соха, плуг, борона.

Соха (по В.И. Далю, здесь и далее) - орудие пашни, состоит из колодки - поперечный чурбан, в него вкладывают наглухо впереди обжи, сзади рукояти рассохой (рогаль) или казачком (поперечина).

Под колодкой - полоз (подошва), на развилье которой насаживаются сошники, лемех, под ними полица для отвала земли.

Плуг - состоит из ручек, ноги (столб), лемеха (орало), сошника, резца (отрез, нож), полипы (отвал), грядиля, чапины - регулировался по ширине захвата и глубине борозды. Плуг пропашной, окучник, маркер, с опорным колесом и без, картофелекопатель.

Борона - суковатка, деревянная, железная, легкая, тяжелая, обратная.

Серп и коса - горбуша и литовка.

Сушка и обмолот зерна

Вырастив хлебушек, семья жала его в снопы, укладывала в суслоны для просушки, чтобы дошел (дозрел), складывали в гумна, сушили на ригах или овинах, молотили молотилами, веяли на решетках и на ветру, скруживали, отбирая семенное зерно на посев и на муку.

Захватывая горсть стеблей с колосом, срезали их серпом, складывали в сноп, перевязывали его, снопы ставили в суслон, вверх колосом.

Сноп - связка стеблей хлеба, связанная перевеслом, низ снопа - срез (комель), вверх - борода (колос). Для дозаривания складывают в суслоны: 9 снопов колосом вверх и крышка сверху - 10-ый сноп.

Суслоны - девятерик, пятерик, шестерик, крестец (в крест). Сухие снопы складывают до обмолота в шохи или ометы.

Гумно: место, где ставят хлеб в кладях и где его молотят. Крытый ток или ладонь (долонь). Тут же и **овин** - (300 -1000 снопов) - строение для сушки хлеба в снопах топкою. **Рига** - в ней обычно и молотят.

Овин рубленый, каменный - главная часть его - яма, где разводится огонь, без печи, над ямой сушило, садило, посад, грядки или колосники, куда насаживают снопы через передовинье. Накрыт овин накатом, завален землей и покрыт соломой. В ямник входят снаружи, через подлаз, подныр.

Рига с печью по-черному или каменной для нагрева с большим посадом, где молотили и веяли зерно.

Гумно рубили из тонкомера на 2-3 насада (насад 200 снопов или 20 суслонов - количество снопов для группового обмолота хлеба) для молотыбы «изручь» (вручную) молотилами (ручка и кий на поводке) или молотягой (чурбан с деревянными зубьями, для вымолачивания гороха), колотушками (для обмолота льноголовки) с распашными воротами и боковыми воротцами в посадке для веяния зерна на ветру. По бокам - опашни для снопов, мякиленцы - для складирования мякины, пыжины, куглины, грядки над долонью и сама долонь гумна, где молотили, веяли, скруживали зерно.

Для хранения зерна, муки, семян рубили плотные амбары с крыльцом и навесом над ним, где обычно взвешивали зерно. Зерно хранили в закромах, засеках и ворохом на полу. Муку хранили в ларях с крышками, в лукнах и лукошках, реже - в кулях и мешках. Амбары ставили на сухих местах, на высоких каменных фундаментах (от влаги и мышей). Обществом ставили большие хлебные магазины - **магазиен** - в них хранили сданный в виде налога хлеб.

Измеряли зерно (муку) мерой с греблом (гребло - выгнутая в одну сторону палка, которой равняли зерно в мере. Осенью - горбом вверх, весной при выдаче, горбом - вниз, «ямкой», разница - за хранение и

утруску). Мелу с веру оковывали медью, чтоб не обрезали.

Новгородская и московская меры были разными.

Весы - весило, название снаряда для взвешивания предметов, для знания тяжести, веса их по принятым единицам веса. Состояли: из коромысла (полотна), двух равных рычагов и двух чашек или скал на цепях, веревках, нитках. Коромысло подвешено за скобу с кольцом, снизу щеки, просверленные для пропуска оси (шпенька, валика), который ходит по лодыжкам (полочки, подушечки). В коромысле под скобой утверждена стрелка, указывающая равновесие. Большие весы - Терезы, еще большие - вага (важня), малые - вески, весочки, разновески. Весы с неравными рычагами и подвижной опорной точкой - безмен, большие - контарь. На шкале коромысла нанесены деления в фунтах: осьмина (1/8 фунта), четверть (1/4 фунта), фунт, 2 фунта, 5 фунтов и так далее.

Рычажные весы - равные коромысла, на одной чашке груз, на другой - гири.

Амбарные весы и гуменные весы.

Лыком шитые

Русь лапотная. На севере широко использовали бересту, лыко - гибкий и пластинчатый, прочный материал - кору березы (реже лыко ивы, липы) и плели из нее лапти, ступни, корзины, зобеньки, туеса, лукошки, зобни, зобеньки, пестери, коробки, короба, солонки и прочее. Берестой оплетали горшки и стеклянные изделия для сохранности, даже бадьи для черпания воды из колодца (ведра-черпухи).

Заготовка пластовой бересты (с середины мая до середины июня, «зацвела рожь - пора лыко драть») - заготавливали скалу (скалье) березы. Бересту разрезали вдоль ствола - пазилом (долото на тычке) и скалывали, не повредив слой коры (через несколько лет дерево восстанавливало бересту) вновь деревянным клином (пласт - скол бересты) и складывали по два листа внутренним слоем друг к другу, под груз, чтоб не сворачивалась. Заготовленные листы позднее расслаивали на более тонкие и использовали их для поделок (шили туеса, лукошки, короба, коробки).

Заготовка лыка - узкие ленты (1-3 см) снимали ножом или резакон и сматывали в клубы внутренней стороной наружу. Использовали для плетения осенью или зимой.

Заготовка с колотьем - брали березовый цилиндр, снятый со ствола спиленной березы («чулком»). Бересту на стволе отбивали колотушкой и отделяли от ствола с помощью проволочной петли, хранили цельными цилиндрами «один в одном».

Плетение: крупные вещи плели из широких полос («говтьем»), снятых с березы спиралью (корзины, короба), для мелких нарезали полоски

из пластовой бересты, для туесов использовали «цельные цилиндры», заготовленные «сколотьем».

Инструменты: кочедык (коточик, костич, свайка, лапотное шило), острый нож, сапожное шило (квадратное), прямое шило (круглое), нож-косяк (сапожный нож), ножницы, резак (кроить бересту на ленты), зажимы (деревянные иголки).

Приемы плетения: прямое и косое (под 0 и 45 градусов).

Плетут по шаблону или по колодке (получить нужный размер) - ленту заплетают лицевой стороной вверх, концы ленты заостряют. Выплетя основание изделия, ленты загибают вдоль ребер шаблона, прижимают и обвязывают бечевкой. Затем, начав с основания, последовательно оплетают вертикальные ленты плетева рядами горизонтальных лент. После того освобождают от горизонтальных лент, вынимают шаблон, доплетают высоту изделия, последний горизонтальный виток формируют из нескольких полос лыка для крепости, заплетают верхнюю грань горизонтальных лент вертикальными лентами, заплетая их в плетево с помощью кочедыка, затягивают крепко и лишние концы лент обрезают. Для укрепления изделия и его плотности выплетают второй слой лент уже лицевой стороной наружу (с помощью кочедыка), подсовывая их под первые ленты.

Выплетенных слоев может быть и больше (украшения, узор, чтоб воду держало, разная ширина полос, лент).

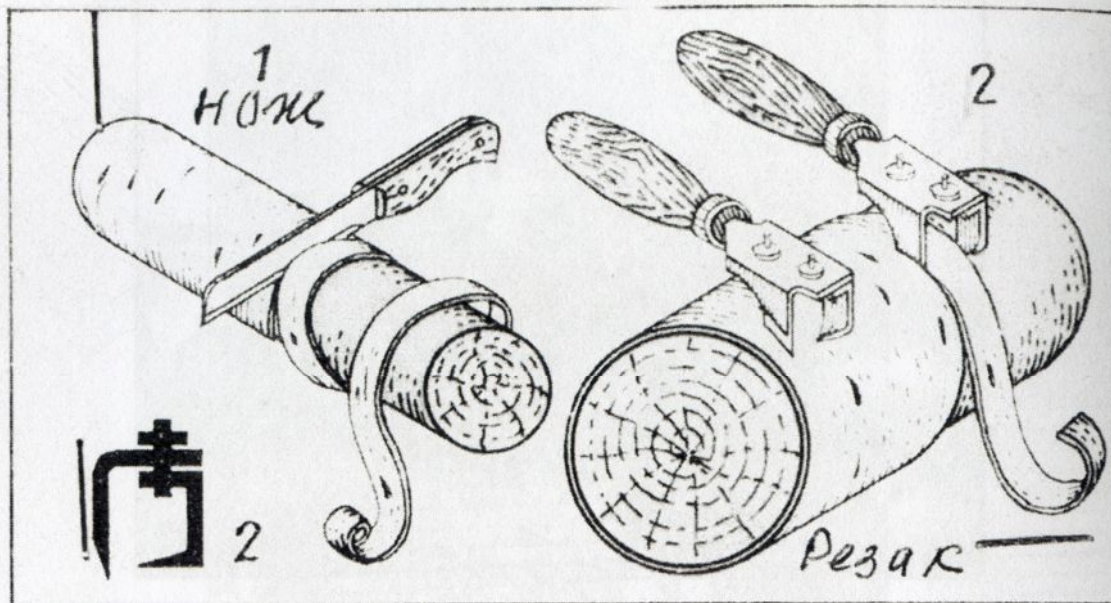
Для украшения и придания изделию блеска его натирают растительным маслом и протирают чистой сухой тряпкой.

Лапти заплетают или спереди, или сзади (по желанию мастера), и делают как минимум двухслойными, плетут и прямой, и косой клеткой, к пятке привязывают оборы, настилают внутрь сухого сена, на ногу наматывают портянку, обвязывают ее оборами, и обуток готов, «хошь пляши, хошь на работу хлещи», нога сухая, теплая, обувь легкая, удобная, ноская и недорогая, растет на березе, на полном серьезе.

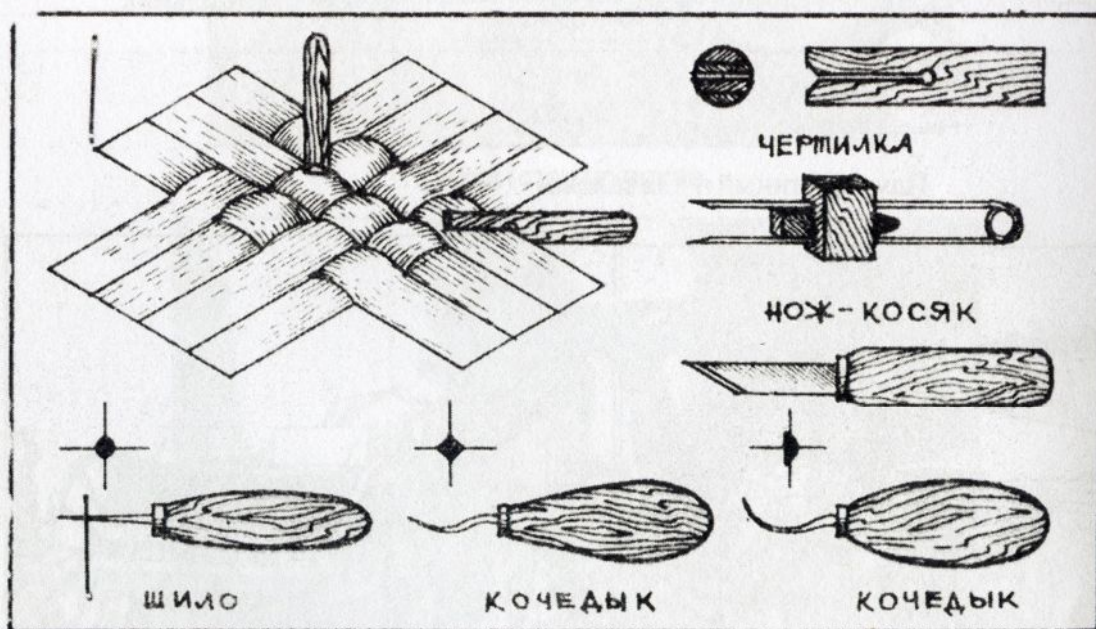
Лапоть - лапоток, лаптишко, лаптище (по В.И. Далю) - короткая плетеная обувь на ножную лапу, по щиколотки, из лык, мочалы, лыка ивы, березы, дуба, из тонких корней (коренники), из веревки (чуни), волосовки, соломы.

Лычный лапоть плетется в 5-12 строк, пучков, на колодке, кочедыком и состоит из плетня (подошвы), головы (переда), ушника, обушника (каймы с боков) и запят-ника. Плохие лапти в простоплетку без обушника плели для носки дома в избе. Обушник или кайма сходятся на запятнике и связываются, образуя оборник (петлю), в которую продеваются оборы. Поперечные лыка загибаются на оборы на обушнике и называются курцами, в плетне обычно десять курцев. Иногда лапоть еще подковывают, проходят по плетню лыком, а

писанные лапти украшают узорною подковыркой. Лапти без обор для дома плетутся обычно выше в оборнике - ступни, шептуны, босовики.

Заготовка бересты (лыка)

Инструмент для плетения из лыка

Не стеклянная посуда, не выломится край...

Бондари, бочары, кадошники - профессия в деревне нужная. В каком доме не найдется деревянного ведра, кадки, бочки, ушата, бадьи, которые умели делать на севере с X века.

Для перевозки воды в дом использовали бочки лежачие (лежаки), кадки с круглым дном и кружком-крышкой (скота много и воды надо много), в доме для воды стояла кадь с ковшом-черпаком.

В торговле кадки служили мерами для сыпучих продуктов - кадь, ведро, четверть, пудовка, гарнец, мера.

Для соления и квашения, мочения использовали кадки осиновые под капусту, огурцы, грибы, мясо, клюкву с брусникой моченую, да бруснику пареную в соку. Самыми ходовыми были кадки на 12 литров (ведерные), 36 литров (трехведерные), 48 литров (четырёхведерные), 72 литра (шестиведерные), 180 литров (пятнадцативедерные). Для каждой кадки изготовлялся свой кружок для гнета. Перед употреблением кадки запаривали, замачивали с ароматными травами или вересом. На ушатах пропускали две противоположные длинные клепки и на них делали отверстия, чтоб носить на ушатном коромысле на два человека). В подвале кадки ставили на специальные решетки (поддоны) под которые насыпали сухие опилки - от плесени.

Для изготовления кадки нужного размера пользовались лекалами (шаблон), по которым вырезали «клепки». Сделав шаблон, узкие грани клепки скалывали топором, прямым стругом или рубанком, затем выбивали теслом и горбатым скобелем (гальтель) внутреннюю сторону клепки, стругали фуганком или полуфуганком. Затем готовые клепки собирали с помощью двух рабочих обручей, начиная с малого обруча, составляли остов и осаживали его с помощью набойки и молотка. Надвигали большой (нижний) обруч и тоже осаживали его набойкой. Собранный остов торцевали (сглаживали края) пилой по риску, сделанной рейсмусом. Края остова строгают рубанком-горбачом, снимали фаску прямым стругом, нарезали утор-желобок, в который вставляли донце. Затем наводили деревянные обручи, убирали малый и большой железные обручи.

Двухдонные бочки, бочонки, ходовики изготовляли по той же технологии из закругленной клепки и на железных обручах.

В настоящее время промысел забыт, и мы остались без такой удобной и экологически чистой посуды деревенского быта.

Напитки. В час веселья и ...

Из истории мы знаем, что еще в дохристианские времена древние люди использовали в своих ритуалах поклонения Богам, а также справляя тризны по усопшим воинам, вождям и в свадебных обрядах хмельные напитки, которые готовили волхвы и кудесники, жрецы племен. Использовали для этого мед диких пчел, настоек трав, кореньев и хмеля.

Хмельной мед (по В.И. Далю) - вареный, бутылочный, броженный, кислый напиток из меда и воды с хмелем и пряностями.

Брага (по В.И. Далю) - домашнее, крестьянское пиво, хлебный напиток, иногда более похожий на квас. Брага простая - ячневая, на сухих дрожжах без хмеля, брага пьяная, хмельная, пивцо, полпивцо с хмелем, сусляна (сладкая) и пьяная. Брага овсяная - из овсяного солода. Пшенная брага - буза, из разварного и заквашенного пшена (иногда с медом и хмелем). Брандахлыст - жидкое пиво, слабая сивуха.

Научившись готовить солод из зерна, крестьяне стали готовить на его основе хлебное сусло, а из него варить пиво - слабо хмельной увеселительный напиток.

Солод (по В.И. Далю) - хлебное зерно, теплом и мокротою пущенное в рост (пророщенное), засушенное и крупно смолотое, пророщенный и загнетенный хлеб (зерно), в котором образуется сахарное начало (сусляна), сладкий вкус.

Сусло - сусляно, сладкий, водный напар солода для пива и кваса. Солод готовят из свежееобмолоченного зерна - рожь, ячмень, овес. Зерно насыпают в мешок на 2/3, завязывают и на три дня замачивают в проточную воду (реку) для набухания, потом вынимают и проращивают в теплом месте до трех дней. Зародыш не должен быть больше ногтя на руке, зерно не должно слеживаться и плесневеть. Пророщенное зерно сбивают (утрамбовывают) в мешках и кладут в короб под гнет, утепляют пыжиной, гнетут 2-3 дня. Зерно под гнетом нагревается и солодеет, становится сладким. Солод разгнетают, охлаждают и высушивают на печи, на овине, в риге. Сухой готовый солод крупно мелют - солод готов.

Квас (по В.И. Далю) - русский напиток из квашеной ржаной муки (сыровец) или из печеного хлеба с солодом. Квас широко применялся в питании северного крестьянина как для утоления жажды, так и для приготовления различных блюд (тюрю, солومات-завариха, луковница, хрен, редька). Готовили квас и на «дробинах» (остатки солода после варки сусла для пива).

Пиво (по В.И. Далю) - брага, бражка, хмельной напиток, который варят из солода и хмеля. Пиво белое и черное, да полпива или брага.

Варят пиво на поварнях (на варе) и в русской печи (корчажное). Пиво - первач и жидель, молодое и старое. Варя (количество напитка) учитывалось в пудах израсходованного солода (5-6-8-10... пудов). Пиво варили в специальной посуде: судно, колода, черпак, котел, ушаты, ходовики. Солод замачивают в судно и напаривают, опуская в него каленые камни. Когда напиток напаривается, его «спускают» через отверстие в дне судна, через ржаной соломенный фильтр (куклу) в колоду, из которой вычерпывают в ушаты. Перепаренное сусло может не сбежать - «село». Затем солод заливают второй раз и вновь парят для варки жиделя (второсортного пива) или берут на приготовление кваса. Сусло переваривают в котлах на костре с хмелем. Уварив, охлаждают и «навеселивают» - кладут мел (приголовок) или дрожжи. Пиво ходит несколько дней с хмелинами, затем его «перекладывают», процеживают от хмеля и сливают в специальные бочки-«ходовики», где пиво набирает крепость (пиво ходит, живет). Раньше говорили: на перекладинах пиво не убывает - пили свежее, молодое пиво вдоволь.

Корчажное пиво - пиво, сваренное в русской печи (варили небольшое количество) в корчаге. Использовали мелкомолотый солод, месили его, катали каравай и ставили в паханую печь - парить. Полученное сусло переваривали с хмелем в чугуне, а затем так же как и с пивом на варе: навеселивают, перекладывают, и пиво ходит в ходовиках, набирает силу.

Самогон - водка - во все времена была монополией государства. В деревне крепкий напиток также был всегда в цене (и по сию пору бутылка водки на селе является основной платёжной единицей за оказанную услугу). Крестьянин научился готовить и крепкие напитки. Водку (самогон) гонили (курили) на самодельных аппаратах - кубах, в утай от власти и соседей. Курить вино, водку - сидеть, жать, выделывать, перегонять ее через куб. Самогон - перегон браги, пива на водку домашнего изготовления. Самогон гнали из зерна, картофеля, старого пива (сейчас из сахара, патоки и дрожжей), плохой браги путем выпарки из бродившей бурды, через куб и змеевик (охлаждая пары спирта).

Охота и собирательство

Большим подспорьем в хозяйстве испокон были охота, ловля рыбы и собирание даров природы. Крестьяне всегда находили время для похода в лес.

Охота - ловля, травля и стрельба диких животных, как промысел и как забава, полевание, лесование, лешня (пустошь), полешня. Ружейная охота, псарная, соколиная, ловчая. На охоту выходили с собаками, в основном это были лесовые собаки (зверовые), порода местных

дворняг - прирученных (натасканных) к поиску, облайке и гону зверя. **Гончая - выжловка** - гонит зверя на охотника. **Лайка** - облаивает зверя, обозначая его для охотника. **Борзая** - волкодав - гонит, травит, берет волка.

На охоту ходили: с рогатиной, топором, ножом, ружьем. Готовили ловчие ямы (на медведя, лося, волка), ловушки, петли, силки, капканы, загонные флажки, лук со стрелами. Охотились с подсадой (утка, поросенок), с привадой (приманка) и падлом (мясо), охотились по насту. Использовали мясо, мех, сало, пух.

Брали зверя на овсах, на току, в берлогах, в логове, в норах, на пролете.

Промысловые животные: лось, медведь, волк, лиса, заяц, куница, бобр, белка, выдра, горноста́й, барсук, хорь, соболь, кабан, рысь, норка.

Птицы: тетерев, глухарь, гусь, утка, рябчик, куропатка. В каждом доме, где жил мужчина, было ружье. Молодежь тоже приучалась к охоте. Охоту начинали по спелости меха, необходимости в мясе, исключение - медведь-шатун, волчья стая, угрожающая домашнему скоту, лиса - домашней птице или опасный для людей зверь. При обилии дичи и птицы ее даже вывозили на ярмарки - глухари, польники, рябчик, заяц.

Дробь для зарядов катили сами, лили пули, сами готовили и пыж.

Река была разделена на участки между деревнями, за участками осуществлялся уход, чистили русло и затоны от коряг и леса после сплава. В заводи летом бросали «зелени» - ветки лиственных деревьев, под которыми скапливалась рыба, затем их обводили неводом, ветки выбрасывали и рыбу выводили на берег.

Использовали для ловли: невод, сеть, верши, вентерья, мережи, морды, сурпы, рыболовные крючки, донки, блесны (дорожки), бредни. Ловили на червя и на наживку. Устраивали на реке езы и заездки (деревянная изгородь через всю реку с проходом, где ставили сурпу, ловили нагоном).

Промысловая рыба: пескарь, красноперка, ерш, плотва, елец, язь, подъязок, окунь, щука, лещ, хариус, налим, сорога.

Женщины и дети занимались собирательством в лесу и на полях.

Собирали в пищу: полевой хвощ (пистик), клевер (шишка), щавель, крапиву, лебеду, березовый сок, сосновый сок.

Ягоды: рябину, малину, чернику, смородину, голубику, черемуху, бруснику, шиповник, ежевику, поленику, княженику, костенику, калину, землянику, клюкву.

Грибы: белянки, рыжики, боровики (белый), маслята, подберезовики (обабки), подосиновики (красные), грузди, волнушки, серянки (синюха).

Собирали лекарственные травы для настоев и крашения полотна. Природа северного края богата своими дарами и всегда в трудные и

голодные годы помогала человеку выжить, лечила его. Знали северяне и множество ядовитых трав и плодов, грибов и ягод. Человек - часть природы, ее дитя, и в основном - ее единственный враг и разрушитель.

Лес - зеленое золото северного края

Вековая тайга Вологодского Заволочья издревле кормила и обогревала, давала жилье и одевала человека, живущего рядом с ней. Из дерева человек сделал первое орудие труда - палку, для защиты - дубину. Сгорая в костре, дерево давало человеку тепло, на нем готовили пищу, огонь костра охранял его от зверя. Из дерева человек возвел себе жилище, смастерил челнок для сплава по реке, сделал посуду, обувь, мебель, плодами дерева питался. Развиваясь, человек все интенсивнее использовал дерево: строил города, морской флот, использовал в металлургии (уголь), в машинах, авиации, химии.

Для крестьянина лес был «родным домом», кормильцем, он давал: дичь, мех, обувь, тепло, дом, повозку, орудия земледелия, уголь, удобрения (зола), ягоды, грибы, посуду, мебель, механизмы для обработки зерна и льна, конопли, товар для обмена и торговли.

Реформы Петра-I, в т. ч. строительство флота в России потребовали много хорошего (корабельного) леса, в том числе из вологодского Заволочья. Много леса требовало и строительство Петербурга.

В наших лесах произрастают: сосна, лиственница, ель, пихта, осина, береза, кедр и дуб (редко), ива, - имеющие производственное значение. Остальные породы леса: липа, ольха, черемуха, рябина, тополь, клен используются на дрова и для сбора ягод, коры, лекарственных сборов, как медоносы, для получения угля для кузниц и изготовления мебели. В первые годы советской власти лес был основным товаром за границу, который вывозили за границу за валюту (нефть и газ за границу не продавали). Восстановление промышленности и городов после гражданской и Великой Отечественной войн так же требовало много леса.

В зимнее время крестьяне тоже занимались вырубкой леса и продажей его потребителям. Для заготовки и вывозки леса к железным дорогам и берегам рек для последующего сплава, сбивались артели из крестьян одной деревни, одной семьи, которые нанимались к подрядчику на определенный период или на определенное количество леса по договору. Орудия заготовки (топор, пила) как и тягло (лошадь) были свои артельные, расчет по окончании договора.

Лес сплавливали по весенней воде модем или в плотках (плитках). В узлах перегрузки леса на транспорт на реках устраивали запани, где лес скапливался для перекачки (выкатки) на берег. Тонкомер (рудстойка) подсушивали на берегу год, а затем тоже сплавливали.

Основные участки заготовки леса в XIX веке: поймы рек Кулоя и Коленьги, по речки - Мосная, Чашеватка, Великуша, Юрманьга, Рогна, Ключевка и так далее. Лес сплавливали до Важской запани.

Организовывали лесозаготовительные пункты и сплавные конторы. У нас - Доры, Ключевка, Рогна. Лесозаготовители жили в бараках, были конюшни для лошадей. При советской власти на лесозаготовки и сплав отправляли по нарядам сельсовета на декаду, на сезон.

Работали под руководством десятников, устанавливалась норма выработки (трудонорма на валке леса до 3 - 7 куб.м.). Условия быта и работы в лесу были тяжелыми, женщины и мужчины жили в одном бараке, баня общая, пища своя, фураж свой.

В 1925 - 1928 годах, (начало формирования кадрового состава лесопунктов), организуются базы лесопунктов, появляется механизация в лесоделянках, новая организация производства. Кадровый вопрос решали за счет местного крестьянства и вербовки рабочих из южных районов страны, но по-прежнему и из колхозов по нарядам шли колхозники и тягло.

Заготовку леса вели поперечными пилами - «сортовка» и «лучковка», вывозили лес сортиментом на дровнях, трелевали лошадью.

1937 -1940 годы в лесопунктах зимой строили лесовозные дороги-ледянки», летом - «лежневки» (деревянные рельсы для воза), применялись тележки-«амери-канки» грузоподъемностью до 6 куб.м., зимой - дровни с подвозками. Появляются тракторы ЧТЗ-60 (на солярке), газогенераторные автомобили. В поселках строили бараки для жилья, детсады, школы, конюшни, клуб, столовые, магазины, гаражи, сушилки для приготовления чурочек к газогенераторной технике.

Начальником Оринодорского участка был **Верещагин Варфоломей Александрович**, он же в последствии - первый начальник Кулойского стройучастка. В механизированных лесопунктах появились ледянки для техники и комплексы - «комплекты» - сани на одном полозе. Их тянули трактором по полосе льда, на сани грузили до 20 куб. м., сцепляли до 16 комплектов зараз. Грузили с эстакад - «городков». Появились первые трактора - трелевочники.

В период войны в лесу мужиков заменили женщины и на валке, и на трелевке, и на погрузке, и на сплаве. Норма хлеба за выполнение задания - 600 гр.

После войны по системе ФЗО шло обучение работников леса из числа молодежи и за счет вербовки (вербованные). Появляются электростанции дизельные, электропилы «Вакон», КТ-12 (лебедка для срыва леса из бунтов в реку), трактора ТДТ-40,55,60,ТТЧС-80,100.

1953 год - начальник Кулойского лесопункта - **Макаровский Константин Афанасьевич.**

1975 год **Доброштан Николай Терентьевич, Братин Альберт Александрович.**

Лесохимия. Малоземельность, а иногда и безземельность крестьян, низкая урожайность, недостаточность тягла, вынуждали крестьян заниматься отхожими и побочными промыслами.

В конце XVII - XVIII в.в. в деревнях по реке Кулой начали развиваться смолокурение и подсочная смолодобыча. Лесхимартели существовали до 60-х годов XIX века. В Осташеве лесхимартель «Новая жизнь», в Сибири - «Красный партизан». Многочисленные урочища, сенокосные угодия Смольник, Угольки, Подсмолыгак - свидетели того.

Первоначально смолокурение велось примитивно, в ямах, затем в корчагах, потом в смолокурных котлах. Смолу собирали в бочки и на плотках (вид ил ах) по реке сплавлялась по Ваге и по Северной Двине в Архангельск, где смолу скупали купцы, а плоты продавали на строительство или на дрова.

Вначале смолу добывали из осмоленного пня сосны (оставался при лесозаготовке, раскорчевке полей и наволоков и на буреломах) или из колодникового осмола, а затем стали использовать оскобленный сосняк (осокорник, пучинник). Осокорник - дерево, на котором проведена подсочка и собрана сера. Пучинник-дерево, поврежденное природой (молния, расщеп, упавшее дерево).

В 60-х годах XVIII века использовать «стоячий» (подсочный) лес для выгонки смолы было запрещено (губили много строевого леса). Позднее был разработан щадящий способ подсочки, после которой дерево рубили на смолье. Уголь использовали в кузницах. Из серы, которую собирали на деревьях, получали чистую канифоль. Из смолы, на маленьких установках (заводах), вырабатывали пек, а из паров, путем перегонки (охлаждения) выделяли красный и белый скипидар. Как побочный промысел была организована заготовка березовой скалы и получение из нее сажи. Сажекоптилки использовали и отходы от выварки пека, получали деготь (ямной, корчажный), который шел на смазку колес (колесная мазь) и на ваксу (смазка сапог). Продукцию у крестьян скупали купцы по договорам по определенной цене. Г. А. Попов, А. Юренский, Пестерев, крестьянин И. Дудоров (Н-Кулое) П. Шулепов, имели свои заводи по переработке смолы, свою продукцию сплавляли на плотках и барках в Архангельск.

Русские забавы

Святки - с вечера 6 января по 19 января (по новому стилю), с 24 декабря по 6 января (по старому стилю) - кутейник, святые вечера, страшные (страстные) вечера, святки, пора соседских угощений, молодежных игр, посиделок, гаданий, славления. Молодежь и дети ходили по дворам славить хозяев - в Рождественский сочельник, Васильев вечер, в Крещенский сочельник, носили по дворам звезду. Пели специальные колядки - «виноградья», желали хозяевам хорошего урожая, большого приплода скота и благополучия. Хозяева одаривали славильщиков пирогами и сладостями. Жадноватым хозяевам могли пожелать и нехорошего. Сбранное на славлении угощение поглощалось в посиделочной избе на вечеринах.

Посиделки - вечёрки, супрядки, вечерованья - сход крестьянской молодежи по осенним и зимним ночам под видом рукоделия, пряжи, а более для рассказней, забав и песен (женатые на посиделки не ходили). Начинались посиделки с 14/1 сентября, сменяя собой хороводы (начало старого бабьего лета), Семен - летоприводец, длились до Благовещения (7/21 апреля). Приодетые молодые парни и девушки (чтоб урожай был хорош), собравшись в откупленной избе, - плясали под гармошки, рассказывали бывальщины и сказки, пели частушки, высматривали себе пару, гадали на свадьбу, ходили ряжеными по домам (7/21, январь/декабрь ряженые ходили по домам, но не плясали и не безобразили, а с Собора (8 января/ 22 декабря) - уже плясали и куролесили (с Собору - без разбору).

Ряженые - наряжухи. Молодежь наряжалась в старые одежды, выворачивали мехом наружу шубы, лица закрывали масками или платом, мазались сажей (по поверью - наряжуху не должны узнать, и открывать их не разрешалось). Наряжухи ходили со своим гармонистом, плясали, пели частушки, мазали хозяев сажей, гадали. За все получали откуп пирогами, сладостями. Носили по домам и «покойника». Высмеивали власть.

Гадание - гадали во все дни Святков. Особые дни для гадания - канун Рождества, Нового года и ночь на Крещение.

Озорство, хулиганство, запираение, стуканье в Святки было делом обычным и не обидным. Холодными зимними ночами замораживали двери, разваливали поленницы дров, затаскивали на крыши зимние повозки, закрывали дымовые трубы. Стучались в двери и окна, запирали входные двери.

Заканчивались Святки накануне Крещения. Участники святочных буйств шли окунуться в Иордани, смыть грехи святочных игр. В ночь на Крещение у отводов ставили бороны - шилыгана (нечисть) будет покидать деревню, и на зубьях бороны непременно оставит часть

добра, которое прихватывала с собой (шелковье), на утро любопытные ребяташки и в самом деле находили на зубьях борон старое вехотье и всякую рвань. Деревня затихала до масленой недели.

Широкая масленица - недельная, широкая. Празднованию Масленицы предшествовала генеральная уборка в доме: мыли все, от чердака до подполья, стелили новые половики, вешали праздничные полотенца, ждали гостей, готовили угощение: на мясо запрет - основное блюдо - блины-блиночки, блинки, хворосты, оладьи, шаньги, витушки, калачи и калачики, пироги картофельные, житные, скоромные, хворосты гороховые, губники ягодные, рыбники, гороховики, солوماتники, сочни с репой, галанкой, капустой, морковью.

Блины: из муки пшеничной, ржаной, гречневой, овсяной, ячневой - на дрожжах и на яйцах, большие и маленькие, тонкие и толстые, двойные и с припеком. Блины ели со сметаной, с яйцами, творогом, с рыбой, с грибами, с картошкой, с маслом и икрой. Пили брагу и пиво, квас и сусло, водочку с настоечкой. Заедали ухой, яшницами, кашами и сыром домашним, супами молочными, да свежей простоквашей.

Катание на лошадях - горячий конь, кормилец семьи, приближал весну. Коня запрягали в праздничные сани, под выездную дугу привязывали колокольцы, украшали лентами. На коне огнём меди горела праздничная сбруя, украшенная кожаными кистями и бляхами. Парни «на женихах» бахвалились перед деревней своей лихостью, девки на выданье успевали по несколько раз в день переодеться, красовались на людях. Ребяшня каталась в простых креслах, а то и на дровнях - до свадьбы далеко, успеют нарасоваться. Катались по своей деревне, ездили в соседние иногда целым поездом. Ухари устраивали гонки лошадей. Ходили друг к другу в гости.

Катание с гор - примета масленой недели. Подходящие угоры под деревней загодя раскатывали, заливали водой. Детишки катались с горки всю масленую неделю на санках, дровнях, шкурах, рогожах, готовили корёхи (загнутая слегка доска с сиденьем, для хорошего раската доску подмазывали теплым коровьим навозом и замораживали). Молодежь и взрослые выходили на горку в среду и четверг масленой недели. Ребята катали девчат, а взрослые разок-другой скатывались вниз, угадывая среди молодежи и будущих зятьёв, и снох, вспоминали свою молодость. По раскату судили о длине будущего льна.

Кулачные бои - для забавы, кровушку по жилам разогнать, удачу выведать. В четверг или пятницу на масленой сговаривались мужики «почесать кулачки», потешить молодечество и забавы ради. Выбирали место (чаще утолченное гумнище за околицей), обсуждали заранее состав бойцов («улица на улицу», «деревня на деревню») и систему боя («сам за себя», «стенка на стенку», «свальный бой», «врассыпную», «группа на группу», «на поясах», «палочный бой»).

Законы кулачного боя строго соблюдались, нарушивших закон били с обеих сторон наравне и взаболь. Следовало биться по любви (без старой обиды), не иметь сердца на противника, не бить лежачего, не бить сзади, не брать в руки колья, кистени, камни, лежащий (сбитый с ног) в драку больше не лез, по лицу не бить (не по-мужски то), противника не увечить (семью кормит).

Бой начинали («задирали») словом, насмешками, подначиванием. Первыми в бой шли «подростки» 12-14 лет, после чьего-то перевеса на выручку шли «выростки» 15-17 лет, подростки выходили из боя. За выростками шли мужики в «заправский» бой. Здесь первыми были «женихи» 18-23 годов. Холостяки, показав свою удаль, отходили на края боя. На их место шли «взрослые» мужики. Тогда-то и разыгрывался основной сюжет кулачного боя с кряканьем, сосредоточенностью и деловой крестьянской хваткой. «Старики» следили за ходом боя и в критический момент входили в толпу дерущихся и разводили ее по сторонам. Жены, присутствовавшие на игрищах, также активно вмешивались если начиналась свара (доходило до кольев и ружей). Утихомирившись, стороны друг на друга зла не держали. Выкуп проигравших пропивали вместе, добавляли горячительного и победители. Рассказов о схватке хватало на целый год, до следующего боя.

В дни масленой недели по деревням возили «красоваться» вновь обрученные молодые пары и не случайно два дня недели отданы - молодоженам - «тещины вечера» и «золовкины посиделки». В среду на «лакомку» гостили у тещи: тут и блины, и целый пир для любимого зятя, приглашали в дом гостей и родню. На пятницу теща сама к зятю собиралась, посылая все необходимое для блинов - сковороду, половник, квашню. Зять одаривал мешком муки да маслом (фунтов десять), и все меж ними было ладом.

Золовкины посиделки устраивала молодая невестка, приглашая в гости свою родню и старых подружек. Широкие гуляния способствовали знакомству молодых пар и будущим свадьбам. В воскресенье - «прощенный день» - проводы масленицы, завершение веселья. Вечером на озимом поле за деревней зажигали большой костер, в который сваливали весь хлам из дома, все старое, отслужившее свой срок. Толпа собравшихся ходила, притопывая, вокруг костра, припевая «масленичные городки», как бы захоранивая в землю зерно, которое обильно взойдет по весне и даст богатый урожай. С угасанием костра, утихала «разгульная Масленица» до следующего года. Остатки костра брали с собой и разбрасывали по своим огородам - придать силы еще не пробудившейся земле. С зажжением костра старшее население деревни начинали просить прощения друг у друга и родни, близких, соседей. В семье прощение испрашивали, начиная с младших:
-Простите, Христа ради, в чем виноват.

-Прости и ты меня.

-Бог простит, и я прощаю.

Обнимались и троекратно целовались. Посещали кладбища с последним блином, прося прощения у усопших. Отгуляв Масленицу, вступали в длинный Великий Пост. В чистый понедельник топили бани, смывая последние остатки широкой Масленицы.

Пасхальная неделя

Светлое Христово Воскресение празднуется в России с конца X века. Празднику предшествует генеральная уборка в доме и хозяйственных постройках. Пекли куличи и пасху, красили яйца, в печи готовили жареное и пареное к разговлению, ждали ночной пасхальной службы. Завернув кулич и яйца в чистую белую холстинку, шли в Храм, церковь, часовню, на Пасхальную полуношницу. В Храме шла служба, ближе к полуночи прихожане выходят из Храма и шли крестных ходом вокруг храма. В полночь двери Храма открывались, колокольный благовест извещал: «Христос воскрес из мертвых»! - «Воистину воскрес» - молитвенно отвечала паства. После торжественного молебна обнимались и троекратно целовались, обменивались крашеными яйцами.

Придя домой - разговлялись. В первый день Пасхи в гости ходить не полагалось. На столе были обязательны кулич, пасха, крашеные яйца. Начинали с пасхального яичка, кулича и ложки пасхи, затем ели пироги, скоромное и рыбу, молочное и мед, сласти. В гости ходили со своей пасхой, яйцами и куличом, там получали в ответ то же. На звонницы допускали всех желающих позвонить, службы шли целыми днями. Молодежь водила хороводы, песни, игры. Катали яйца на просохших угорах: копали специальные желоба, по которым катилось яйцо-биток к стоящим на кону и разбитые им яйца доставались владельцу битка. Удачливые выигрывали яйца корзинами.

Повсеместно вешали качели (рели) - качули на гумнах, на площадках - маховые, перекидные, круговые (карусели), одиночные и двойные. За качание рассчитывались яйцами. Устанавливали и скакелы (скаковые доски). Вечерами устраивали пляски и игры, звучали гармошки и роговая музыка. Водили хороводы, пляски, городки, хороводы под пение двустуший по кругу. Играли в рюхи, городки, бабки, зубари, лапту, ляпы, третий лишний, ручеек, в ремешок, в бутылочку.

Пляски: проходочка, сударушка, канительная, троячок, во-четыре, на перепляс, русский, цыганочка, чечетка, на руку, верховажская.

На Фоминой неделе встречали весну, угощали друг друга яишницей, играли свадьбы, сватались.

Обмен, торговля, деньги

С древних времен племена и народы обменивались излишками, меняя их на то, что было необходимо - оружие, металл, украшения, меха. Обмен вели в определенных местах и в определенное время. Одни выставляли то, что хотели обменять, объясняя, что хотят выменять, другие выкладывали напротив выложенного товара на обмен. Достигнув согласия, к взаимному удовольствию, разменивались, получая искомое. Позднее, чтобы избежать многочисленных обманов, перешли на приобретение нужного товара за эквивалент, в качестве которого на севере выступали меха пушного зверя и серебро. В письменных источниках встречаются названия эквивалента денег:

мордочка

дозор

оборотка

супротивчик

златничка

чека

клейменка и другие.

В.И. Даль в своем словаре дает толкование названиям денежных эквивалентов, устоявшихся на Руси, отмечал, что в разное время величина их в серебре менялась.

Деньги - единицы счета эквивалентные товарам - капитал, богатство, достаток.

В основу русского денежного счета легла копейка, сотая часть рубля.

Рубль - отрубок серебра известной ценности - тин.

На Руси в разные времена обращались разные денежные единицы:

Куна - куница, кунья мордка, денежный знак, когда куньи, бель и, собольи меха заменяли деньги. Позднее $1/25$ гривны = 2 гр. серебра или 2 резаным = 1 гр. серебра или 3 гривны. Резань = 2-3 веверицы которая равнялась 0,5 - 0,3 гр. серебра.

Веверица - пушной зверек, которым платили дань (ласка, горностаи, белка зимнего окраса).

Резань - самая мелкая русская монета, давали две резани за куну или мордку.

Гривна - кожаный заменитель денег (монет) = 20 нагатам, 50 резаням. Две резани = одной куне. Позднее гривна - крупная серебряная монета, равная 10 копейкам, 20 нагатам, 50 резаням = 1 гривеннику.

Копейка - единица русского денежного счета = $1/10$ гривны.

Деньга - 2 копейки или две полушки.

Полденьги - полушка или четверть копейки.

Четверица - $1/4$ деньги.

Грош - две копейки.
Гривенный - три копейки медью.
Гривенник - десять копеек.
Четвертак - двадцать пять копеек - полуполтина.
Пятиалтынный - пятнадцать копеек.
Двух гривенный - двадцать копеек.
Полтина - пятьдесят копеек.
Рубль - отрубок серебра известной ценности (гривна рубилась на четыре рубля, рубль и тин - одно и то же), равен ста копейкам, равен одному ефимку (серебряная монета).
Каждый рубль в настоящее время обеспечивается золотым запасом государства.

Осташевские Чуглы — памятник природы «Парк Дудорова»

«Не хлебом единым жив человек»

С Осташевскими Чуглами связывают древнюю стоянку Чуди Заволочской на реке Кулой. Главой рода у чудинов был Вож Чугло (хват). Выше на угоре поставил починок новгородец Суря, взял в жены дочь вождя Милуту, народил детей: Горюна, Павла да Прилога. По имени одного из сыновей и пошло название деревни Павловская - Харитоновская (второе название пришло вместе с новгородскими поселенцами). Желаящие могут отнести слово Чугла (пустошь, неудобье - ф.у.) к пустоши, но таких мест по берегам реки - сотни, и они не имеют персонального названия. Такое удобное, красивое место на веретье в поворотах реки трудно не выбрать под стоянку племени. На схеме парка отмечены две ямы - не чудские ли это ямы от землянок рода? Возможно, здесь когда-то были гумна, и это ямы от риг? (не исследовано). Наличие на угоре ключа (источник воды) на месте устроенного Илларионом Ивановичем пруда с рыбами, также подтверждает место стоянки чуди. Место рядом с деревней вряд остановило крестьянина от его разработки (сумел же Дудоров его облагородить той же лопатой). Чем-то запретным было это место для жителей деревни. Оставим эту загадку для потомков, а может, и навсегда.

30 октября 1986 года высадив более 200 дубков на 13 аллеях, Илларион Иванович Дудоров заложил рощу, площадь которой первоначально составила 0,4 га. Саженцы были выращены из желудей дубов, привезенных мастером (далее в тексте И.И. Дудоров -

мастер) в 1975 году из Пскова. Из посаженных **800** желудей взошли и проросли **300** штук.

На грядках-питомниках в саду мастера уже подрастал посадочный материал из высеянных семян различных кустарников, деревьев. Загущение сада тоже требовало пересадки подросших кустов и деревьев. Присмотренные окрест наши северные «дикари» также просились в рощу. Пришлось просить у колхоза еще 2,6 га пахотной земли. Роща расширялась, привлекая к себе посетителей. Появилась первая постройка в Чуглах - дача. В оранжерее для редких и ценных саженцев - девичий виноград, лимонник и другие.

После описания коллекции посадок (Н-Кулойская школа, руководитель Н.Н. Жукова) стало ясно: Чуглы мастера - это не роща, а настоящий парк, дендрарий, и он требует к себе серьезного отношения. На территории парка произрастает 181 вид дикорастущих растений, из них 89 видов лекарственных растений, 45 видов редких для Вологодской области. Мастером высажено около 2000 саженцев (83 вида, 28 семейств) культурных растений с территории всего Союза. Отличная база для практических занятий учащихся по экологии. Прекрасная зона отдыха для людей любого возраста, познавательная база для любителей-садоводов, любителей экзотики, предмет для подражания обеспеченным людям.

После кончины мастера посадки в парке прекращены, каждодневный уход не проводится, парк не охраняется, имеют место хищения коллекции деревьев, засорения парка, калечения деревьев. Постройки и сооружения, сделанные мастером, разрушаются и требуют капитального ремонта и замены. Не защищен парк и от потрав скота. Живая изгородь требует ухода и подрезки.

По завещанию, составленному мастером, вишневый сад с домом, Чуглы с постройками получила дочь (внебрачная) Мария Илларионовна. По вступлению в наследство все это было выставлено на продажу. Наследница пожелала, чтобы все было приобретено районом: дом мастера с музеем, библиотекой, собранием открыток, фотоархивом. Чуглы, парк для земляков. Наследство было оценено в 75 тысяч рублей. В районе таких денег не нашли.

Вишневый сад мастера и дом приобретен частным лицом и для осмотра не доступны. Парк Чуглы подарен землякам.

29 декабря 2001 года постановлением губернатора области В.Е. Позгалева Чуглам присвоен статус «охраняемой территории «Памятник природы - парк Дудорова».

«И дом мой не крепость, и сад мой для всех» (И.И. Дудоров).

В наше новое «смутное время» на стыке веков ушли в небытие, в историю: СССР, колхоз «Память Ленина», ООО «Осташево», СПК «Осташево», Осташевский маслозавод, восемь деревень в Осташеве, закрылась начальная школа, детский сад. Что ждет Осташевские Чуглы?

Для сохранения парка Дудорова и организации посещений и отдыха на его территории, необходимо, на мой взгляд, сделать следующее:

- поскольку это охранный территория, узаконить и профинансировать организацию, осуществляющую охрану, уход и развитие парка - построить постоянно действующий «кордон» у территории парка с проживанием смотрителя (лесника);
- спланировать дальнейшее расширение парка за счет освоения приречной поймы и участка «крутых гор», второго и третьего оврагов террасы;
- провести ревизию насаждений парка по состоянию на сегодня, а также осветление парка, формирование крон растущих деревьев, корчевку самосада и сорной поросли, посадку новых культурных саженцев (по плану расширения парка), формирование подростной живой изгороди вокруг периметра парка;
- уничтожить на территории парка и окрест растения борщевика Сосновского, возобновить питомники саженцев, выращиваемых из семян с собранных в парке растений, посланных в подарок парку;
- систематизировать посещение экскурсий в парк, ограничить посещение парка неорганизованными туристами;
- провести капитальный ремонт, восстановление построек и сооружений в парке из современных материалов следующих объектов: «Часовня», «Гнездо соловья разбойника», «Смотровая вышка», «Избушка Бабы-яги», «Каскадная плотина», «Висячие мосты», пруд с «Чудо-рыбой»;
- построить обзорную площадку в парке, отремонтировать и спланировать подъезд к парку, установить информационные щиты;
- на «Даче» в парке развернуть постоянно действующую выставку по истории создания парка и жизни И.И. Дудорова;
- возобновить (продолжить) работу школьного биологического класса (клуба, кружка) при средней школе в Н-Кулое, с учебной базой в парке Дудорова.

Непринятие мер по развитию и сохранению парка Дудорова приведет к его утрате.

Дудоров Илларион Иванович (03.11.1924 - 07.07.2000 г.г.)

Оставил свой след на земле...

*«Блажен в сей жизни тот,
Кто радость бытия приносит людям!»*

Родной край нужно не только любить, но и украшать, и прославлять своим трудом и заботой, чтоб его полюбили другие...

Илларион Иванович Дудоров поистине любил свою малую родину, защищал ее в годы лихолетья. Оставив деревню в годы юности, вернулся обратно в зрелом возрасте, предпочел жизнь на родной земле благополучию вне ее, прославил своим трудом и любовью, оставив заметный «след» в ее истории.

1924 год. 3 ноября в Осташеве, в д. Харитоновская, в семье крестьянина-середняка родился тринадцатый ребенок, сын. Назвали мальчика Илларионом. Отец, Иван Петрович Дудоров - крестьянин, кузнец. Мать - Елена (Васильевна?). В хозяйстве на момент его рождения имелись две лошади, шесть коров, овцы, поросенок. Из построек - дом на две половины, двор, три хлева, конюшня, амбар, гумно на два хозяйства с братом. На нем - молотилка, веялка, соломорезка, овин. Две повозки на железном ходу, плуг, да соха с отвалом, бороны. В семье десять человек, почти все работники. Отец имел свою кузницу, был хорошим кузнецом. В семье было шесть человек грамотных (из похозяйственных книг Осташевского сельсовета 1925-1928 гг.)

1934 год. Вечерами Илларион часто посещал занятия кружка ликбеза в деревне, научился читать, был замечен учителями и зачислен в школу первой ступени. Учился охотно и легко. Рядом познавали грамоту крестьянские ребята в возрасте 13-15 лет. В семье не возражали против учебы сына, времена показывали, что безграмотным в колхозе ничего не «светит», кроме тяжелой крестьянской работы.

Закончив Осташевскую начальную школу, пошел учиться в Верховажье, в семилетку. Жить пришлось на квартире, харчи свои.

1941 год. Учеба в школе закончилась. Сдан последний экзамен.

Планы на дальнейшую учебу: отец советовал изучать технику, педагоги - учиться на учителя. Впереди были каникулы и принятие решения, куда поступать. На начало войны, мобилизация на фронт земляков разрушили все планы. Опустевшая деревня, сенокос, уборка

урожая - все было подчинено нуждам фронта. Тяжелый изнурительный труд от зари до зари, ожидание повестки на фронт... Молодежь по нарядам военкомата направляли на трудовой фронт. 24-ый год оставался резервом пополнения действующей армии. Вести с фронта были неутешительными.

1942 год. В октябре пришла повестка на призыв в действующую армию. Верховажье - Вологда - Борисово.

Из воспоминаний И.И. Дудорова (в дальнейшем - из воспоминаний):

«На Вологодском вокзале к нам, призывникам, подошла старая цыганка, начала гадать... На одного посмотрит, отойдет. На другого - то же.

Подошла ко мне. Послушай, яхонтовый, правду скажу. Не тоскуй, не на век уходишь, долго жить будешь. Ай, черноголовый, будет тебе удар в судьбе, да обойдется все. Богатым будешь и знаменитым будешь.

Счастья большого только не вижу, яхонтовый, долго судьбу свою искать будешь. Не вру, правду вижу! Вспоминай старую сербиянку Машио. Ох, гаджо, на большую брань идете, храни вас от беды, Матерь Божия...»

Ноябрь 1942 года - июнь 1944 - Военно-инженерное училище в Борисово, обучали инженерному делу, возведению переправ в условиях фронта, минерному делу. Кормили неважно, одевали в б/у. Дисциплина жесткая, кое-кто и на фронт отправлен был. Молодость...

1944 год. В конце июня распределили по частям Карельского фронта, период отступления кончился. Солдаты освобождали свою землю. Илларион прибыл в **88** стрелковую дивизию. В первом бою был тяжело ранен.

Из воспоминаний...

«Рота выдвигалась на передовую. Должно было начаться наступление, и нас направили на усиление пехоты. Роту остановили недалеко от моста через речку. С немецкой стороны постреливают, но негусто. Командир объясняет-нужны добровольцы для разминирования моста, по нему должны пройти танки в развитие удара. Желающие три человека, три шага вперед! Тишина. Отличившимся награды обеспечены! Тут мы с ребятами, три необстрелянных солдата, вышли вперед. Старшина роты вернул одного, сам, мол, пойду во главе. А мы чего вышли? Война, нам казалось, скоро кончится, а у нас на груди пусто, обидно как-то. Получив приказ, сняли лишнее, переобулись (наши сапоги после учебки новые, вот старшина и решил: чего добру пропадать), до моста доползли благополучно - лето, трава высокая. Нашли первый заряд под «бычком» моста. Старшина приказал обесточить, заряд не трогать. Обесточили. Второй заряд на другом берегу. Речка неширокая, но немцы стреляли и, вероятно, наблюдали за мостом, хотели взорвать, когда пойдут в наступление танки. В струе воды переправились на другой берег. Обрезав провода, оглянулись кругом. Стало страшно, ребята. Наступление началось, кругом взрывы, пули чирикают, а нам надо обратно, на свой берег. Старшина промаячил своим: «порядок». Ну, братцы, к дому. Переплыли, вроде, все живы, тут у нас с дружкой «очко и взыграло».

Старшина орет -ползком! Где там, винтовочки в руки - и бегом к своим, за бугорок. Немцы, наверное, поняли, кто от них убегает, и дали по нам из того, что имелось в руках. Что-то резко толкнуло меня в ногу, и пошел Ларион юзом. Из памяти вышибло, очнулся на носилках: «Ребята, винтовка где? (За оставление оружия и трибунал мог быть). Старшина кулак показывает: ведь кричал - ползком! Молодяжка...

Так моя война на передовой закончилась, стрельнуть не пришлось. И пошли госпиталя, и операции, тринадцать раз ногу резали, но спасли. Нога покорооче на пять сантиметров стала, но нога. Хирурги, когда я их благодарил после очередной операции, говорили: не нам, парень, спасибо говори, а судьбе да первому полемому хирургу. Он ногу спас тебе, а мог просто отрезать. Хорошо, что в начале боя доставлен был, было время собрать твою ногу. При массовом поступлении раненых отрезали бы, так как другие ждали помощи от хирурга.

На врачебной комиссии списали в чистую, инвалид. Старый доктор на прощание сказал, мол, отдохнешь дома, молодой друг, поступай учиться. Тяжелой работы тебе не смочь, а с умной головой найдешь работу, после войны ее много будет...»

1945 -1960 гг. - Побывал на родине, отпраздновали Великую Победу. Деревня была в разоре, полувымершая, усталая, голодная. Многие защитники Отечества навсегда ушли из деревни, которые вернулись - покалечены душой и телом. Видя свою беспомощность в тяжелой работе по восстановлению хозяйства, Илларион уехал учиться. Поступил (участникам войны - льготы, инвалидам тем более) и закончил Ленинградский инженерно-мостостроительный институт. Работал на Балтийском заводе в Ленинграде, строил Куйбышевскую ГЭС. Во время отпусков колесил по просторам Союза. Побывал во всех союзных республиках. Великим трудом Союз восстанавливался. Институтские товарищи, друзья незаметно обзавелись семьями. Деревня залатала прорехи прошедшей беды, жила крестьянскими заботами, ручной труд постепенно заменила техника. Колхозники начали получать деньги. Велось новое строительство. Наконец, и колхозники получили паспорта, право выбора работы и места жительства.

Свидание с родной деревней обострило крестьянское начало в душе, потянуло на родину. Подсмотренное в детстве в характере и поведении отца чувство хозяина, умевшего принимать единственно правильное решение и отвечать за него, быть независимым от обстоятельств, не давало покоя жить неприкаянным, неустроенным в жизни. Возраст торопил с принятием решения, и такое решение было принято.

1963 - 1984 гг. Вернувшись на родину, Илларион Иванович работал линейным мастером Осташевского радиоузла и потихоньку привыкал к жизни в деревне. Деревенское общество так до конца и считало его чужаком, близко не приняло, но зато молодежь и дети всегда были в

его доме. Обширная библиотека, многочисленные альбомы и буклеты с репродукциями и пейзажами незнакомых мест, знакомство с новыми растениями и возможность все попробовать привлекали деревенскую молодежь.

...Разрастался и уже плодоносил вишневый сад на приусадебном участке.

Возвращаясь из поездок, он привозил саженцы из всех уголков России, собранные семена вырастали на грядках вместо моркови. Появляются в палисадах в деревнях Ларины кусты, щедро раздаваемые им соседям и ребятам для посадки у своих домов. Но, не ухоженные, они вымирали через год-два. Первый урожай яблок в Ларином саду породил в Осташеве яблоневый бум, всем захотелось иметь свои яблони. Доставали, сажали.

По закрытии радиоузла работал в колхозе, занимался активно льноводством (похозяйственное возделывание льна), был кладовщиком, председателем ревизионной комиссии колхоза. Спроектировал и построил собственный дом в трех уровнях с водяным отоплением, без посторонней помощи. Разработал проект по укреплению моста (несущие арки) через реку Кулой у электростанции, один построил по современному проекту колхозную АТС. Тяжелые нагрузки на больную ногу давали о себе знать. Пользуясь льготами ветерана войны, ежегодно посещал санатории, продолжал путешествия по стране, привозил новый посадочный материал для сада. В 1984 году вышел на пенсию.

1985 год. По запросу военкомата был найден приказ о награждении рядового Дудорова орденом Красной Звезды, не обманул ротный, представил. К 40-летию Победы хороший подарок. (Орден и медаль «За победу над Германией», юбилейные награды «ушли» вместе с многочисленными гостями, посещавшими его дом). Ездил на Дальний Восток, в Кемерово, к дочери (внебрачной), был представлен родному внуку, наладил родственные отношения. Возникло желание стать первым в Осташеве миллионером.

Из воспоминаний...

«Встретился с дочерью, жалею, что поздно. Оказывается, у меня уже внук большой, умный парень, а я дедушка. Странно все это, но приятно - дед Ларя! Звучит! Сколько мы ошибок делаем в жизни? Живут богато, челно-чат. Прихвастнуть пришлось, что скоро я буду миллионером. Вот вчера бизнес-план составил, трудно, но к 1998 году, по расчетам, будет у деда Лари миллион. В гости приедут, заодно к матери заглянут, не бывали. «Закинул удочку» внуку о наследстве. Промолчали...»

1986 -1988 гг. Начал посадку (осеннюю) саженцев в Чуглах, предварительная подготовка площади заняла более трех лет. Работал, как всегда, один, место красивое, угор, пойма реки. Весной первое тепло здесь, на угоре, а притом никому не нужное.

Из воспоминаний...

«Дед Федор приходил, интересовался, чего я весь угор перерыл, люди гадают. Говорю: да вот, Зеновиевич, нашел старые бумаги дядьки Дмитрия, пишет, что здесь, в Чуглах, царские золотники зарыл, ишу вот. Да, Ларька, богатым брат-то твоего отца был, водились денежки. Дак это, нашел чего? -Пока нет -Дак ты это, ямы-то закопай, а то какая корова попадет, ногу изломает. Помогчи-то не надо? -Дак ведь найду чего - делиться надо. -Оно так...»

Высаженные дубки дружно принялись. Надо было спасти их от скота, нужна ограда. Оказывается, и от ребятни надо было спасти насаждения. В Чуглах появляются забавы для ребят: вышка, гнездо Соловья-разбойника и прочие. Пришлось спасти Чуглы и от посягательства взрослых. В этом помогла слава Чугл: делегациям и публикациям о них числа не было, и это спасало от разорения (попробуй, утащи или сломай что, на всю область пропечатают). Большую помощь в оформлении чуда в Чуглах оказали школьники Н-Кулойской средней школы и преподаватель биологии Н.Н. Жукова, сделали описание парка, классификацию растений, учет их, выкопировку - придали статус парка-дендрария.

1998 год. Получил награду от общественной организации женщин «За мир и гармонию» - «Золотое сердце» за создание своего парка, став 25-м обладателем этой награды в мире.

Посетил парк Дудорова и губернатор области, подарил ему часы со своей руки (губернаторские часы, как и многое другое, исчезли, неизвестно куда).

Семидесятилетним стариком приобрел машину «Нива» и освоил ее вождение, дважды побывав в ДТП.

В последние годы сильно болел, перенес операцию. Сдавала раненая нога, но был полон планов и начинаний.

Из воспоминаний...

«Вчера определился в рубежах, минимум проживу до 2004 года, ну, а так буду жить, пока не умру. На «Поле чудес» собираюсь, вчера письмо послал. Думаю, в этот раз (трижды посылал кроссворды до этого) позовут...».

2000 год. Болезнь забирала последние силы, но весной Илларион Иванович еще бродил в свои любимые Чуглы, через боль пытался что-то делать, надолго замирал, опершись на черенок лопаты, слушал шепот молодой листвы. Снова больничная койка. Пришла телеграмма - вызов на передачу «Поле чудес», но силы уже не позволили там побывать.

7 июля 2000 года Дудорова Иллариона Ивановича не стало. Похоронен И.И. Дудоров на Осташевском кладбище. Напротив, на другом берегу реки, шумят Ларины Чуглы.

И в сердце память о былом

Рассказы

Осенней ивы цвет

Октябрь. На улице слякоть, холодно и неуютно. Дни стоят серые, краски осени смыты и утеряны вместе с листвой осеннего леса. Воздух сырой и промозглый. Северный ветер с натугой несет тяжелые, свинцовые тучи, из которых сыплется то холодный дождь, то сырой снег. Деревенские дома под серой опушкой стоят, сгорбившись, похожие на старых кляч, озябших и приговоренных на живодерню. Несмотря на внешнюю убогость, деревня еще жива. В двух домах, стоящих напротив, окно в окно, дымятся по утрам печные трубы. Раз в неделю в деревню заезжает сельповский «каблук» с разносолами и хлебом. Осенней ивы цвет предвещает зиму и снег через месяц...

Приставив к воротам батог, Анна спустилась с крыльца, огляделась: -Погодушка, Бог дал. Хороший хозяин собаки не выгонит, а я по гостям полетела. Тузко! Где тебя носит? Вот кого никакая погода не держит. Ну, да ладно...

Прихватив сухой батожок, она направилась к соседке, через дорогу. Благополучно перебравшись через колеи, по-старушечьи, не отрывая подошв от земли, прошаркала к калитке. Обтерев о жухлую траву галоши, поднялась на невысокое крылечко, переступила на мост. Пристроив батог в угол, с натугой отворила двери в избу:

-Есть кто дома? Кланя?

-Дома, дома... Заходи давай, лебедь белая. Я сегодня, Анюта, еще обряжаюсь. Гость у меня ноне... Проходи-ко.

-А меня, чуло сердце-то, леший кинул по гостям. Ты ведь вчера посулилась заглянуть утром-то, а все нет и нет. Думаю, не издалось ли чего с тобой. Ну, здравствуй, Кланюшка. Что за гость, хвастай, буде. Вчера ведь никого не сулила.

-Не сулила, не ждала, а ввечеру-то Бог гостя дал. Внук, Ванюшка, вот приехал.

-Да ты что? Ужо-ко, присяду. Сколь годков не показывался. В отпуск, поди?

-А после армии и не бывал.

-Отдыхает гость-то?

-Какое отдыхает. Чаю попили, да и пошел пройтись по экой-то погоде.

-Поди, Анютка, еще баше стал, чем был. Душа радовалась... -Не говори, девка, дак легче будет, - на глаза Клавдии навернулись слезы, -насилу опознала. До чего себя довел. -Да чего случилось-то?

Заболел?

-Заболел, стыдно сказать, заболел. Никому не сказывали, да шила в мешке, видно, не утаишь.

-Клавдия безвольно опустила на лавку рядом с подругой, вытерла слезы краем фартука.

-Язык не поворачивается все обсказать.

-Да не томи, выговорись, дак и легче будет. Женился, что ль, неудачно? Али, не дай Бог, запил?

-Полбеда, кабы запил-то. Из армии-то вернулся, думали, слава Богу, дождались, в Чечне ведь служил. Машину родители-то купили, жить парню начинать. Думали, как у людей, пусть отдохнет, а там и на работу или учиться на кого. Деньги на квартиру копили, чтоб было куда молодуху привести. А он, милые мои, как закуролесил, не приведи Господь... Сказать стыдно, наркоманить, девка, стал.

-Да ты что? Как в телевизоре показывают? Дак это пропащее дело. Поди, в армии и попробовал?

-Где боле-то? Тройх выводили - экой оказии не бывало...

-Родителям-то, поди, горе?

-Уж чего только и ни делали, извелись оба. Виктора-то до инфаркта довел, насилу выкарабкался, а про матку и говорить нечего. Машину продал, кругом долги, и сделать ничего не могут. Подумать страшно. Старшаки-то, Николай с Митрием, уж по-всякому с ним, ничего не помогает... В больницу повалили, думали, одумается, да где там? Опять все по-новой: друзья, подруги, и понеслось-поехало. .. До того дошло, что вены себе резал.

-Ой, девка, а я думаю, чего это Елена-то у тебя на ночку приедет, да и домой, и поговорить не удавалось. Думала, поругались из-за чего... А ты, как партизанка, ни слова - «дела-дела». А я по глазам вижу, скрываешь чего-то. Ох, горе-горькое... Ванюшка... Думано ли, экой парень-то был красивый, обходительный.

-А вот, Кланюшка, беда-то не спрашивает. Ладно, Николай, сам врач, нашел место, где их лечат, как зовется-то, и не знаю, дак, туда поместили. Сам запросился. Восемь месяцев отлежал и решил ко мне приехать, подале от всего этого. Вот какая напасть-то у нас.

-Значит, Анютка, совесть еще не всю потерял, есть надежда, если сам-то согласился. Может, наготово вылечили хорошие доктора, как думаешь?

-И в голову ничего не идет. Вчера ведь за полночь проговорили. Видно, что охота ему от этой заразы избавиться. «Мол, бабуля, поживу у тебя, если не выгонишь, отвлекусь, жить захотелось». А куда его выгонишь? Своя кровинушка. Болит ведь сердце-то.

-Вот ладно и сделал. У нас не зашалишь. Откормим и возьмемся душу лечить. У нас на дискотеку не убежишь, уж если сам решил дело поправить, нам с тобой стать и мера помочь-то.

-Откормить-то откормим, а забыться-то только в работе можно, а у нас какая работа?

-У нас с тобой, Нюра, работы-то не переделаешь, не тужи, работу найдем. Вот снегу Бог даст, дрова прикупим, вот тебе и работа. От хозяина-то у меня ружье осталось и припас есть, лыжи охотничьи у нас с тобой с прошлого года объезжены. Вспомни-ко, как за хлебушком в бутыры-то ходили, спорцменки боговы. Пусть нас,

старушек, свежиной снабжает. Бушовы-то коленки уж и надоели, да и не полезны нам. А дичи не принесет, дак ноги да время убьет, аппетит нагуляет. В армии служил, стрелять научен. А весной...

-Ужо-ко, Кланя, до весны-то загадывать не будем. Душой укрепится, дак, поди, с нами жить не будет. Помог бы Бог...

-Вот я и говорю: неужели мы, две бабки, своих выводили, дак бросим внуков-то? Нет, Нюрка, мы еще кое на что гожи, раз сюда Ванюшка приехал, это понимать надо. А то умирать совсем уж наладились, да не время еще, видать. Нам поверь, дак мы еще лешего своротим, нам не привыкать, не то видали...

«Агрегат»

Над старым гумном, в котором разместился колхозный льноагрегат, с утра висело облако пыли. На морозе резко звенело железо транспортеров и звездочек передач, завывала турбина чесальной машины, ворковал старенький МТЗ, деловито хлопая приводным ремнем. Тракторист Серёга бойко сновал между гумном и трактором, неизвестно как попадая с разбегу в маленькую дверцу, сделанную в стене.

В помещении, в облаке пыли от сухой тресты, вокруг грохочущей машины хлопотали увязанные до глаз в платки женщины. Развязывая снопы, просушенные на овинах, они разбирали их на горстки, укладывая, как поленья в клетки, успевая выбирать и выбрасывать в сторону усохшие сорняки. Разобранную на порции тресту подавальщица аккуратно выкладывала на транспортер, который медленно затягивал их под валы льномялки. На выходе из мялки вторая работница направляла измятые пасма в турбину, где волокно очищалось от костры и от короткого волокна. От работающей турбины поднимались клубы пыли, стоял шум, как от взлетающего самолета. Пыль на некоторое время зависала в помещении, а потом медленно оседала, покрывая все кругом толстым, мягким покрывалом. Костру из-под машин женщины выносили в ближайший овражек в гумennom бураке. Короткое волокно вместе с кострой пропускали через кудельник, очищая от «костри-цы», получали «куделю» - строительную паклю. Длинное, очищенное волокно по транспортеру попадало на сортировочный стол. Съемщицы сортировали его по длине и цвету, связывали в тюки и отправляли на склад. Кроме как чувствительным женским рукам такую работу доверить вряд ли можно. Эти же руки пряли из волокна нити и ткали из них полотно. В полусумраке гумна и туче пыли они на ощупь безошибочно определяли качество продукции. Если требовалось, волокно «дорабатывали» на

механических трепалах, так называемых «кругах Санталова», или дополнительно трепали вручную. Лен давал работу в зимнее время. Машина, утробно урча, споро поглощала льняной ворох. Клетка разобранной тресты убывала на глазах. Илларион, механик агрегата, подошел к подавальщице и махнул рукой, подавая знак к остановке машины. До обеда еще было время, и Александра, оторвав взгляд от транспортера, вопросительно посмотрела на механика. Не получая хрупкой тресты, застучали валы льномялки.

-Чего, Лизаветка, издалось-то?

-Чего, чего? У Саньки «радиатор» вскипел, сейчас сбегает и поедем дале.

-Обедать, бабоньки, идите. Мы с Сергеем немного поремонтируемся, может, той порой и тресты подвезут.

-А мы и рады, обед - дело хорошее. Давай, кулемы, развязывайтесь - и в избушку, не кудахтайте!

В избушке, вокруг топящейся печки, работницы собрались обедать. В устье кипел закопченный чайник.

-Ты это куда, Лизавета, наострилась? Все за стол, а ты «перья чистишь»?

-Да в лавку, бабы, добежать надо, после ведь закроют. В воскресенье поросенка собрались убирать, надо мужикам-то чего купить, да и соль на исходе, до последней крохи доживаю. Я круто сбегая. Может, кому чего надо?

-Надо бы ситцу метра три на сарафан к лету, да «купилок» нет. Лизавета, так-то поди не отпустят?

-Ужо, спрошу, Сима, а дадут, дак и принесу.

-А канифасу нам на голицы и по членским книжкам оформят. Побегай, Лари-вон-то скоро заторопит.

-Дак у них с трактором чего-то неладно, то и выключились пораньше.

-Тресты у них осталось не ахти, не подвезут, дак скоро и домой, сегодня засветло отпустят.

-Как бы не так! Должны привезти к вечеру-то. Нашей, рыжей, недолежалой, со склада. Как прутьё снимали осенесь, перед снегом-то. -Дак, Саня, может, дошел в снопах.

-И не знаю, дева, дошел ли, стебли-то в завить. Одна костица будет. Так-то крепкий, но не баской, ужо, поглядим.

-У низовлянок-то хороший лен, тонковолотый, длинный, и номер хороший будет, крепкий и цвет любой.

-Дак и везли бы оттуда.

Чтобы как в прошлом году опять вместе с машиной замочить? Лед-то еще тонкий, по реке на лошадях только поехали, боятся.

-Научило в прошлом-то годе. Как только Венька жив остался, успел выбратся!

-Ну, Борис ведь предупреждал, что не выдержит лед машину, переносить тресту надо.

-Ну, да таборянки всю жизнь торопятся.

-Домой бы, бабы, надо пасмо-другое взять, а то валенки подшивать, а вервей нет

-Костицы вместо ленка-то не унеси, как в прошлом годе. Окаянный «монах» все из сумок-то выудил, да и костицы положил. «Я вам говаривал, не воруйте, кончим мять, сам дам».

-Я сей год прятаю сумку-то, не положит. Ты чего это, Маша, в угол рожей-то села, постничаешь, что ли?

-Не досажай, Тоська. Без тебя тошно. Зуб болит, спасу нет.

-Ну, паре, что не скажешь, Санька давно бы заговорил. Ищи сучок в стене, сейчас изделаем. Саня, помоги бабе, видишь, мается! -Сейчас докурю, и сделаем, раз плюнуть!

-Не досажайте, к лешому, второй день до пят дергает. Заговорят оне! В Кулое к Зине поеду, пусть рвет.

-Сейчас, паре. Сережка вон на тракторе отвезет. Как принцессу. Не хошь - как хошь, тогда страдай, а то мы бы скорой рукой.

-Забежи-ко, Маша, к девкам на завод, там кислоты капнут, и все отболит, и на сердце никакой печали.

В избушку вошли Илларион с Серегой.

-Чего, механики, исправились?

-А ничего и не ломалось. Мы крышу над турбиной открыли, чтобы пыль лучше выносило, а техника, как часики, тип-топ.

-Значится, мяльно-трепально-копильно-трясильный агрегат к работе готов?

-Готов, тетя Саня.

-Ну, и мы готовы, вперед, бабоньки, затыкай дыры от костры и пыли.

- Не спешите, погрейтесь еще. Верхота свое «золото» привезла, разгружает.

- Ну, что я говорила, опять до потемок не отпустит. Готовь факел на обратную дорогу.

-Тоня, дак и вам надо позаботиться.

-А мы сейгод «летучу мышь» завели. Без факела, как кикиморы, от пыли, да еще соляркой-то провоняем, домой не стали пускать.

-Попили-поели, пойдём-ко, голубушки, горстки набирать, все скорей до дела. У меня еще и костица не доношена.

Спустя малый уповод над гумном вновь поплыл привычный гул машины, и работа закипела с прежней силой.

От гумна отчалил гусеничный трактор с пустыми санями. В хмуром небе меж тяжелых облаков вынырнуло низкое, холодной солнце. Осветило снежные льдинки матовым светом, но, будто застыдившись, прикрылось рыхлым облаком.

«Колесом дорога»

Под березами у сельповского магазина остановились цыгане. Сытые, ухоженные лошади, пара жеребят, дроги с шестами от палаток и пожитками, парой-тройкой разномастных собак. Колоритно одетые цыганки, стайка шустрых глазастых цыганят оживили вдруг тишину деревенской улицы. Шумный табор, внезапно возникнув, довольно быстро растекся по близстоящим дворам деревни: цыганки направились по своим делам, табунок цыганят потянул к магазину, а деловые цыгане, о чем-то бурно потолковав меж собой, погнали свои кибитки дальше, на берег реки, где всегда ставили палатки. Вожак табора, привязав лошадь к старой колхозной коновязи под сенью берез, бросил ей охапку свежей травы, придирчиво осмотрел упряжь. Перетянул подтяг, поправил на шлее кожаные кисти, потрепал вороную с отливом гриву коня. Для мужской части табора наступило время отдыха...

Проскользнув в магазин, стайка цыганят с любопытством обследовала прилавки. Продавщицы, скучавшие от безделья, обратили внимание на любопытных покупателей.

-Люся, постой тут, а я за тот прилавок перейду, не утащили б чего. - Пусть-ко попробуют.

-Тетя, дай конфетку, спляшу! - кудрявый, черноглазый, смуглый цыганенок сверкнул белозубой улыбкой.

-Ага, счас отвешу. Ишь раскатал губовье-то... Много вас тут.

-А пусть-ко, Саня, попляшут. Ох, кудревата голова, пляши давай.

-Тетя, шикаладную дашь? На пузе спляшу!

-Поди-ко ты, на пузе... Давай, милок, будет тебе и шоколадная.

Откинув кудрявую голову, цыганенок притопнул босой ногой, прошелся по телу ладошками:

-Чай юр и, ромале!

Остальные цыганята подхватили ритм пляски, прихлопывая руками, покачивая в такт сухонькими плечами:

- Ай да люда, люда ляй...

Цыганенок вертелся волчком, отбивая ритм голыми пятками, звонко прихлопывая ладошками:

-Геп, геп! Дзя, рома, дзя... геп!

Продавщицы от удовольствия тоже начали притопывать за прилавком в такт плясуну. Александра даже тряхнула раз-другой плечами. Малец распластался вдруг на полу, закрутился волчком на животе, легко снова вскочил на ноги:

-Чугасто лы, рома!

-Ну, уморил, дьяволенок. Не зря старался, держи на всех, плясун. Вот концерт прямо... Ох, вся удрыгалась с вами. Пойдем-ко, Люся, за хлебом-кормильцем, а то не отбиться от артистов-то. Закрываем, ребятки, магазин, на пекарню за хлебом пойдем.

Цыганята, довольно галдя, покинули магазин и направились вслед ушедшему табору под горку к реке.

К конторе подъехал «Москвич» председателя колхоза. Старший цыган, раскинув руки, подошел к председателю:

-Здравствуй, Иванович. Здравствуй, дорогой, сто лет тебе жить. Давно не виделась, золотая голова. Машина новая, не то что моя кобыла.

-Колесом дорога, Николай, какими судьбами у нас?

-Да к дому правим. К Спасу ездили. Послушай, дорогой, дело к тебе есть.

-Ну, хвастай, решаемое - решим или замнем для ясности.

-Просит у меня Евлампий лошадь, приглянулась ему. Молодая, четыре года.

Говорит, запрягать некого, Синько-то обезножел совсем, остарел. Второй день мазурит в конных граблях. Спокойная лошадь, любая старуха запряжет. И под седлом куда хошь. Уступил бы я, заберу Синька-то, на колбасу сдам, вам не маяться. Без придачи уступлю, как старому другу. Литки вечером выпьем, да и пользуйтесь, спасибо после цыгану скажешь, а, Иванович? Не сомневайся, не обману, доброе дело для тебя сделаю. Жалко Евлампия-то, бьется мужик. Разреши, дорогой, в выгоде будешь. Давай по рукам, да я за литками пойду. Спасибо потом скажешь, председатель. Жеребенка-осенца Евлампий-то наваливает в придачу, куда он вам, только потрава от него. Кость да жила, а не животное. -Да уж ясно, без обмана...

Одну на две менять, какой уж тут обман, Николай? Куда я жеребенка-то спишу? Волки съели?

-Да не оприходован у него жеребенок-то, чего кости в бумагу вписывать. Дохлый родился, дак чего приходовать. А и вырастет, кто у вас его объездит? Все равно на колбасу сдавать будешь. От беспокойства тебя избавлю. Соглашайся, дело говорю. Сам ведь на лошадь не сядешь, на машине ездись. Помочь хочу, как старому другу.

-Пусть бригадир решает, с него спрос.

-Вот спасибо, сразу видно - умный человек, вперед глядишь. Сделаем с Евлампием-то, сделаем. Не обману, не сомневайся. Хорошая машина у тебя, новая.

- А я слышал, ты тоже машину завел, может, махнем?

-Не говори, Иванович, дурак, он и есть дурак, чего с него возьмешь, всю округу насмешил. Не вспоминай, легче будет. Век лошадей менял, а тут обурочи-ли, машину всурили. Не дурак ли, подумай, дорогой, а? Нет ума, дак не дашь.

-Ну, а почему не на машине? Может, и «махнулись» бы?

-Не к рукам, паре, Иванович, дак хуже лаптя. Вроде сена не надо и кормить не надо, но не моя голова нужна. Слышал, поди, как я на права-то сдавал? Умора... В милиции-то все от хохота умирали. Четыре раза сдавал, все не так. Спасибо, научили добры люди, подарил племяннику, Стасику, бумаги все на него написал. У него права есть и ездить он умеет. Ведь в машине-то как: и руки надо, и ноги нужны, и голова чтоб работала Я-то лишь плеткой умею, тпру да ну! А машина - не лошадь, не понимает. В Ярославль ездили с женой похвастаться машиной-то и опять опростоволосились. У вас рано встают, а там, видно, еще раньше - угнали ведь у цыгана машину. Прохвастал Миколай, свели урки. Может, для смеха, а может, цвет не понравился, недалеко уехали, бросили. Милиция-то к обеду и вернула...

-Ну и?

-Стоит она, родимая, у Стасика в огороде. То у нее одно полетело, то другое... Нет, не по мне это. Лошадка никогда не подведет, а охалку сена в деревне трудно ли выпросить. Да и цыган без лошади - не цыган. Давай, председатель, по рукам, махнем Синька на Бурушку, Бог с ним, с придачей. Все веселей цыгану жить будет, а жеребенка на другой год выменяю. Мре додоре, морэ.

Случай на реке

Июльский полдень. Безлюдье. Липкая, глухая духота зависла в воздухе. У магазина на молоковозный трактор грузили товар для бригадного ларька. Со знанием дела Лёша укладывал в передок телеги ящики с обожаемым им «Солнцедаром». Продавец Мария сверяла наличие товара с накладной и давала молоковозу дельные советы:

-Осторожней, видишь, ящик-то старый, все хлябает, переложи бутылки соломой, а то все перебьешь. Мне «на бой» не спишут.

-Это... Ма... Маруся, сделаю, сделаю... ага, ага.

-Хлеб сами погрузите. Да осторожней, не мните, горячий еще, самим есть-то.

-И... сделаем... сделаем... это.

-Пока обрату сливаете, я хоть на минутку домой забегу, дорогой-то не торгуйте. -Ладно... ладно. Ни-ни-ни...

-Вот, чтобы ни-ни и было, Леонид! Поезжайте к пекарне, тут все погрузили.

Исхлестанный работой старый ДТ, утробно уркнув, стуча траками и повизгивая попавшим в звездочку камнем, двинулся к пекарне. Спустя полчаса, погрузив мешки с хлебом, выехали из деревни. Мост у электростанции готовили к ремонту, и для проезда техники он был

ограничен. Трактора с груженными прицепами ездили через реку по броду. С дырявой ходовой и почти пустой телегой Леонид решил ехать по мосту. Остановившись, он оглянулся на сидящего в телеге Лешу, который уверенно махнул ему рукой, одобряя решение тракториста. На пониженной скорости трактор выехал на настил. Первый пролет миновали благополучно. Пролеты моста провисли, настил кое-где зиял дырами. Землю и грязь с моста убрали. Новые лаги для прогонов сохли, дожидаясь своего часа, на берегу. Для повышения грузоподъемности решено было поставить над пролетами арки.

На противоположном берегу монотонно бухала пилорама. На силосной траншее тарахтели трактора-трамбовщики. Силосование заканчивалось. Сенокос был в разгаре. Миновав бычок, трактор въехал на второй пролет. Призывно поблескивали в ящиках бутылки, отражая полуденные лучи солнца. Тракторист прибавил «газу», стремясь побыстрее проскочить к правому берегу. Раздавшийся треск он не услышал. Пролет моста вдруг начал подниматься перед его глазами. Рука, независимо от его воли, метнулась к рычагу и заглушила мотор трактора. В возникшей тишине над рекой, как стон раненого зверя, повис скрип выгибаемых в обратную сторону лаг... Все случилось в считанные минуты. Отгнившие концы лаг обломались и ровно, без перекоса, опустились с четырехметровой высоты на елань плотины, мягко спружинив удар и подняв комли настила за береговыми устоями. Заглушённый на скорости трактор стоял как на постаменте, высоко задрал радиатор. Оглушающее безмолвие нарушали звуки работающей турбины да хлопанье пилорамы. Прогнивший венец бычка с глухим стуком упал вниз и разлетелся на мелкие трухлявые куски. Тракторист, испугавшись за жизнь помощника, пулей выскочил из кабины и подбежал к телеге: -Олешка! Живой ли? А...? Чего молчишь, Олёша! Парнишка, в полном ступоре от произошедшего, безмолвно хлопая ресницами испуганных глаз, сидел на бидоне с обратом и молчал. -Чего ушиб-то? Олйшка? Болит где, али как? Язык откусил, что ли? Олёша? Ну скажи чего-нибудь, а? По лицу пацана пробежала ознобная дрожь, он встал с бидона, переступил с ноги на ногу, как бы убеждаясь в их целостности: -Чего... чего... А вот чего... Это, живой! -Ну, слава Богу, заговорил! Не ушибся? -Это... нет. Слезай давай, думать надо, как выбраться отсель. Товар-от не перебили? -Нет... Это... ни-ни...

На берегу начал собираться народ. Гул, охи... Алеша с Леонидом уже выбрались на сушу. Подъехал на своем тракторе Пашка с траншеи, его командирский голос зарокотал над толпой:

-Олешка! Чего нос-то повесил, страшно, что ли? Тащите от пилорамы трос, сейчас вытащим... Плахи, которые подняло, уберем и вытащим. Сразу не переломился, дак выдержит. Поживей, мне недосуг, трамбовать надо, масса горит.

Подошла продавец Маруся:

-Леший надавал! Так и знала! Ой, все прибили, теперь не рассчитаться. Чуюло сердце-то с утра, что неладное случится...

-Не разбилось ничего, перестань причитать-то... Сейчас выдернем, да и поезжайте...

-Не выдумывай! Надо все достать на берег, а потом и тащи, богат больно, я за тебя платить не буду.

-Вина она пожалела, а на мужиков-то насрать. Давай, мужики, шевелись, чего ее слушать.

-С тобой и отослать, вражина, слова не скажи, а у меня ответственность. Да провались все пропадом!

-Ну, мужики, удачно у вас вышло, мозги-то не стряхнули? Я сегодня утром проезжал - и не скрипнуло. Ну дак, за работу, мужики, пока начальства нет.

Поднявшийся на комлях лаг настил отнесли в сторону, наладили трос, прицепив его к трактору. Пашко натянул его трактором.

-Давай, Лёня, как махну, снимай с передачи и смотри, чтоб не увело трактор с настила, да не дергайся. Лишние-то отойдите от греха.

Поехали!

Без особых усилий трактор с прицепом медленно поднялся по настилу и перевалился на берег. Постукивая бутылками, телега благополучно перекатилась на твердую землю. Маруся, взобравшись наверх, перебирала ящики с вином. Убедившись, что все цело, отмякла и даже чуть улыбнулась.

-Ну, слава Богу, все цело. Давай, Лёня, заводись, ехать надо, люди ждут у ларька-то.

-Дак, это, рассчитаться бы надо с мужиками-то...

-Счас, раскатал губу-то. Вон с угора-то механик едет, дак рассчитает. Олёша, залезай, поехали. Рассчитаться им...

К приезду начальства на берегу уже никого не было. Работа в траншее шла своим чередом, а молоковозный трактор, постукивая гусеницами, продолжал свой путь. Алёша уже «отошел» от испуга и, размахивая руками, что-то увлеченно рассказывал Марусе.

Качели

Масляная неделя разыгралась весенней погодой, легким морозом, ярким весенним солнцем, первой слезой сосулек, тиньканьем

желтогрудых синиц, веселым барахтаньем полупьяных воробьев под скатами крыш. Февральские стужи и буторы притихли, сулясь наведаться поздним отзимком. Впереди семь недель Великого поста и Светлое Воскресенье Христово. Радуюсь свежему мартовскому воздуху, мычали коровы, высовывая рогатые головы в открытые проемы проветриваемых хлевов. По последним накатанным дорогам колхозники вывозили с дальних покосов заготовленное сено. Тимофей-весновой теплом веет - стариков греет. День длинный, уработный.

В избу, широко распахнув дверь, забежал взъерошенный, запыхавшийся от бега, в необметенных от снега валенках, материнной фуфайке, подпоясанной ремнем, Колька.

-Ванюшка! Чего сидишь, побежали на гумно. Там ребята качули вешают. Сбегаем, поглядим. Может, качнуться дадут, как пробовать будут.

-Дак, Коля, мне не в чем идти, мамка один валенок подшила, а другой - с дыркой. На вечер обещала.

-Ну и так ладно, мы недолго, может, и не заругает мать-то.

-Дак еще Володя мне кореху сделал, мазать надо.

-Успеешь, все равно морозить-то ночью надо. Пеструха мазева-то еще не раз наделает. Побежали, а то я один дерну.

-Ладно, побежали.

Возбужденные, покрасневшие от бега, ребята в три минуты были на гумне. Трое парней, среди которых и старший брат Ванюшки, ладили качели на середине гумна. Грядки были аккуратно сдвинуты над опашнями, а к средней переводе ребята привязывали качели. Сидевший на переводе Сашка накрепко приладил один конец веревки.

-Алик, подавай другой конец, я сейчас переберусь. Обушок (доска с отверстиями для веревки) продеть не забудь, закидывай, я поймаю. Поймав верткий конец веревки, Сашка чуть не слетел со слуги, но удержался.

-Вовка, смотри, высоко ли подтягивать? Так ладно?

-Низко будет, еще подтяни... Вот теперь добро, завязывай.

Спустившись на долонь гумна, Сашка сел на обушок и попробовал качель.

-Добро! Можно качаться, Ну, мелочь пузатая, садись, испытывать будем.

-А я и не боюсь. Пойдем, Ваня, вдвоем.

-Дак высоко, не заберемся мы.

Сашка, подхватив ребят, одного за другим водрузил их на отполированный обушок качели.

-Держись за воздух, земля обманет. Уселись? Поехали!

Крепче за веревку-то держитесь. Ох, ма! Валенки-то не подвязали, потеряете ужо. Задаст матка лупаницу тебе, Миколка. Ох, задаст! Ну что, кенари, Москвы не видно?

-Нет, Саша, не видно. А нам и не страшно... Ой! Все равно не страшно.

-Вовка, надо и маленьким качулю повесить в заулке, бригадир еще веревку дал.

-Там веялка стоит, откатить надо. Коль, пойдём, напужимся.

Общими усилиями веялку передвинули к стене. Сашка ловко оседлал слегу, обвязал один конец веревки, поймал второй. Володя расправил веревку, прикинул длину.

-Готово! Ну, мелюзга, испытывай свою качулю, не мешайся под ногами. Осталось мячей навязать. Вовка, тащи солому, в микилинце у меня запасена. Станем мячи крутить.

Ванюшка с Николаем по очереди качались на качели, сделанной по их рост. В случае падения обушок выпадал из петли веревки вместе с седоком, сохраняя ребят от ушибов. Большаки, закончив вязку соломенных мячей, поспешили домой.

-Остаетесь старшими тут, первые пришли дак. На большой качуле не качайтесь, шею свернете, и у своей шалить ребятам не давайте, ушибете кою. Сегодня да завтра качайтесь, послезавтра гумно сеном завалят, конец празднику, так что успевай, мелюзга. Снегу в гумно не таскать, поняли?

-Поняли.

-Гляди у меня, а то вечером снимем качули-то.

-Дак мы сбегает, ребят позовем остальных, чтоб все накачались. Всем ведь охота.

Часом позже вся деревенская ребятня была на гумне. И лишь в глубоких потемках гумно опустело. А после вечерних обрядов вновь наполнилось весельем, как в период обмолота хлеба глубокой осенью. Первыми пришли ребята, вкрутили принесенные с собой лампочки. Кучками подходили девки. Всхлипнув, до времени затихла гармонь. На качелях, меняя друг друга, красовались парни, взлетая под крышу гумна. Девки жались пока к стенкам опашней, о чем-то перешептываясь меж собой. Бойкая, кругленькая, как пышка, Полюшка выскочила на середину гумна.

-Девки! Может, в Подволочну пойдём, там чужаки покачают, наши-то парни сами не могут накачаться дак.

-А ты подмигни кому, дак все для тебя сделаем, Полюшка.

-Марья Сапинична пусть тебе мигает. Нас с Зойкой за так Вася с Сашей выкач-нут. Зоя! Иди давай, пока договорилась.

-Только не сильно, а то голову обнесет, боюсь, скувырнемся.

-А мы соломки постелем, чтоб мягче было.

-Корове своей стели, а мы девки - смелые. Саша, подсади девушек. Ой! Упаду, держи крепче! Зойку-то Васька пусть садит.

Через минуту, визжа от страха и удовольствия, девки взлетали под крышу гумна. -Полинка, лови мяч, саль замену.

Соломенный мяч, запущенный в ноги качающимся, отлетел к воротам гумна, миновав сбившихся в кучу парней. Следующая подача была удачнее, и соломенный шар поймал Володя, перебросив его в руки чернобровой Фаине, по которой уже не первый месяц томилось его сердце.

-Вася! Осаживай, новую пару садим. Вовка! Будем качать, пока не поцелуешь. Раскачивай, ребята!

Визг, смех, гиканье ребят. В стремительном полете легкое прикосновение к пылающей девичьей щеке, защемило в груди...

Фаине лица не закрыть, руки держат веревку качели, да и не хотелось. Она лишь притворно взвизгнула.

-Молодец, Вовка! Не сплосал, держи мяч. Салим!

На этот раз мяч достался Анютке. Недолго думая, она метнула его в кудрявую голову Сашки.

-Осаживай! Нову парую подсаживай! Крепко ты ее, Вовка, прижал.

Молодец! Новая пара взлетела под крышу. Взрывы хохота, визг, веселье. -Леня! Бери гармошку, зря, что ли, принес. Нас с Зойкой не качают, дак хоть спляшем, погреемся.

-Дак... это, я готов, сыграю.

-Готов... Нет бы мяч поймал да обиженной девушке кинул. Целоваться боишься, дак мы научим, правда, Зоя?

Леонид взял гармонь, расстегнул ремешки на мехах, присел на бревно опашня. Тряхнув головой, заиграл плясовую. Полина, подбоченясь, поймала такт и пошла дробить. Плясала она легко, полнота ничуть не мешала ей быть привлекательной, и она это знала. Просто дроля ее сегодня задерживался, и она решила поддержать молодых девок, у которых не завелись еще залеточки, как бы говоря -придет, мол, девки, и ваш черед.

Я сплясать-то бы сплясала
И сдробить сдробила бы,
Кабы сердце подсказало,
От семи отбила бы.

Зоя, поддавшись настроению подруги, тоже вышла на круг.

Ах, подружка дорогая,

Где плясать училась?

У нас телка помирала,

Точно так же билася.

Пляска в валенках не была столь эффектной, как в легких ботиночках, но получалось красиво.

Не смеяться вами-то,

Вами-то над нами-то,

Надо в том-то разобраться,

Хороши ли сами-то?

Вертлявый Сашка, пришедший на гумно в хромовых сапогах «гармошкой», кинул на пол фуфайку, пошел «проходочкой» навстречу плясуньям, выделявая ногами немислимые коленца.

Моя милка задробила,

Как в соломе воробей.

Лучше б ты не выходила,

Не смешила бы людей.

Под одобрительные крики зрителей троица плясунов старалась вовсю. Гармонист терзал меха гармошки.

Запоздавшие с обрядами бабы, выходя из хлевов, слушали веселые переборы, усмехались, вспоминая свою молодость, пролетевшую в одночасье, и веселые озорные огоньки загорались в глубине усталых глаз.

В темном ночном небе тихо перемигивались яркие звезды, над землей застыли вечность и покой...

ВОЛОЧУГА ДРОВ

Конец февраля. Онисим-зимобор/28.02/. Зима с весной встречаются кому раньше идти. Морозно. Долгожданная весна заблудилась в глубоких снегах и не подавала о себе знак. Прошедшие буторы прибили снега к огородам и домам. Холодное солнце, медным шагом висело над лесом. Ослепительно белый снег хлустел под ногами лошади, поскрипывал под полозом дровней.

Дорога укатана и устыла. По обочине тут и там зеленели елочки, клочки зеленого сена, не прикрытые снегом, упавшие с воза, привлекали лошадь, на ходу хватавшую эти клочки, пахнувшие летом, теплом. На дровнях спиной к спине сидели Любава с сыном Алексеем, пареньком лет одиннадцати. Веревочные возжи подоткнуты под беремя сена за ненадобностью. Дорога лесная, отвороток нет. Алешка с любопытством смотрел на спящий лес, снежные кружева на деревьях, слушал тишину зимней тайги.

- Мам? Далеко еще ехать-то?

- Скоро Олешенька, скоро приедем. Не замерз?

- Не... Не замерз. А, чьи это следы?

- Да лоси ночесь прошли. Видишь верхушки-то ошипаны. А, вон гляди куропатки на кусту сидят.

- Где, мам, не вижу...

- Вон около старой-то березы, видно только с ночевки выпорхнули.

- Вижу, мам, как комочки беленкие. В деревню-то не прилетают, не видел я.

- Тпру... Буянушко. Приехали, надо в сторону сворачивать, да дорогу топтать. Тут не далеко на нивке и дрова наши.

Лошадь неохотно свернула с дороги в глубокий снег, проваливаясь почти по брюхо. Метрах в пятнадцати на опушке, приставленные к березе, виднелись лышенные кряжи дров, срубленных по весне. Лошадь с усилием пробивалась к ним. Остановившись у первого костра, Любава сошла с дровней, сняла топор и обломок пилы сортовки с одной ручкой беремья сена.

- Олешенька, ты пока отаптывай дрова-то, а я стану пробивать дорогу к другой куче, да проеду краем-то нивы, там и сырых на волочугу нарубим. Придется раза два проехать, чтоб утоптать дорогу-то. Снегу глубоко, с возом то и не бывать на дороге-то. Буянушко, трогай по малу.

Промаяв дорогу ко второму костру, Любава поехала круг мимо стоящих не толстых берез, прикинув, что на волочугу хватит, вернулась на протоптанный волок. Подъехав к сыну, который уже отоптал снег вокруг дров, остановилась.

- Вот молодец управил. Давай навалим кряж другой, вывезем на дорогу. Отсюда-то не возьмет лошадь-то полный воз, придется вывозить, да перегружать.

Выровняв на дровнях дуги/головицы от старых дровней/ Любава начала грузить березовые кряжи на дровни. Алексей азартно помогал матери. Сухие кряжи были посильны работникам и получалось ладно.

- Хватит Олешенька, как бы не перегрузить. Не хватай тяжелых-то, я сама ужо.

- Они мама легонькие, высохли за лето-то.

- Довольно, как бы лошадь-то не угробить, али завертка лопнет.

Трогай, Буянушко, давай милой, давай.

Лошадь натянула гужи, стронула дровни с места и с напрягом потянула воз к дороге. Любава шла обочь, помогая лошади руками. Алешка толкал воз сзади. Выбрались на дорогу. Бросив в снег два легких кряжа, разгрузили на них дрова, поехали за новой волочугой. Тремя ходками перевезли первый костер. На дороге, дали лошади отдохнуть, догрузили воз. Любава увязала его веревкой. Присев на кучу вытрелеванных кряжей, Любава достала из платка черный хивной колобок, разломила его на двое, большую половину подала сыну.

- Замори червячка, Олешенька, дак и поедешь с первым-то возом.

Теперь дорогу натоптали дак с места возем вторую-то волочугу. Я той порой может еще и свежих на волочугу прибавлю, пока ты едешь. Охота бы все управить сегодня. Боле ведь не дадут лошади-то, а одних-то сухих на долго ли хватит. Сегодня-то насилу выпросила, чтоб дали. Так и сказала: не дашь лошади с чунками пойдем, ребят запрягу, сама в корень и пока не выволочим на дворе не дожидайся, хватит галиться, дорогу занесет дак и не доставывать дров-то. Сена

издали вывезли, кто дорогу вновь мять станет, не подумали, до последнего полена дожила. Ты, Олешенка, как поедешь дак в угор-то не давай лошади останавливаться, не сдернуть после воза-то. Давай с Богом, понукай, покрикивай. Дома-то пусть дедушко сам в улицу-то заведет и разгрузить поможет. Помошничек ты мой. Отцу надо отписать, растет помощник. Ох, дожждаться бы отца-то домой.

Когда эта проклятая война и кончится. Трогай ребятушки.

Отправив сына, Любава, прихватила топор пилу и соломенцу пошла в подлесок. Выбрала с десятков не толстых берез. С толстыми-то не обардовать в эком снегу, отоптала их и принялась рубить. Мерзлая древесина поддавалась с трудом. Наточенный свекром топор не шел в дерево.

- Ключо как бобер, по чайной ложке. Видел бы Павел, как я клюкаю.

Ох-хо-хо. Доля бабья. Дождаться бы хоть какого... Лишь бы жив.

Царица небесная... Полно, Любава, охать, рубить надо, скоро парень-то обернется, а у меня три патарцины в завить опущено.

Сбросив фуфайку и плат, она с остервенением принялась рубить новую березу. Снежная кухта осыпала ее разгоряченное лицо.

Холодная струйка талого снега катилась по спине. Береза качнулась.

Уперев топор в дерево она с силой что еще оставалась нажало на него, дерево треснуло и со стоном ахнуло в пухлый снег.

- Вот ладно. Обрубить надо сучье до парня-то, а там решим что дале делать.

Обрубив сучье, отбросила в кучку несколько вершинок, свекру на веники, просил старик работы по силе. Отложила топор, взялась за сортовку. Прикинув длину распилила деревья на кряжи. С помощью соломенцы стрелевала дрова к дороге. Пересчитав, вздохнула, нужно до полного воза рубить еще березы три - четыре. Взялась за топор. В это время, по-взрослому покрикивая на лошадь подъехал сын.

- Тпру... Мам, Буянко-то худо меня слушает. На силу из деревни выехал. Не идет и все... Пришлось матюгнуться.

- Все здорово, приехал, а матюгаться-то сынок не дело, мал еще и вообще не ремесло это. От отца матюга не слыхала, не дело Олешенька.

- Да он жеж не идет и все тут, вицу вот выломлю. Дедушка дома-то помог заворотиться и сгрузить помог. Виц на веники заказал не забыть.

Станок приволокли изо двора. Деду не терпится, пилить ладит, а сам еле ноги волочит, работничек. Обрадел дровам-то.

- Давай сынок, разворачивайся, вывезем свежие-то дрова к дороге, я потом дотюкаю на волочугу-то, а сухими нагрузим, теперь дорогу натоптали дак и с места вывезет сухие-то. Знать до потемок то успеем.

- Успеем, мама, с вицей то у меня не побалуешь. Буянко-то хороший, мужиков уважает.

За два раза вывезли свежие дрова к дороге, нагрузили дровни сухими и благополучно выбрались на дорогу. Алешка, бойко понукая лошадь повез их к дому.

- Ты сынок забежи домой-то, перехвати чего там маленько, а то долго затынет после.

- Ладно. Второй-то раз не страшно, круто обернись.

Отправив сына, Любава вернулась к дровам, взяла топор и устало пошагала к очередной березе. Топор казалось потяжелел. Мерзлая веревка не сгибалась. По мужичьи гакнув врубилась в неподатливую древесину, Надо было спешить. День угасал споро. Верховой ветер срывал с верхушек деревьев комья снега. Скрипела под напором ветра старая рябина. Гроздь яржих оранжевых ягод, стряхнув снежное покрывало, ярким пятном поманила к себе усталый взгляд женщины.

- Вот и малым ребятам подарок от зайчика.

Ухватив в ладони яркий, мерзлый комок, осторожно отломила хрупкую ветку. Сердце, вдруг пронзила острая боль. Любава присела на ослабевших ногах на кучу виц.

- Ох, захолонуло-то как, хоть бы у Олешки все ладно, что то долго ездит. А, может у Ивана не ладно, давно весточки нет. Не дай Господи...

Стайка красногрудых снегирей опустилась на верхушку рябины и поделовому принялись ощипывать мерзлые капли оранжевых ягод. Любуясь птицами, Любава на миг прикрыла глаза. Порыв ветра поднял птиц на крыло, бросил в разгоряченное работой лицо женщины холодные льдинки снега.

НА ВАРЕ

Утро позднего сентября на удивление выдалось ясным. После обильных холодных дождей, ударил первый утренник. Яркая заря, на фоне по-летнему голубого неба, зажгла матовый иней оранжевым сиянием. Прозрачный воздух утратил ароматы лета.. Яркими кораллами висли кисти рябин. По речке плыли пенные комья шуги. Над заводами курился легкий туман. Осеннее разноцветие лесов лишь кое где редкими пятнами привлекавшее взгляд, потеряло свежесть и яркость красок. Осеннее бездорожье. Канун Воздвижения. На берегу речки, на подоле взгорка, на старом, выбеленном дождями стволе осины о чём то возбуждённо беседовали Василий Иванович и Иван Дмитриевич - деревенские старики, по причине не известной оказавшиеся здесь на старой поварне, которую, уже лет десять не использовали по прямому назначению.

Дед Иван на старости лет почти совсем оглох и их не тихий разговор далеко подавало окрест по утренней прохладе.

- Ишь вот, надумали дома варить.

- Да и ладно. Горяна то один жидель нам отправляли. Чего уж. Сами сварим, не хуже, были рога в торгу. А...?

- Сварим, паре. Чего не сварить Василей. Ишь вот, обардуем. Глаза бояться, а руки делают. Попомни-ко, Миколу на свадьбу варили. Удачно вышло. Ишь вот, вспомним, поконались дак. А?

- Да ить, дома то варим.

- Ай...?

- Дома-то говорю, варим!

- Как не варим, варим. Ишь вот, сумлеваюсь, братья ли, обчина ведь, не посадим суслу то? Шесть пудов, не шутка.

- Дасть Бог не посадим.

Ай...? Не осрамиться бы Василий. Ответственно ишь вот, дело...

Доверили пусть ко и горяна жиделя-то похлабают. А?

- Да, берёмся, али как?

- Без сумления, Василий. Ты командир, тебе и возжи в руки. Ишь вот, чуешь дак... Я подручником пойду, глухой дак. Суда то замочили?

Ишь вот, не спросил у бригадира-то. Ай...?

- В тоть замочены.

- Ишь вот, солод то пощупать надо, каков выводили, не видел?

- Сам сушил дак, как не видел.

- Удача?

- Хороший солод, чего говорить, из свежей ржи дак.

- Ай...?

- Глухой пенёк... Не чуёт... Дай не чуёт, а на дак сразу руки тянет.

Хороший, говорю, солод то!

- Ишь вот, ответственность говорю, не сплеховать бы, Василий.

Приголовок-то (мел, дрожжи) у меня уж ходит, удачно сварил. На хмелинах. Каменья то хватит, как считаешь?

- Говорил бригадиру, привезут ещё.

Старики по деловому и пока без спору, обсудили подготовку к работе. Сколько готовить посуды, кому «куклу» (соломенный фильтр) вязать и довольные друг другом разошлись до вечера по домам.

К вечеру поварня ожила. Мужики, подростки, ребятня – все были здесь. На высоких брусках стояло пивоваренное судно, под днище которого положена колода. На бабках повешены два котла, уложены камни, костром наложены дрова. В стороне рядом стояли ушаты под сусло, десяток вёдер. На дрогах, укрытый пологом лежал солод в мешках. Старики ублаженные общим вниманием заботно оглядывали всё это хозяйство, перебрасываясь с мужиками деловыми репликами. Василий Иванович, на правах главного пивовара, обрядился в фартук, за лямки которого были засунуты новые голицы, вязал из ржаной соломы «куклу». Приладил её к штырю. Иван Дмитриевич, критически

оглядел кучу камней и откинул к берегу речки два-три не нужных камня.

- Ишь вот, говорил, чтобы синих-то камней не возили, рваться будут, работнички... Василий, поджигать что ли теплинку-то? Управишь?

- Давай с Богом! В добрый час...

- Кишь, осенцы не кладены, не путайся под ногами, работа пошла.

Микола, Васька! Поджинай паре.

Костёр бойко запылал со всех сторон. Старики, встав на обрубки, прилаживали в серёдку судна штырь с «куклой».

- Подавай мужики, солод, да не рассыпте, вешано.

Засыпав солод в судно, выстроились живой цепью к речке. Ведро с речной водой поплыли к судну.

- Осторожнее там, черпало! Воды не смути! Смотри Иван, не перелейте, да из котлов горячую добавляйте. Не спеши мужики не на пожаре, успеем. «Куклу» не опласни Иван.

- Ай...? Какие, паре, басни, работа пошла. Ишь вот, пошла работа.

Подавай Бог удачу, не осрами стариков.

Спустя полчаса, судно наполнилось водой, суматоха сошла на нет, мужики собрались в кружок, покурить. Дед Иван суетился у костра, орудуя кочергой...

- Василий! Готовы камни, опускать надо, паре. Олёшенька ты посноро вистей будешь, бери щипцы, камень подавать уж станем, смотри куда Василий указывать будет, туда и опускай. Гляди, чтоб брызгами не обдало, сварись. До дна камень то опускай не бросай смотри. Давай по малу.

Паре, Олёшка, подавай мне, сам опущу, не торопись только. Вот так. Василий Иванович осторожно принял щипцы с раскалённым камнем и осторожно опустил его в судно, клубы пара поднялись над судном.

Запахло свежим хлебом. Внутри огромного чана булькало и шипело.

- Запариваем, ребята! Вы, пузганье не мельтешите под ногами, ошпарят вот калённым то камнем, настрадаетесь. А, тебя, Миколка, велю в штаны калёну-то виноградину положить, вертечь больно.

Подавай по малу!

В вечерних сумерках и свечении костра вся процедура походила на какой то обряд древних людей на старом капище. Иван Дмитриевич доставал раскалённые камни из горящих углей. Олёшка железными, большими щипцами нёс их к огромному чану, передавал деду Василию. Тот осторожно опускал калёный камень в судно. Урча, тот исчезал в чреве судна, которое урча и булькая, поглощал камень за камнем. Раз за разом урчание усиливалось. Прислушиваясь к утробному урчанию судна, публика зачарованно смотрела, как священнодействуют пивовары. Калёные камни, кровавыми бликами освещали из лица. Наконец сусло равномерно закипело по всей поверхности. Ароматный пар столбом устремился встречать первым звёздам появившимися на небе.

- Шабашь! Ключём кипит. Подавай полог. Окутывать будем. Опустив щипцы, Василий утёр пот со лба, слушал ворчание судна. Накрыли чан накрестием из тычек, мужики осторожно укрыли поверх пологом.

- Ишь вот, Василий, ты чуешь что внутри творится, а я только вижу. Мог бы и переборщить с жаром то. Ишь вот, бывало у рук, дак и не осраммимся. Упариться в пору.

- Теперь часа на два преть оставим, пусть скус набирает. Где бригадир? Вези, паре, Михайлович ходовики, да овин пусть подтопят, холодновато на улице. В тепле дня два-три пусть уходится, как переварим.

Челедь, не ухайте, а то сусло сядет. Понимать надо. Бежите по домам, а то и сусла попробовать не дадим. Ишь вот, позора.

На два часа на поварне установилась тишина. Мужики ушли по домам, ребянтня носилась по деревне. Лёгкий туман клубился над речкой, старики присели у костра, подбрасывая время от времени сухие полешки.

- Ишь вот, праздник людям, а нам с тобой полна пазуха заботы, только бы сбежало. Пойду, побутить надо. А ты, Василий, сделай зеркало. Скоро смотреть станем, не готово ли сусло-то.

Василий Иванович отошел в сторону, сорвал стебелек усохшей былинки, соорудил из неё треугольник для пробы сусла, аккуратно замотал тонкий крепкий стебелёк и направился к судну.

- Ишь вот, скусно пахнет, должно быть готово сусло.

Василий отогнул край полога, густой хлебный жар бросился ему в лицо. Он опустил в напиток травяной треугольник, осторожно поднял его и посмотрел на свет костра. Тонкая плёнка напитка крепко висела в треугольнике, мелкие частички солодовых дробинки хороводом двигались от стенок треугольника к центру, натягивая густую каплю. Осторожным движением он повернул треугольник другой стороной и дробинки живо начали двигаться от центра к стенкам зеркала. От порыва ветра плёнка выгнулась, но устояла, не порвалась.

- Готово, паре, Иван, надо спускать!

Иван споро подбежал к котлу у костра и ударил несколько раз кочергой по звонкому котлу. Деревня ожила. К поварне спускались мужики, неся пару ушатных коромысл, относить ушаты с пивом в овин. Ребянтня бежала с кружками в руках, пробовать сусло. В толпе шло несколько женщин, управившихся с обрядами, с ковшиками в руках, черпать сусло из колоды. Костёр ярко пылал, пожирая сухие дрова.

- Давай, Василий, выкачиваем штырь, ишь вот, помошники идут, спускать будем.

Василий Иванович осторожно начал вышатывать штырь, по колоде побежало тёплое, густое, темное сусло. Иван ковшиком начерпал первое ведро густого напитка.

- Ишь вот, не зевай народ, черпай да в котлы сливай, варить станем.

После этого ведра попробуем самого вкусного и густого похлебаем! Пойду хмелины класть, ишь вот, бежит по маленько, не село. Бабы аккуратно перечерпывали сусло из колоды в ведра, мужики носили напиток в ушаты, ребятня пробовали напиток, хвалили. В котлах на костре начинала закипать первая партия сусла. Иван Дмитриевич опускал в котлы хмель, побатывая напиток веслом.

- Митрич, не жалея хмель то, люблю я с горчинкой!

- Ишь вот, смикитили мы с Васюхой, не сгубили солода, сбежало суслице. Теперь уж половина дела – не переварить, да навеселить, это и челедёнком может. Олексий готов ушаты, да место в овине наладь. Там студить будем.

Пока народ тут, перетаскать надо. Там и навеселим, пусть ходит. Часа за два сусло было переварено и занесено в тёплый овин. Довольные старики сидели у затухающего костра, потягивали густое, холодное сусло. Ночь холодным ветерком, как полотенцем охладила их разгорячённые лица. Мужики разошлись по домам, бабы и ребятнишки ушли еще раньше. Тихая во тьме спала деревня.

- Вот Иван и смикитили, управились, слава Богу. Всё ладно. Пусть в октябрьские-то повеселится народ. Заробили. С весны в гуж впряглись и отдохнуть не грех.

- Ай...? Ишь вот, боялись, а взялись и дильно получилось. Пущай гуляют крещённые. И нам в карман добро слово скажут. Сызмогли! Пойду пощупаю, может навеселивать пора, а, Василий?

Рано поди, не остыло. Сиди. До утра куковать нам, успеем. У дела поставлены дак, али к бабке под бок торопишься? Жидель вот побутить надо, пускай вместе с дробинами по домам разнесут, на общину и первача хватит. Удачно, паре, у нас вышло.

- Ишь вот, Олешка бежит, фонарь-то болтается. Замена чаю на другой раз, взял в толк, не хуже нас управится, головастый мужик зреет.

- Кажись он, вод и подкинет камень-другой в жидель-то, пусть до утра преет, не сядет, нет сумления...

КОМПАНИОНЫ

Ноябрь. На дворе уже неделю стоит мороз. Снежные пороши заровняли колдобины и шипы. Предзимье. Филипово заговение на Рождественский пост. Деревня притихла под первыми морозами, скукожилась дожидаясь зимы.

Вечереет. Мутным светом зажглись окна в трех домах. Остальные дома в это время пустовали, утонув в сумраке вечера. На середине деревни одиноким глазом циклопа, светил фонарь уличного освещения.

Анна Николаевна, управясь в хлеву с обрядами, собирала на стол. В избу с охачкой дров вошел Валетко.

- А, я, Валентин, ужинать собираю. Чайник скипел. С дороги то перекусить бы надо.

- Не поминай, Анюта, и так тошно.

- Да чего уж, вышло, как вышло. Раздевайся давай, к рукомойнику да за стол.

- Нет Нюра, аппетиту. Хотел деньгу сорвать, а меня как молодого. Лучше бы цыганам тогда продать. Выгоднее бы получилось, без заботы и маяты.

- Не узнаешь где найдешь, где потеряешь, не переживай. Бог дал, Бог взял, извернемся буде как.

- Да как трудов то своих жалко, год ломили, а выручил чего?

Облопошили без зазрения совести. Вот тебе и рынок. Кусок в рот не лезет.

В избу вошли соседки Клавдия с Палагеей.

- Здорово ночевали хозяйева. Ко времени ли нет, а нам с Кланей не терпится. Печки skutали да и по гостям, не осудите нас кулем. Охота, да узнать, каково Валентин то съездил.

- Счастлив к обеду, а не счастлив под обух, мы с тобой, Пелагия, вроде к ужне поспел, не дали маху.

- Раздевайтесь подруги, да к столу. Хозяин расстроенный, дак и посадить не могу.

- Аль не ладно чего?

- Валетка облопошили дак, как думаешь, ладно? Разбогатеть хотел да не вышло. Все матюги спустил. Думал умней меня еще не родились, умыли как молоденького.

- Да чего изделалось-то, не обратно ли привез мясо-то.

- Хотел бабы мяско продать, да пришлось так отдать, хотели денег дать, да не могли догнать, вот так, едритвой на лево, досадно, спасу нет.

- Да как уж, расскажи Валентин-батюшко, все равно не отступимся, я и сама, подруги, ничего в толк не возму, чего ты в расстройстве весь. Мясо продал, деньги привез.

- Сам я хотел, бабоньки, мясом то поторговать. С Васильем, шофером-то, договорился, пока он свои дела делает, я и расторгуюсь. Он как в руку глядел - не дадут мол тебе самому-то, там все схвачено. Дадут, я нахальный, дураком прикинусь по старости. Приезжаем на базар я по прилавкам пробежал, приценился. Цена у всех одна, мяса не много. Расторгуемся. Вернулся к машине, двое с Василием толкуют. Подхожу, так и так отец, желаешь дак возьмем твое мясо оптом, деньги сразу. Спрашиваю почему, детоньки, опт у вас. Не больно жирное - говорят - дак по восемьдесят пять рублей дадим, а жирное, дешевле. Нет говорю, ребятки, я цены поглядел, самому то торговать выгоднее. Дедушко, а ты не те цены поглядел. Да кто тебя

до прилавка пустит. Кто пустит? Пойду местовое заплачу, весы возьму на прокат и вперед. Цены помене и отторгуюсь к вечерней смене, к едрене фене. Боек больно, папаша. Кто тебя за прилавок пустит - санитарной книжки нет - нет, клеймить мясо по новой надо - надо, из другого района дак... Холодильник для хранения надо брать - надо. Рубщику мяса надо дать - надо. За спецодежду надо плотить, охране рынка надо ручку смазать - нада. И с документами может быть не порядок. Вот и посчитай, отец, во что это обойдется и когда ты за прилавок попадешь? Ну тут я давай репу чесать. Василий говорит – сдавай, паре, оптом, замурдуют. Вот так и поторговал Валетко, выручил денежку. Пришлось соглашаться. Мяско на весы сносили, давай о деньгах договариваться. Приемщица уперлась на восьмидесяти рублях и все. Ну, говорю, ладно, бери голову да ливер бери за так накинь пятерочку. Добро, прибавлю два рубля на бедность. Что делать? Пришлось согласиться. Деньги, правда, сразу отдали. Пока считали, гляжу мое мяско в машину и увезли. И клеймо новое не ставили и анализов не каких не брали. Так вот нашего брата дурят. Заробил копеечку с коньком,

- Нам бы, Валентин и эк не продать, нечего не разумеем дак, ты хоть два рубля выторговал.

- Видно, девки, не были не когда богатыми, дак и начинать не стоит. Думал к трактору-то прикуплю плуг да тележку однооску, а теперь потерпеть придется, нехватки вишь вышли, придется с пенсии откладывать, а я мужика обнадежил.

- А, ты, Валентин, бери нас с Кланей в кумпань, мы и подмогнем сколь надо. Куда нам деньги то копить. А весной хоть участок спашешь. Нам без заботы. Сказывай сколь надо. Будишь у нас главным фермером в деревне. А ты, Анюта не перечь, не отнимем мы от тебя мужика, коль тебе достался, владей.

- Да, это бабоньки, я потом отдам. Поисправимся дак...

- Какая отдача, сказано в кумпанию бери. Не дали колхозниками умереть, будем капиталистами. Чего, Кланюшка молчишь, видишь мужик переживает.

- Да, нечего я, согласная, могу и гробовые отдать, помру дак и так похоронят на верху не оставят чай. А когда свои деньги в деле и умирать не захочется. Капиталистом то я не живала, охота бабы попробовать чем пахнет.

- От видишь Василий, мы согласные, слово за Анюткой, может забоится что отоъем тебя. А, Анюта?

- Ой, лешак с вами, отбивальщицы. Я первая в компань ту вступила. Так что мне бояться не след. Смотрите подруженьки, как бы ваши детоньки бузы не подняли, они ведь до денег-то охочи.

- Правда, Нюра, баеш-то. Кланя, ребятам своим не вздумай написать, что в компань вступила. Я своим, ни-ни. Обойдутся не бедные. Как думаешь подруга?

- Знамо дело, не слова. Моя пенсия, куда хочу туда и трачу. Сколько, Валентин недостаха-то?
- Да, тысячи четыре не хватает, а охота бы рассчитаться с мужиком, чтоб без су мления.
- Ну, Валентин, две да две нам с Кланей не яма, по две мы без натуги сызможем. Завтра и принесем, покупай не думай. Мы с удовольствием подмогнем. Ты для нас перва надия. Наши деды вон колхоз собрали, а мы, что хуже. Уж как пенсию прибавят, дак мы еще чего купим свобча-то. Не тужи Анюта, изделаем из нашего Валентина бизнесмена, московские рядом не лежали. Мы своего производителя завсегда поддержим. Стуканули рынком по затылку бедного колхозника, он и одуматься не может, запил с горя.
- Ты Палаша, как на общем собрании речи толкаешь. Помлико Сашка-то, покойничек, рассказывал про такого баюна. Так разошелся, разчирикался: - товарищи колхозники, поднимем колхоз, поставим его на железные рельсы и пусть он катится к едреной матери. Как в воду глядел, докатились.
- Замололись, компаньонки, давай к столу. Чай остывает.
- Чай на чай не палка на палку. Мы согласные, Анюта.

С ПОСЛЕДНИМ ПОКЛОНОМ

Наскоро обсудив новости, да приветы с тещей и тестем, поговорив с уставшей Степановной, прихватив пакеты с фруктами, я отпивался в дом к деду Васичу, навестить внезапно заболевшего друга, по деревенским досугам. По разговорам домашних, старик был плох. Не жилец по словам Степановны - на белом свете, пришел видно час его, Витенька.

Не болел вроде, бегал, суетился и вдруг сомлел и неделю уж не поднимался с постели. Фаина вся убилась, но поставить на ноги старика не могла. Приходила "скорая", но Василий отказался лечь в больницу.

- Становая жила надорвалась у мужика, не встанет боле – грусно изрекла Степановна - грехи наши тяжкие, пробил час... Оставит Фаинку... Не жилец...

- Да, бросьте Вы, Степановна. У него отродясь вроде нечего не болело. Все смехом отходил, не жаловался не когда на здоровье.

- Всему, Витя свой час. Вот и его час пробил... Не жилец. Ох не жилец... Ты уж, сходи, ждет ведь. Своим-то ребятам не дает подать телеграммы, а тебя спрашивал.

Дом стариков встретил меня тяжелой тишиной, предчувствием беды. На стук отозвалась Фаина. Увидев меня она испуганно прикрыла глаза полные слез сухонькой ладонью. Молча припала к плечу. Чистые, как жемчужины, слезы градом катились из тоскливых глаз.

- Витенька, слава Богу. Ждет тебя, как сказали что посулился. Детям телеграммы подать не дает, не велит раньше время тревожить, а тебя ждет. В горенке он, пройди, поговори, а я тут... Не стану мешать. Позовет если дак... Тут я... Пройди, пройди...

Старик лежал на кровати, прикрытый одеялом в белоснежном пододеяльнике. Голова старика была поднята на высокой подушке. Глаза прикрыты, глубоко утонули в глазных впадинах. Изработанные руки покоились вдоль тела.

- Чего, Фаинушка, кто пришел? Поди Степановна со своим снадобьем...

- Я это, Иванович, приехал вот, к тебе сразу. Приболел говорят, вот навестить пришел, друг мой любезный.

- О... Юрич... Проходи, присядь рядом, стопа великая. Знал что будешь, надежда была... Вишь, друг, совсем меня расклепало... Пришла видно пора, пожито... Скупая чистая слезинка старика, покинула васильковый глаз, стекла к подбородку.

Васич усох и осунулся, черты лица обострились, пугающая восковая белизна окутала чело. По усохшим ладоням рук, прошла чуть заметная волна беспокойства. Пытаясь улыбнуться, он чуть приподнял с подушки голову и невольно откинулся обратно. Взяв дрожащую руку старика я почувствовал проступающий, пугающий холод. Подсев рядом с кроватью, положил свою руку, на руку старика.

- Ты это что удумал, Иванович, во эку пору болеть. Помнишь-ко уговаривались новый год вместе встречать, а ты подводишь вот, не вовремя разболелся-то.

- А, она, Юрич, костлявая, из веку не вовремя приходит... Долго нет, дак дожидаемся, а придет, вроде и не готовы - хошь часик да выторговать норовим...

- Чего от больницы отказался? Может подлечили бы. Была ведь скорая.

- Была, была... Сам Николаевич приезжал... Поговорили... Он мужик понятливый... Нет Юрич, от старости лекарства не придумали еще...

- Ну, это, ты друг, брось. Рано тебе туда. Еще потопчемся. В горницу тихой тенью, вошла Фаина и встала в изголовье.

- Ты Фаюшка, тоже присядь... Избегалась вся... Чего уж теперь торопиться-то...

- Василий, ты бы хоть испил чего. Вот Витя тебе гостинцев принес.

- Не суетись, чернобровая, доволен я... Любо прожили, дай бог каждому... Вот, Юрич пришел, его чайком попотчуй... Мне и так хорошо и спокойно.

- Третий день хлеба росина во рту не бывала. Васенька, надо бы маленько хоть поесть-то.

- Ужо, Фаюшка, как соберусь... Не хлопочи... Посиди с нами. Душа моя чистится, до еды ли. Сколько ей за грехи мои еще мытарить предстоит... Легко мне с вами... Даже покурить не хочется... Ты не реви, Фаюшка, чего уж...

Старик устало прикрыл веки, дыхание его было ровным и безболезненным.

- Ты, Витя, послушай меня, Фаине то я уж баял... Дети приедут, придумают в баской, покупной гроб положить... Не давай, не надо перед суседями кичиться, пусть как всем... Сашка простую домовину сколотит... Доски у меня на потолоче, сухие... сосновые лежат... Кумачем-то тоже не обивайте, не революционер я, простой крестьянин-мужик. Доски то строганы... Мне и так любо лежать будет. Деда да отца, помню в простой домовине положили... Вот и я... В начальники не вышел. На землю голым... и в землю голым... Содомить станут... Скажи я велел так... Отцу не поперечат... Не принято у нас то. Хочу, чтоб проводил... Друзья-то мои уж давно там... Я вот долго собираюсь... Прости если что...

Не зная что ответить старику, я молча пожал его холодную руку. В глазах навернулась мокрота. Фаина не в силах сдерживаться, уткнулась в платок и вышла в избу.

- Болит чего, Иванович?

- Нет, Витя, ноги вот замерзли... А так, не болит. Ушла Фаина то?

- Ушла, извелась вся.

- Посиди... Там у меня на комодке... Выкурь сигарочку... Ваших-то с фильтром не люблю я... Наказал своим-то, памятника не ставить... Хоть в ногах, а тяжело... Крещенный дак... Пусть крест стоит... Напомни, тебя послушаются...

Старик на долго замолчал. Огонек сигареты обжег мои пальцы, напомнил о бытие.

- Ребят-то своих, не дал вызвать... Суета, да слезы будут, а я хочу тихо без суеты уйти, после пусть и поплачут... Их воля... Чего уж тут суетиться. О матери им все наказано... Не оставят голубицу... Не долго без меня то натопчет. Все изжито, Витя, и долги розданы... Не жалею... Ладно прожили. Поминай, когда, меня Витя... Вот и собрался Василий... Пришло времечко... Добре, паре, Юрич... Открой форточку... Фаину поди по-уговаривай... Не след тебе... Видеть это... Рука старика дрогнула, посылая пожатие и отяжелела. Выполняя просьбу старика, я открыл форточку, бросив взгляд на кровать. Бескровные губы Васича, чуть вздрагивали, что-то шепча.

Подсознанием я понял, что это уже не для меня, вышел в избу, плотно прикрыв дверь.

МАТВЕЕВНА

Начало сентября выдалось сухим и теплым. Рожь стояла в суслонах, доходила, суля хороший урожай. Яровые доспевали на корню. Колхозники торопились завершить сенокос за погоду. Впереди заготовка сена для личного скота, прозванная в народе "восстанием". Это заботило всех, так как надо было успевать готовить корм меж основных работ в поле. Трава вызрела и подсохла и сушки требовала не много, но качество корма было уже потеряно. Надежда оставалась на проценты и те крохи, что удалось урвать ношами на не удобьях и дальних межах. Бригадное собрание по этому поводу заканчивалось. Мужики запалили самокрутки, поругиваясь меж собой и не любо глядя в сторону председателя, отошли в тенек раскидистой черемухи.

Женщины раскаленные обсуждением своего сенокоса, по инерции продолжали начатый спор, окружив председателя колхоза и бригадира. Председатель вновь не разрешил начать «восстание» настояв на завершении в три дня колхозного сенокоса, после чего начать подкос меж и неудобий для личного скота и отдал в общину три лога сивухи в заручевном поле.

Лето выдалось хорошим, план заготовки сена выполнен, осталось подобрать и сметать подкошенные площади, в три дня должны управить.

С угора от деревни в наволок бойко спускалась бабка Елена со свертком на руках, держась за рваный подол застиранного сарафана. За ней семенила трехлетняя внучка Зинка.

- Матвеевна! Не торопись, опоздала дак. Кончили все прения. Начальство вон в контору собирается. Вона как чешет, старбень. Даст концерт.

- А, я, мил друг, сейчас открою прения-то. Михаил Андреевич! Открывай повестку! Решай мой вопрос, я как член колхоза имею право... Опоздала вот маленько... С экой оравой-то, не вот сейчас управишь... Вот так, мил друг.

- Чего Матвеевна случилось? Что за вопрос у тебя ?

В предвкушении бесплатного кино, колхозники окружили председателя и старуху свертком в береме подавал бойкий голос, Зинка тоже готова была поддержать плачем маленькую сестру.

- Матвеевна, у тебя уж и мала внука речь держит, ишь как блажит.

- Тебя бы, окаянного, не покормить, дак поди тоже заблажил.

Председатель! Чего хошь делай, я больше не могу. Мало дите старухе спекорчили, матку кормящу на двор. По лесу который день бегаёт, коров беспутных ищет, а дите кормить кто будет. Я? Да у меня уж давно груди усохли, веревками болтаются, хоть на спине завязывай.

А она, дите, неделя как рожена, роговушку не подашь, мил человек, ей маткину титьку надоть, вот она и базлает. Это разе дело? Мужика нет дак издеваться можно над бабой? Не гоже это, мил человек. Не дам над девкой галится! Не дам!

- Дак, не девка уж вроде, Матвеевна, Зойка-то твоя. Вторую девку дернула дак...

- А, ты Пашко, прикуси язык, сам любишь мудями-то трясти... Знаю я. Может твоя работа скажешь, али отводом нахлопало? А...? Чего рожу-то искосил? Не по губе! Мало тебя Татьяна-то грызет, своих четверо, а не прозеваешь и на сторону стригнуть. Перестань к лешему, пока я за тебя не взялась, мил человек.

Смущенный отпором Матвеевны, Пашко отступил за спины мужиков. Его жена Татьяна, проводила его тяжелым взглядом.

- Что бы где, а все мой Пано виноват. Я сама еще не остарела, Матвеевна, отвешаю сколь надо...

- Во-во! Отвешай ему Танька, отвешай, что б не повадно было впредь. Хоть и не его грех, а отвешай... Мне рот заткнуть хотел, не на ту наехал, мил человек. Не к тебе обращаюсь, не тебя стригут ты и не блей, шутник нашелся... Михаил Андреевич, решай, нет моих силов боле, переводи девку в бригаду, рядом с домом робят, домой забежит. Свой сенокос скоро дак и вовсе не видать нам матки, разве дело?

Бригадир выскочил вперед, готовый возразить напору старухи, но Матвеевна не дела ему и слова сказать, махнув рукой, отступил.

- А, ты Миколай-батюшко, мил человек, не маши руками-то. Она, Зойка, является одиночной матерью, при грудном дите, по декрету право имеет, давай замену. Вырастет дитя, слова не скажу, куда пальцем покажешь туда и пойдет, а сейчас, переводи в полеводство! Сгинет дите кто виноват будет, мил человек, а...? Думаете глупа старуха, правды не найду... Найду! Я до райкома дойду, прокурора не забуюсь!

- Давай мужики сено метать, мы тут решим вопрос без вас.

- Надо, мил человек, решить и в протокол записать все как есть, а то опять чего-нибудь лишите нас сирот не прибранных. Вон их сколь, а я одна старуха голимая, чего могу.

- Мы ведь, Матвеевна, договорились полюбовно, с согласия Зои, да и ты вроде не перечила...

- Уговорились... Не скажу напраслины, мил человек, да посуди-ко, сам-то... Людя! Баба матушка, ты топай милая на пожню-то, без тебя вопрос решим, ишь развесила уши-то. Вон бригадир хватился тебя, поди матушка добром, поди не доводи до греха. Вот и говорю, уговор был, а бригадир что делает? Нам отсулили митягин-то лог за обчину, чтоб не бегать по межам от ребенка. А он, враг, хочет туда телят пустить. По божьи это? Мил человек. Да и мне по десять трудодней сулил начислять в месяц за вожение, какой пуд сена по процентам-то

достался бы. Где оно? Все забыл Миколай. Вот и решай вопрос с заменой. Погалился , хватит.

- Да с горяча я, Матвеевна, сказал, все будет как договаривались.

- Не след, батюшко, одиночну мать обижать, не след... Не на ту наехал, я с локтей кожу сдеру, а правду найду, добры люди научат.

- Вот видишь, все будет как уговаривались, успокойся Матвеевна.

- А, я, это еще не расстроилась, это так к слову, не дай Бог если разойдусь, мил человек. Записывай председатель в протокол чего наобещано. Бригадир нашего в ступе пестом не угодить, что не Микола, то и бахвал.

- Всё, всё запишем, раз был уговор, быть по сему.

- Коли так, мил человек, Зойка пусть у коров робит. С дитем управлюсь, не в первой. На-ко, моя тысяча жменьку коровашка свежего, загунь, решено дело.

Достав из кармана фартука завязанную в тряпочку жменью, она сунула его ребенку. Малышка с видимым удовольствием принялась его сосать.

- Коли добром, дак и мы снимаем претензии. Смотри, Николай, не тешься над убогими. У тебя все впереди. Не под куст бросил, на куст повесил. Своя девка растет, что у людей бывает и тебя, мил человек, не минет. Сзади едешь, достигешь!

Видя что дело решено, Матвеевна бросила взгляд на деревню, погладила стриженную головенку второй внучке.

- Ну, дак, мы надеемся, домой пойдём детоньки. Может матка пришла питание наладим.

- Матвеевна, через три дня не раньше косить-то начинайте.

- Не сумлевайся, Миколай, уразумела, не чурка суковатая, понимаю. Не обмани только. Переставляй Зинушка ноги-то побойчей. Слава Богу решила вопрос...

ПОГОНЯЛО

Конец сентября. Погожие дни. Хлебная страда в разгаре. Зеленым ковром надует глаз свежая озьм посеянной ржи. Освобожденные поля густо уставлены суслонами ярового хлеба. Большие стаи скворцов проносятся над полями, собираясь в дальний путь на зимовку. На болотах курлычут журавли. Легкий теплый ветер несет тенета, предвещающая сухую погоду. Тяжелая, утренняя роса еще блестит в завитерье. Стена побелевшего овса, сбросила остатки водяных капель, волнами кудрявилась под напором легкого ветра. Край поля за отводом, переставляя наточенную косу в конной косилке, копошился Василий – бригадир бригады. Отбросил на межу к огороду сломанный

шатун, выбирал новый. Женщины, по одной и парами, подтягивались к отводу, разбирали снопы обмолоченной ржи, вили вязки для снопов, обсуждали деревенские новости.

- Василий! Какого народу-то сегодня пособирал? Загоны-то долгие, управим ли?

- Придется поднапужиться бабоньки, погода ждать не станет.

К гомонящей толпе подъехал Шурка, верхом на кореннике, ведя в пов воду пристяжную.

- Тише мелочь, хруце есть! Поберегись, на пяту ступим! Дядя Вася, запрягаться будем, али как?

- Пора, паре, Шурка. Поле высохло, бабоньки в работу рвутся.

Вдвоем быстро запрягли лошадей в косилку. Пересчитав вязальщиц Василий подал команду: «По четыре человека на сторону, поехали, бабоньки. После скотницы подойдут. Шурка, на вершну. Но! Пошли залетные!

Весело застрекотав косилка начала работать. Василий, подправляя хлебную массу бойко махал граблями. На решетку плотной кучей ложился овёс, опуская её, машинист скидывал аккуратные грудки на стерню. Вязальщицы подхватывали их поперек серпами, формировали снопы, завязывали их вязками, ловко перекручивая и откидывали в сторону, освобождая полосу для прохода лошадей. Отмерив постать погоняло повернул лошадей в хлебное море и погонил их к противоположному краю поля. Лошади на ходу хватили тяжелые овсяные кисти, жевали, довольно мотая тяжелыми головами. Машинист сосредоточенно следил за накоплением массы на решетке, нога то и дело нажимала педаль сброса, руки держащие грабли, как продолжение механизма косилки, без усталости поправляли хлебную массу, отправляя ровные кучки на свежесрезанную стерню. Шатун по-сумашедшему дергал ленту косы, блестящую на солнце отполированными сегментами. Стрекотали шестеренки передач. Погоняло, как капитан восседал на спине коренника, покрикивая на лошадей, навеселивая, иногда не совсем радивую пристяжную концом повода. Он должен обеспечивать равномерный ход косилки, направление движения упряжки по полю, высматривать в густом хлебе камни, избегать наезда на вязальщиц. Машинисты не любили погонял-молчунов и над полем всегда слышался голос погоняла, держащим в напряжении лошадей, предупреждающий вязальщиц о приближении косилки. Шурка, наметив ориентир на другом конце поля, уверенно вел машину через густую стену овса.

- Но-но-но! Роза! Ох, я тебе, ленице! Ходом, ходом!

Повод от обрати посвистывал в его руках, не касаясь лошадиной спины. Отбить постать дело серьезное, за клин или балалайку при дожинках постати можно заработать не лесное слово от машиниста.

Все шло хорошо, поле было чистое, косилка исправно валила спелый хлеб.

Лошади послушны, за уборку сработались в паре и исправно делали свою работу.

- Роза! Перемать! Но-но-но! Натягивай!

Вязальщицы споро подбирали и вязали тугие снопы. Отъехав поперечник, косилка уже стрекотала на втором боку постати. Бабы завязав свои участки, вили вязки, переговариваясь друг с другом. Работа кипела. Поднявшееся солнце щедро отдавало осеннее тепло. Сделав кругов восемь, Шурка остановил лошадей у межи, спрыгнул на землю, подал лошадям кучку срезанного овса. Василий выключив привод, придирчиво осматривал режущий аппарат косилки.

- Что брат, Шура, затарили вязальщиц-то?

- Затарили, дядя Вася, под завязку. Можно бы еще раз другой пройти, да по хлебу ездим, народу мало. Придут ли доярки-то. Ухайдакаем работничков не помогут дак.

- Придут. Подай ключи. Дай палец новый, переставить надо, а то видишь – непрокос выходит. Вот привяжут жонки за извесно место, тогда узнаешь, по чем фунт лиха. Сразу бы сказать надо. Видишь волотины-то стоят в прокосо.

- Да, это просмотрел я, дядя Вася.

- Эй! Начальники! Суслоны ставить прикажете, али поедем? Василий?

- Палец поставим и пойдём. Не видно скотниц-то ?

- Да, пришли. На постати уж.

- Вот и ладно. Пока кони свежие, жать станем. После поставите.

Затянув палец, Василий уместился на сиденье, взял в руки грабли.

Шурка, убрав остатки овса у лошадей, уже сидел на вершне, ожидая отмашки машиниста.

- Поехали.

Отключенная от привода косилка легко покатила к краю загона.

- Но-но-но! Не выдай милые! Ходом! Тетка Анна, береги пяты, ушибем. Пошел, пошел, пошел!

- Шурка! Куда тебя повело?

- Да, каменца там.

- Смотри у меня, каменца. Веселей ходи, залетные! Хоровод жатвы закутился в полную силу.

Закончив постать, не останавливаясь, отбили новую. Вязальщицы трудились не разгибая спин, перебегая от снопа к снопу. Над полем носился стрёкот косилки, веселые окрики погоняла и густой хлебный запах. Перед обедом скошенное поле густо населили свежие суслоны, как бы в знак благодарности снявшие шапки перед великими труженицами, снопы крышки широкополыми шляпами лежали до вечера рядом с суслонами для просушки.

- Ну, бабоньки, еще упряг и на павжну выпрягаемся.

- Ой, леший с тобой, Василий, всех укутошил, ноги заплетаются, а ты опять в пожню гонишь. Шурка, милок, ерша-то еще не нахлопало на мягком месте, а?

- Нет, тетка Анна. У меня селенка-то по менее твоей будет, дак все благополучно.

- Ну и ладно. Вставай бабоньки, не дают эти еретики покоя. Василий опят на грамоту рвет, уважим мужика, ляжем грудями, может и нам чего отломится по осени-то.

И вновь канителью закрутилась работа. Лошади заметно стали уставать. Закончив постать, Василий подал знак Шурке, выезжать край загонки.

- Шабашь. Обедать станем. Коней выпрягешь, в лог на отаву сгонишь. Часа через полтора запрятать. Пойду помогу жонкам снопы обставить. После напоить не забудь коней-то, погоняло.

ДЕРЕВЯННАЯ СКОТИНКА

Яркое, летнее солнце споро поднималось над горизонтом летнего утра. Пора сенокосная. Летняя ночь уповодком лишь радовала работника отдыхом и прохладой. Тяжелые росы поспорье косарю. Надоедливый овод не мешал по утру в широком прокосе, а комар, тля малая, чтоб на нее обращать внимание. Нажимай на пяту косарь, трава сама ложится под острым жалом косы. Не зря старики говорили: «пройдешь с утра три прокоса, не будешь ходить босый». Сенокосная пора услада крестьянская, торопись за погоду урвать зеленого сенца, проворонишь, зимой хватишься, натрешь соплей на кулак. Весело перекликались в наволоках и ближних логах звоны налопачиваемых кос, оклики косцов. На нивах стрекотала конная косилка и басовитые окрики машиниста. Лето припасиха подгоняло работника хорошей погодой. Все приметы обещали ведро.

Федор Гавриленок верхами на коне, возвращался с осмотра копен на дальних покосах. Просушенное сено хранилось хорошо, лишь у двух копен пришлось ослабить подпоры. Надо городить стожье, скот в след за народом пошел по свежим отавам, может подбить копны. К косцам бригадир не завернул, слышно, работа идет. Полевая дорога поднималась в гору. По обе стороны поднимались яровые, суля хороший урожай. Карько, племенной жеребец, ступисто правил к дому. Утренняя пробежка радовала коня и седока. На взгорке открылся широкий обзор окрестных деревень, поля лежали как на ладони. Федор невольно залюбовался открывшимся простором. Кинув взгляд на противоположный, крутой берег речки, заметил, что в поле на посевах овса пасутся козы.

- Едрить твою в карамелинку, опять эта скотина в поле. Сколько говорено Осипенихе - надень рогатки. Нет нейметя скарлатине. Жалко ей видители. И они, бесова отрада, опять в поле. Ну берегись Полинарья, устрою я тебе ликбез!

Ударив коня стремями, направил Карька край поля к нарушителям покоя. Почувствовав волнение седока конь перешел на крупную рысь, а потом и на галоп. Перемахнули сонную речку, поднялись на угор. Услышав стук копыт, козы подняли рогатые головы и потянули к огороду. Поймав на ходу белую старицу, Федор повесил ее за рога на прясло огорода. Коза сучила ногами, пытаясь освободиться но, молчала.

- Ну! Скотина деревянная! Добрался я до вас, рекордистки сталинские. Побойтесь ужо на солнышке-то и сметана скиснет, мать вашу.

Догонил вторую козлуху и сделал то же. Осенец козел, поняв свою участь, крупными прыжками убежал вдоль огорода к деревне.

- Врешь! Лешово отродье, не уйдешь! Вонючее гнездо! Посушу маленько, чтоб не повадно было.

Поймав козла, повесил и его на огород.

- Вот так! Любо дорого поглядеть. Давай Карюшко, теперь домой.

Руки в речке вымоем, а то козлом воняют, жонка домой не пустит.

Успокоившись, жеребец спорым шагом отправился к речному перебору. Спустя время в проулке показалась сгорбленная фигура Осипанихи. Опираясь на батог она шла вдоль огорода.

Остановившись у приметного прясла, наклонилась и выдвинула жердину из огорода.

- Бяша, бяша, бяша! Где вы мои тысячи. Бежите давай, выпущу...

Не дай Бог бригадир увидит, будет тоды нам с вами... Бяша, бяша...

Малька, бежи давай. Не видно. Где вы, не бякают. Куня, Маля?

Старуха, держась за жердины, выпремилась во весь рост. Взгляд ее скользнул вдоль изгороди.

- Ца-ри-ца небесная! С-вят, с-вят! Гос-по-ди Су-се! Ох, ти мне, тисичи мои, да как... да кто... ? Не живы право!

Полинарья, упав на коленки, попробовала пролезть в лаз подготовленный для козлух, но не смогла. Пятясь и бормоча что то, высвободилась из прясла, влезла на огород, перекубарилась на ту сторону, спотыкаясь об укосины, подбежала к первой козлухе.

- Малышка жива ли? Гавриленок вед, враг окаянный, враг увидел.

Милушка моя, почичас, почичас я... Костолом тебе в спину Федка, галиться над скотиной. Ой! И не бякает, издохла!

Узрев хозяйку, перепуганное животное наконец жалобно заблеяло.

- Жива, тисича ты моя. Ужо, почичас, почичас...

Натужно крикнув, старуха сняла животное с изгороди. Ощютив под ногами землю, та огромными прыжками понеслась к заветному лазу в огороде и вмиг была в улице за огородом. Не мало повозившись, Полинарья освободила и вторую козу, которая жалобно блея убежала

в след за первой. Переведя дух, Полинарья посеменила к наказанному козлу.

- Тебя-то, враг, и снимать не стану. Бодал утром старуху? Ох, вонькодушый и не сбардовать мне с тобой, опряхотишь, леший тебя надавал.

Козел следил испуганными глазами за хозяйкой, которая принаравливалась как бы снять его с огорода.

- Нет моих силов боле, сама и виновата, позарилась на чужое, наказал вот Гавриленок. Ещё поди и штрафу сыпанет.

Обняв растянутого козла, прилагая последние силы, наконец сняла упрямую скотину, заваливаясь от тяжести на спину. Козел обрев землю под ногами, высоко подпрыгнул, фыркнул и огромными прыжками понесся к заветному лазу в огороде. Охая, старуха, встала на четверенки, перебирая руками по жердинам поднялась на ноги. Отдышалась. Тяжело вздохнув, подобрала с земли батог поковыляла вдоль изгороди чтоб поставить на место выдернутую жердину.

Освобожденная троица топталась у отводка палисадника. Задвинув дыру в огороде, забила камнем балочку, припорхала сухой землей протоптаную козлухами тропину.

- Придется навязывать рогатины. Попутал бес, на озим пустила, теперь дожидайся штрафу, а то и принудиловки на старости-то лет заработаю. Повоймовать ить хотела. Леший шепнул. Ох грехи наши тяжкие... Придирчиво оглядев место преступления, потянула к дому.

ПРИГОРШНИ МУКИ

Весна 1943 года, голодная и затяжная, но долгожданная всеми с надеждой на лучшее, не спешила обогреть запустелые деревни, не ухоженные поля, обветренные окресные леса. Холодные ветра и неожиданные отзимки выхолаживали тепло весеннего солнца пытавшегося отогреть остылую землю леса и измученных ожиданиями людей.

Тяжело опираясь на батог, Федосья правила к дому. Еще одна ночь осела в суземе леса. Над горизонтом широким поясом повисла оранжевая, холодная заря. Апрель, середина месяца. Поликарпов день.

Снега двинулись, днем пригревает. На угорах показались первые проталины. Утренний наст держал хорошо. В выщербленном старом чугунке Федосья несла тлеющие угли для растопки печи, взятые на ферме в водогрейке, которую к приходу скотниц она протопила, нагрев воду для обрядов. Ворота привычно скрипнули, пропустив её в дом. От играющей зари в избе было уже светло. Услышав хозяйку с печи

сплыгнула кошка. Санюшкина мезонька. Ребенок, свернувшись калачиком, крепко спала на теплой печи. Поставив чугунок на шесток Федосья из кармана кошули достала три кубика колоба, коричневые кусочки вкусно пахли подсолнухом, положила их на воронец.

- Обрадиет девка, как проснется.

Осторожно, чтобы не разбудить ребенка, открыла засторонок, достала вьюшку.

- Ох, доська матушка, догодалась. У коров урвала и на вид положила, а бригадир заедет да увидит, схлопочу принудиловки.

Взяв с воронца кубики колоба, переложила их за образа на божницу, где с исстари хранила всякие квитанции сельсовета, редкие письма мужа с фронта, облигации займов.

- Не осуди Господи, не от богатства, с голоду согрешила.

Особо богомольной Федосья себя не считала и в порыве гнева любого могла нагладить отборной руганью, но согрешив всегда просила за то прощения: - прости Господи меня грешную не стерпела.

Вытряхнув на лопату зрелое уголье, раздула и высыпала к уложенному с вечера истоплю дров для подсушки, бросила сверху несколько березовых скалок. Робкий огонек заиграл на скале, лизнул поленья. Федосья присела на лавку к широкому столу, задумалась.

Лучи утреннего солнца осветили опечья и тихо легли на широкие половицы пола. Подсохшие за ночь дрова дружно обнялись огнем.

- Ну, доська, наотдыхалась, обряжаться надо, девка скоро станет, кормить надо. Ленюшко должен сегодня из наряда вернуться. В Тарногу со льном уехали, оголодал поди, пятнадцать лет парню, растет помощник, надежда. От Гранюшки вести нет. Осенью на трудовой фронт угнали. Писала - портомоей при госпитале работает. Та на пайке, не пропадет, хоть и подневольна работа, а где нынче не подневольна-то. Война...

Жив ли хозяин-то, давно весточки нет... В доме хлеба не крошки и пекчи не из чего. Последню кринку житной-то мучки Ленюшко с собой испекла... Как до травы дожить, весна то вон не торопится, нет тепла. Сиди не сиди, нечего не высидишь.

Налив в ведра ужахой воды, подхватила подойник и пошла в хлев.

Черноглазка, надежда всей семьи, встретила хозяйку глубоким вздохом. Погладив теплый бок коровы, вылила воду в шайку.

- Нечем, милушка, и замутить-то тебе водичку. Подобрить бы с отелу надо, да нечем черноглазка. Дам, ужо, сенца с усадьбы, мяконькое... Пей милушка, пей. А, ты буян, погоди, сейчас подоимся, получишь своё.

Довольно мукнув, теленок начал выделять кренделя по стойке. Струйки молока ударили по дну дойника. Закончив хлопоты в хлеву, Федосья вернулась в избу. Процедила остатки молока в кринки, поставила их в полушкафье. Взяв с поллицы лукошко, пошла на поветь. Зашла в клеть открыла крышку большого ларя; здесь в одном из

засеков хранился сеянной ячмень-шестирядка для посева на усадьбе. Взяв в пригоршни тугие, крупные зерна, поднесла их к лицу, втянула в себя хлебный запах, пропустила зерно между пальцами.

Хлебный ручеек с легким шелестом вытек из ладоней. Тяжело вздохнув она в другом засеке нащупала кринку и почерпнула со дна серую мучную массу, высыпала в лукошко три кринки, постояла в раздумье, опустила кринку на дно засека. Хотела было добавить еще кринку, но торопливо закрыла плотную, тяжелую крышку ларя. Из кадки в уелу добавила две горсти скруженной пыжины. Проводив мужа на фронт, Федосья в слезном крике поняла вдруг, что она теперь одна должна думать, как поднять ребят, сохранить семью, дожидаться мужа. Прибрав урожай с усадьбы в ту первую военную осень, заложила две пудовки ячменя на семена, дав себе слово не при каких обстоятельствах до посева не трогать его. Остатки урожая расчерпала молочной кринкой, что на крупу, что на муку. Так же поступила и с теми крохами, что дали на трудодни и не позволяла себе расходовать на семью больше той нормы, что получилась по её подсчетам. С урожаем картофеля она поступила так же, семь ведер на семена закладывала в яму на песчаном угоре у речки, ставила в угол ямы обмолоченный сноп ржи для вытяжки.

Из замерзшей ямы зимой картошки не достанешь при любом голоде и семенной картофель надежно доживал до посадки, другие съедали и семена. Весной садили "глазками", а что из них вырастет?

Сейгод рядом с Федосьиной ямой вырыли и соседи картофельные окопы, не надеясь больше на свою выдержку голодной зимой. Каждое ведро хивы, куглины разрешенное бригадиром унести домой пересушено, исхастано в ступах служило добавкой в муку, чтоб дотянуть до весенней зелени. В ход шла сушеная лебеда, истолченные очистки картофеля. Колхозную картошку копали до темной ночи, десятое ведро давали в счет оплаты себе. Немощных стариков приходилось на лошадях развозить по деревне, выковыривая их из мерзлой борозды, вместе с заработанными процентами, все семье помощь. Весной на перепаханном картофельном поле деревенская ребятня собирала измороженные, сладкие клубни, которые были много вкуснее горьковатых пистиков, основной еды в деревне в это весеннее время.

В избе Федосью встретила проснувшаяся дочь. Она сидя на лавке старательно натягивала на ноги шерстяные носки.

- Мам, а черноглазку ты уж подоила?

- Подоила, дитятко, подоила.

- И ф(с)евралька напоила?

- Всех, Санюшка, напоила, обредилась. Сейчас мы с тобой колобки катать будем, горечени напекем. Ко дню супу поставим станем Леню дожидаться.

Поставив лукошко, подошла к божнице и подала дочери кубики колоба:

- На-ко, чего я тебе принесла...

- Ой, мама, я люблю колобот. Вкусный. Я один возьму, а эти полож. Леня приедет, дак и подашь. Может и он чего привезет.

- Ладно, похрани.

Высыпав в пирожную кринку содержимое лукошка, вылила туда кринку прясного молока, заботала. Темное, тяжелое тесто рассыпалось. Подсолив, добавила воды, оставила набухать. Ловким движением перевернула столешницу обратной стороной для раскатывания хлеба. Достала из полушкафья наволочку с остатками муки.

- Хватит ли окотать-то. Хоть бы парня не обманули. Велела Зинке-то, поглядеть, как менять-то станет.

Фунта три накопленного масла, она послала с сыном с собой, обменять на муку или зерно в Тарноге.

Высыпав на стол пригоршни муки, начала катать колобки.

Скрепленное мукой, рассыпчатое тесто, превращалось в ловких руках Федосьи в плоские лепешки. Санюшка тоже пыталась слепить колобок, упрямое тесто в детских руках рассыпалось.

- Обкатай его в мучке-то, он и не рассыплется. Ишь как, двоим-то быстро управились. Докатывай, а я в печи запашу да и садить станем.

ПОСОБИЕ

Октябрьский денек выдался серым и тоскливым. Временами накрапывал холодный дождик. Деревья чуть шевелили ветками под напором стылого ветра, отряхивая прозрачные капли дождя на остывшую землю. Деревенская улица была пустынна. Ребяшня в школе, колхозники на гумне ладили лен на агрегат.

Степановна, скутав печь, села на лавку и начала перебирать овечью шерсть. Приготовила чески и старый головной платок, чтоб завернуть в него куделю для пряжи. Трехшерстная кошка, соскочил с печи, терлась о ее ноги.

- Дуня, на улицу захотелось? Пойдем давай, выпущу.

Выпустив кошку, Степановна подвязала старый фартук, взяла в руки чески и принялась за работу. Шерсть попала зимней стрижки, умаранная и поддавалась расчесу с трудом.

- Ох, Любавушка-матушка, жалела лишнюю горстку подстилу-то бросить, да и остиста зимнина-то на носки гожа, а на вареги-то колюча будет. Отходу не мало будет, одни сосульки, не разодрать.

Ох, хозяйюшка. Да, и где бабе набраться подстилу-то, кое как до весны дотянут на объедях да на соломе, не до чистоты.

Брякнули входные ворота в избянную дверь постучали.

- Дома, дома! Ох, подруга, больно уж культурна стала. как при городе со стуком.

- Здравствуйте, Раиса Степановна. Зайти можно?

- Ох ти, мне! Дмитрий Васильевич! Ой! Я то подумала, Райка с гумна зашла проведать. Проходите-ко, я сейчас, сейчас я... Повернусь ужо... Дмитрий Васильевич... и не видела как прошли то.

- Здравствуйте, Раиса Степановна! Зашел проведать вас. Давно не виделись.

- Дмитриии Васильевич! Здравствуйте! Вот уж кого не ждала, не чаяла, такого гостя. Проходите, раздевайтесь. Я сейчас уберу все, да стул подам. Проходите... Проходите. Как я опростоволосилась-то... Дмитрий Васильевич, сейчас самовар поставлю. Хоть чаем вас угощу. А, может пообедаете, не побрезгуете моей стряпней?

- Раиса Степановна, не беспокоитесь, мы только что пообедали, так, что я сыт и самовара не надо. Присаживайся-ко к столу, да расскажи, как ты поживаешь. Такой активный коммунист был, а нынче смотрю по учету, только на отчетном собрании и были, что же случилось?

- Дмитрий Васильевич, видно отбегала Раиса в активистках. Села, как старая лошадь на щетки. Второй годок дома сижу, совсем ноги отказали, только по избе маленько передвигаюсь. В колхозе не работница и партийной организации не помощница. Одна надежда на сына, дожждаться бы дак...

- А, что врачи говорят?

- Что говорят? Говорят поздно хватилась. Справку на легкий труд. В больнице почаще лежать. Не дали надежды то.

- А, до пенсии вам?

- Да уж, меньше двух годков после сентября-то. Парня бы из армии дожждаться дак и легче бы стало.

- Когда сын должен прийти?

- Да вот и не знаю, всяко говорят. Кто два года служить, кто три. Сам то пишет, что летом домой. Служит-то в Ленинграде, в отпуске был. У него все хорошо. Домой ладит после армии-то.

- А как вы живете, Раиса Степановна?

- Ой, да теперь не война, ту пережили, теперь легче, оправились люди. Деньги вот в колхозе дают за работу...

- А, вы то на что живете?

- Да, шью крещеным. Как общее собрание, всем отрезков надарят, да и сами покупают. Кому платье, кому юбку, рубахи мужикам. К зиме вон, шерску пряду, носки, рукавицы бабам вяжу, самим-то не когда. Руки то пока работают, вот мне и копеечка. Так и живу. Дров уж напасла, не замерзну. Картошку добры люди выкопали, прибрали. Скотинки не держу, не убардовать. Сын вот придет да женится, может и исправимся со скотинкой-то. Доживу. Сама себя настроила дожждаться, дак дождусь. Старшие-то ребята не забывают, помогают.

- А, колхоз, сельсовет, хоть кто навещает вас, помогают?
  - Да им не до меня, не к кому не обращаюсь. Бабы деревенские заходят и на том спасибо. Бригадир когда зайдет, мешки принесет починивать. Скотинку-то со двора у нас угнали, а то бы сторожем на двор пошла. Засветло бы на двор уklubилась и утром бы не торопно. Не могу дома-то сидеть, всю жизнь на людях. Зиму-то и не знаю как и перемигать. Скота не стало и деревня-то как вымерла.
  - Из наших райкомовских работников тоже никто не заходил?
  - Нет, Дмитрий Васильевич, двора не стало, чего им в деревне делать.
  - На каждом совещании в райкоме мы говорим, что в первую голову надо думать о людях, да видно забываем спрашивать об этом, все больше выполнением планов интересуемся, о кормах да семенах, а судьбы людские меж рук оставляем. Исправляться надо, обстановка позволяет, да и люди наши этого заслужили.
  - Люди привыкли, Дмитрий Васильевич, не обижаются. Старикам стали пенсию давать. Раньше пока рога в землю не уткнутся, все трудоспособными были. Трудодни на деньги перевели, каждый месяц колхозник копейку в руках держит, хлеба хоть буханку да купить можно, сахару без сельповской книжки купить можно, мануфактуру возят. Кое кто паспорт уж получил. Чего уж обижаться. А что не ходят по домам то и ладно, раньше-то ведь редко с добрым словом приходили - то печь зальют, не вовремя затопила, то налог не плочен описывать придут. То заём не поддерживаешь, подписаться надо, а с добром-то редко бывали. Боялся народ начальников.
  - То время, Степановна, ушло навсегда. Надо учиться руководить по-новому, в первую голову человека ставить.
  - Я всей душой за это, много выстрадал простой человек, дали отдушину, он и доволен.
- Беседа плавно переходя от проблемы к проблеме. Степановна не раз порывалась загреть самовар, попочтевать гостя обедом, встретив отказ успокаивалась и разговор вспыхивал вновь.
- Ой, Дмитрий Васильевич, заговорила я вас, нельзя вот к нам и зайти-то, пока все не выложим не остановимся. Спасибо вам, вроде и легче стало. Спасибо вам не забыли. Не беспокоитесь, не то пережили, а я не голодна и в тепле, чего еще надо. Чаю то мы с вами так и не попили...
  - В другой раз Раиса Степановна, чаю поьем, а на сегодня станем прощаться. Не болейте, настрой у вас боевой. Постараюсь к вам на отчетное собрание приехать, встретимся.
  - Если мужики, Паша с Александром не оставят, дак приеду. Охота всех увидеть. Пешком-то не бывать. Спасибо, что заглянули. Попрощались за руку...
- В середине января, почтальон, крестница Степановны, Юля, принесла в дом газеты.
- Ну, божатка, пляши, радость тебе принесла.

- Письмо от кого?
  - Нет не письмо. Пособие тебе начислили от сельсовета.
  - Что ты эо говоришь!
  - Нако вот, расписывайся, получай восемь рублей. Теперь, как пенсию, каждый месяц носить буду. Чего ревишь? Ну, паре, божатка, по легче будет меньше пыли-то надо глотать.
  - Да я, девка, от радости. Не изверился, сказал помогу, вот и...
- Помни-ко хвастала, что Кашинцев Дмитрий Васильевич приходил осенью-то, не забыл похлопотал... Теперь уж точно дождусь парня, а через год уж и пенсию назначат. Мир то не без добрых людей.

«Кабы знать, дак ...»

На дворе конец января. Утренний, крепкий морозец. Под полозом груженых зерном дровней скрипит снег. Тяжелые возы на раскатах закидывает к бровкам. Окуржевелые кони на подугорах, не сдерживаемые мужиками, несут возы вскачь, напрягаясь и отдыхая перед подъемами. Сами возчики в полушубках и валенках, чтоб согреться, идут за возами, садясь лишь на спусках. Маленький обоз следовал в Кулое, обменяться семенным зерном к будущей весне. Мужики перекидывались редкими фразами, покрикивали на лошадей для порядка. Солнце розовой поливахой висело на восходе в дымке изморози. За поворотом показалась деревня. Лошадки, почуяв жильё, без видимой натуги тянули возы по накатанной дороге.

-Мужики! Глянь, мати моя... Чего-то не ладно у Фроски! Дым из-под крыши валит. Не пожар ли?

-Погоняй, ребята, и впрямь не ладно.

Подхлестнув лошадей, все вскочили на возы. Лошади, понукаемые мужиками, пошли галопом, перешли вскач, не понимая, за что их наказывают. Из избы, стоящей край деревни, по утоптанной тропинке, обвешенной вицами, бежала сама хозяйка, босая, в одном сарафане, с кофтой в руках.

-Батюшки-светы! Люди добры, горю! Ой. Горю! Горю, бабы-матушки! Ой! Вся не могу. Помогите! Пожар!

Покачнувшись, она пряслом упала в снежную кромку, барахтаясь в снегу, причитала:

-Ой-ой-ой! Горю, право, горю! Помогите! Горю!

Остановив лошадей, мужики бросились к дому. Увидев их, Ефросинья, наконец, выбралась из сугроба и причитая, побежала за ними:

-Ой! Мужики, помогите! Горю, ведь, право, горю!

-Вода-то есть в доме? Где горит-то! Мати моя...

-Ой, Николай, в самоваре на столе есть, недавно вскипел... Горит-то не знаю, где, все дымом затянуло. Ой! Чуть не уходилась, свету белого не видно. Кабы знать, дак...

Из открытой двери избы дым клубами поднимался под крышу, выбивался дальше к морозному небу. В избе огня не было видно. Пригнувшись к полу, мужики обежали кругом печь. Дым густо валил из приоткрытой двери горницы. Но и в горнице открытого огня не было видно, густые, смрадные клубы дыма пробивались из-под пола.

-Фроська, давай топор, меж полами горит-то! Чего, поди, заронила?

-Истинный Бог, мужики, ничего не заранивала, право... нет топора-то, последний в хозяйстве парень в лес взял.

-Валентин! Бежи, у меня в головицы воткнен топор, мать моя... тащи скорей!

-Ой! Николай-батюшко! Кабы знать, дак... я ведь тушилку с угольем в подполье-то опустила. Ой, курья голова, думаю, чтоб картошь-то не заморозить. Отбила зрелого-то уголья - и в подполье. Дак ведь в тушилке, и не в первый раз. В морозы-то все года так делаю.

Кошулями старыми картошь-то закрыта.

-Где вороток, кошуля?

-Дак вот он, под половичком, кабы знать, дак...

Мужики открыли подполье. Дым широким столбом потянул из подпола к двери.

-Ну, хозяйюшка, перемать... Несите, мужики, хоть снегу, самовар-то давай сюда, догодашка. Капец твоим кошулям, Фроська, догорают. Ладно, что старые да от-пышняли, шают да воняют.

Остывший самовар был вылит на тлеющие полушубки и прочее тряпье. Мужики носили бураком с улицы снег.

-Николай-батюшко, может, хватит снегу-то, заморожу картошь-то, чем садить стану, а?

-Шабаш, мужики, вроде все потухло. Принимай тушилку. Николай вылез из подполья, перевернул тушилку на бок:

-Полубуйся, хозяйюшка, угольки-то через дырявое дно высыпались, тушилку-то давно пора выкинуть, с одного года с тобой, наверно.

-Дак, нову-то жалко в подполье-то, куплена да. Кабы знатье, дак...

-Вот и знатье, ладно, дома была, а то всей деревне бы печенок напекла. Вытаскивай своё тряпье из подполья-то на снег, не дай Бог, снова зашаает, нам некогда, к Покрову надо попасть.

-Ой, спасибо вам, мужики, не дали сгинуть, сама-то я разве бы сообразила. Бог вас привел. Уж боле в жисть не сгрупплю, хоть того боле мороз. Научило.

-Сейчас еще самовар растопим, гляди, разжился, а воды-то - ек-ман. Тащи в снег, закапывай, а нам ехать надо.

-Дак, Николай, я за водой-то сбегая, наставлю самовар-то, загнета зрелая, в кою пору скипит. Ох, Опроха - матушка, нагадила...

-Чай - не вино, много не выпьешь. В сельпо сбегашь, дак на обратном пути и зови. Кони, поди, застоялись, да и отемнаем обратно-то. Поехали, мужики.

-Дак, Николай, обратно-то приверните, рассчитаюсь. Кабы знать, дак припасла. Дома-то не улежит, чадо-то у меня найдет, хоть черту за ухо засунь, сквозь землю видит склянку-то. Не держу, не обессудьте. Приберусь вот, дак и сбегая, долго ли мне. Придется, мужики, наверное, еще раз печь-то истопить, выстыло. Ох, кабы знать... Отдохнувшие лошадки бойко натянули гужи. Мужики еще долго обсуждали случившееся, дымя самокрутками, крупно шагая вслед маленькому обозу.

«По журавлицу»

Середина октября. Миновал Покров. Природа тихо засыпала, готовясь к длинной зиме. Осенние безжалостные ветра полураздели лиственные леса, потрепав летний наряд и бросив его на лесную подстилку. Утренние иньи выхолаживали землю, прибили рост грибов. Осеннее солнце позднего бабьего лета притворно ласкало природу, с начала октября вставало поздно и неохотно и ранним вечером, не принося радости природе скрывалось за холодной кромкой леса. Покров на голе, и Катерина (7 декабря) на голе. Осень затяжная, но сухая. Поля стояли пустые, одинокие стога соломы напоминали о былом урожае. Зелеными мазками радовала глаз, озимая рожь, вклинившись в однообразие отдыхающей нивы, вселяя надежды на будущее. Воздух прозрачен и свеж. Край леса золотила полая заря. Логом, в угор к разоренной деревне, одна за одной поднимались три спешащих, с заплечными пестерями и зобеньками на руках женщины. По нетронутому инею на пожухлой траве раньше их никто не прошел. -Говорила я вам, что не ушла Раиса-то. Вы свое долдоните - ушла, да ушла.

-Дак, Зойка-матушка, к шести договорились. Солнышко скоро взойдет, куда больше ждаться-то, ковдысь на болото-то прихиряем?

-Дак без Раисы никогда не прихиряем, кто поведет-то. Я дак в трех соснах блужу, Юлька сроду в последних ходит, тоже дороги нам не справит. Разе ты, Санюшка, нас сводишь?

-И я, не свожу... век не бывала, первый раз собралась, не видала, на чем эта ягода растет... свожу, как не свожу, к лешому за ухо.

-Может, на дворе чего изделалось, догонит, ужо.

-Раз сказала Раиса, придет. В улице подождем. Может, и Карасовна побежит, к той пристанем.

-Как, поди-ко, станет Манефа нас дожидаться. Лизаветка-то хвастала - пудов пять у бабки-то нашоно.

-Это самое, не любит она с народом-то ходить, все одна бегают.

-И не любит, и знаю. По следу пойдём, пока иней на траве, и как по карте пойдём.

-Ой, отступитесь, бабы, вон Раиса с Миколкой догоняют. Слава Богу, не с пуста пошли. А мы думали, Раюшка, ты уж заправилась, догоняем, торопимся.

-Добро торопитесь, скоро солнышко обойдет, а оне под огородом сохнут.

-И, куда, мы без тебя, подруга.

-На дворе проползала, как соберешься, все не в лад. Со двора - и на болото, куска съесть некогда. Парнечка вот еще в компань навалили.

-Это самое, мы уж, хоть ворачивайся, засумлевались было, Раюшка.

-Давай, пошагали, засомневались они, не вот сейчас допрём.

Втянулись в лес. Старая дорога местами заросла, но тропинка была уже набита. На восходе солнца лес стоял притихший в полудреме прохладного утра. Старые березы на половину оголились, сбросив листву. Осины трепетали багряным пламенем. Пахло прелым листом. Птиц в эту раннюю пору не слышно, иногда пугливый рябчик взлетал из-под ног и падал в зелень ближайшей елки. Ягодная ватага сосредоточенно, не разговаривая, шагала вперед. Миновав очередной мостик через лесной ручей, свернули в заросшую березняком и молодыми сосенками ниву. Тропинка вилась край подлеска. Старая нива хранила борозды былых полос. Верхушки деревьев загорелись под первыми лучами всходившего солнца. Нырнув в темный лог, втянулись в перелесок.

-Сумлеваюсь я, Раюшка, туда ли топаем-то, в сузем тропинка-то?

-Туда, туда, скоро и горловина будет. На то же болото, только с другого боку придем. Ближе тут, только посырее будет.

-И, бабоньки, не хаживала, и последний раз иду. Вперед устала.

-Ужо, Санюшка, как обратно с ношами-то пойдём, дак и решишь.

-Дивья тебе, не нужда дак. Встала одна, и легла одна.

-А у Юльки дак нужда. Вдвоем с дедком живут.

-Дак на посылки надо наносить, и самим говорят, от давления, хорошо.

-Обратно, ужо, ношей-то надавит, дак и будет тебе и хорошо, и тепло.

-А нам вот с Раисой не до посылок, робята в школе, обувь-одеть к зиме. Я, девки, две бочки взяла, наносить бы, все копеечка. Кабы ягод-то найти.

-Мы, тетя Зоя, как за морошкой-то бегали, дак много зеленцу-то видели, должна быть ягода, как не выносили. И по тропинке глядя, не быто здесь.

Тропинка, наконец, вывела к горловине. Запахло сырым мхом, багулой, болотиной. Ноги глубоко утопали в мягкой беломошице. Чавкала вода. Кое-где через топкие места были брошены жердины. По сторонам стояли сухие, обвешанные мхом деревья. В узком

просвете засветилось в легком тумане, пронизанном лучами солнца, болото. Тут и там по глади болота стояли, раскорячив сухие ветви, сосны, куртинами росла багула, разноцветные мхи стелились до горизонта, утопавшего в фиолетовой дымке раннего утра.

-И, бабы, красота-то какая! Век не видала!

-Дак, Санюшка, не бывала с нами дак. Мы-то кажинный год ходим, дак нам и не диво. Пришли, слава Богу. Колюшка, парнечек, на-ко красный плат, повешай на сушину-то, чтоб знать, куда после выходить. На кочках кровавыми каплями рдела клюква. Крупные ягоды, казалось, были кем-то рассыпаны и забыты на болотном суземе.

-Распрягайся, бабоньки, и станем собирать.

-Подойдем вон до той куртинки, там и остановимся у кривой сушины.

-Я, божатенька, тут останусь, насилу перебралась через горловину-то, дак. Вам-то что, долгоногим, а мне все повилашки. Краем тут похожу, бать, и насобираю. Рано ли домой-то?

-Часа в четыре. В шесть-то солнышко сядет, не доползем до деревни-то засветло.

-Полно-ко, Саня, пришли, дак насобирать надо. Я вам не бригадир. Ни ягоды не взяли, а уж домой засобирались. Давай, Колюшка, собирай, далеко от нас не уходи, а то к ночи тут оставим, здесь не в лесу, голос-то недалеко слышно. Слава Богу, есть ягода.

Собиральщицы, как овцы, разбрелись по болотной глади. Крупная ягода звонко пела, ударяясь о пустые денешки зобенек. Небольшая стая журавлей окликнула сборщиков сверху и покружив над ними, села поодаль собирать свою долю сладкой ягоды. Высматривая добычу, кружилась высоко в небе пара ястребов, едва взмахивая крыльями. Высыпав очередные, полные ягод зобеньки, собиральщицы присели на ствол поваленной сосны перекусить.

-Юлька! Иди к нам, пообедаем!

-А-ю! Тут я, тут.

-И, не зовите, и не придет. На ходу из горсти похватает, и все. Ношу-то натеребит не мене себя.

Пообедав, вновь разошлись по болоту. Ягоды было много, и ближе к вечеру пестери насыпали до верху. Насыпали и сверху кузовени, в припасенные наволочки, поподнимали ноши. Завязали кузовеньку и Кольке.

-Ну, по зобенечке на руку насобираем и домой собираться будем. Санька с Колюхой уж сейчас рады, на коленках принимались вокруг кочек-то ползать, да сыровато.

-Добро попало, засветло домой будем, на двор ведь еще надо.

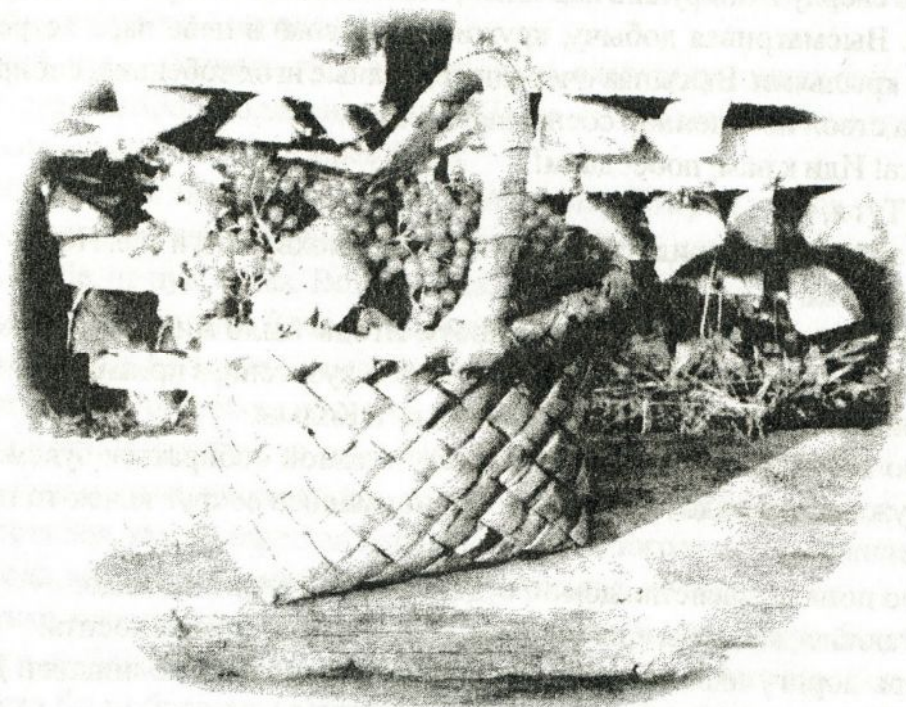
-Ой, Раюшка, когда бы еще сводила. Охота на сдачу-то поносить.

-Теперь дорогу набили, дак надо поносить, копейка не лишняя. Дорого ли пообещал Виктор-то брат?

-Ой, девка, по двенадцать копеек, баял, в этом году дают.

-Пойдем, докидаем в зобеньки-то. Скажусь, ужо, как время будет.

Частушкой память оживим

Стихи. Частушки

Родное Осташево

Над полями Осташева
Зорьки утренней свет.
Нету места прекраснее,
И любимее нет.
Перелесок березовый
Над Кулоем-рекой,
И черемуха белая
У меня под окном.

По тропиночке вдоль берега над рекой пройдусь,
Хрустала родникового я до пьяна напьюсь.
И тропинка заветная позовет вновь меня,
Где свидание первое назначал тебе я.

Пролетит с непогодой тучи черной пора,
Вновь черемуха белая зацветет у окна.
Сквозь невзгоды и радости слышу трель соловья.
Слышу песни в Осташеве, и так будет всегда.

Я иду по Осташеву, по родной стороне.
Улыбается солнышко, ширь окрестных полей.
Моя малая родина, мне не жить без тебя,
И с тобою, Осташево, я останусь всегда.

Первый куплет:

Страдания для невесты

50 лет спустя

Ох ты, белая береза,
Ветра нет, а ты шумишь.
Мое сердце ретивое,
Горя нет, а ты болишь.
Ой, подружка, зря страдаешь,
Понапрасну слезы льешь.
Кого хошь, с тобой присушим,
И силком не оторвешь.

Веселее запевай,
Моя подруга верная.

До измены не догуливай,
Измена вредная.

Говорят, что без родителей
Большая волюшка.
Без родителей, подруженька,
Поболе горюшка.

Заиграли больно весело,
Да я не поняла.
Вспомню старые гуляночки.
Веселою была.

Ко мне дроздочка не ходит,
Не велит ему сестра.
Не велит, дак и не надо,
Не ходи, пожалуйста.

Самоходкой дроля звал,
Я и согласилась.
У саней обматюгал,
Назад воротилась.

У милого матка - бес,
Перебирает всех невест.
Она не думает того,
Пойдет ли путна за него.

Шла машина полным ходом,
Вдруг остановилась.
Хотел дроля покатать,
Ось переломилась.

Ох, подруга дорогая,
Торопилась да и зря.
Дроля шофером работает,
Катает не меня.

Задуманная подруга,
Пострадаем, попоем.
Всех помянем, кого любим,
За кого замуж пойдем.

Вечеринка - ничего,
Нет милого ничьего.

Ни твоего, ни моего,
Нету ни которого.

Моя милая подружка,
У меня дроля убежал.
Понеси леший мазурика,
Никто и не держал.

За рекой собака лает,
Не собака, бригадир.
Выходите на работу,
А то хлеба не дадим.

Я иду, иду и встану,
Подойду, остановлюсь.
Из Подгорны дроля нравится,
Направду сознаюсь.

Супостаточку свою
На безмене свешаю.
Если пять пудов не вытянет,
Зарежу, к лешему.

А я плакать не умею,
Да и не научена.
С десяти годов девчоночка
Работе учена.

Пострадала да и будет,
Милая товарочка.
Разрывает ретивое
Дролина тальяночка.

К 9 мая 2004 года

Говорят, что я старуха,
Только мне не верится.
Посмотрите на меня,
Все во мне шевелится!

Я на пенсию ушла,
Немного приделася.
Ох, хороша жизнь пошла,
На пляску захотелось!

Пенсию я получила
И упала в обморок,
Государственных копеек,
Хватит лишь на сахарок!

Старики вы старики,
Старые старушки,
Веселей гуляйте в праздник,
Ушки на макушки!

Для веселья есть причина,
Все гуляют и поют!
Ради праздника Победы
Раньше пенсию дают!

Ох, конь вороной,
Белые копыта!
Полюбил бы меня Путин,
Ела бы досыта!

Ох, какая я была
В девках кудреватая,
Закадрила пятерых
И одного женатого!

Ой, подруженьки, весна,
Что-то сердце ноет.
Дед на печке лежит,
Меня не беспокоит!

Вспомни, старый, как гуляли,
По сырому клеверу.
Оба были молодыми,
Привыкали к северу.

Мы поем, а бабы судят
И считают нам года,
Нам не восемьдесят лет,
Поплясать вам или нет?

У подруги дедко ходит
При костюме, при часах.
Мое чучело прижучило
В болотных сапогах!

Не хочу, подружка, пить,
Соку заграничного.
Лучше маленьку куплю,
Русскую «Столичную»!

Бают люди про меня,
Что беременная я.
Не беременная я,
Такая пуза у меня!

Дура я, дура я,
Ростиком не вышла.
Зубов нет, ноги больные,
А на сцену вышла!

На курорте я была,
Там меня обидели.
Молодых на танцы звали,
А меня не видели!

Перед зеркалом стояла,
Повернулась так и так.
Не Наташа Королева,
Ну, да мне дородно так!

Надоели эти ели,
Ели суковатые.
Попрошусь у своего деда,
Погулять с ребятами!

Старый дед мне изменил,
И сказал - тебе «капут».
Я нашла на год моложе,
Тяжелей на целый пуд!

Ой, какая я бабешка,
Чудо, чудо, чудеса!
По годам не молодая,
Рожа шире колеса!

Хоть мы стары бабы стали,
А весна берет свое!
Подмигнул бы дроля старый,
Вышла б замуж за него!

Не хочу, подруга, чаю,
Чаю кипяченого.
Хочу выскочить, подруга,
Замуж за ученого!

Заиграла развеселая
У милого в руках.
Заплясали все старухи
На своих больных ногах!

Ой, спасибо гармонисту,
Ой, спасибо за баян!
У меня большие груди,
Приходи, пощупать дам!

Я сплясала бы в присядочку,
Присяду да не встать.
Хоть стара годами стала,
А охота поплясать!

Вот старушки наплясались,
Не пора ли нам кончать.
Подходи по одному,
Начнем автографы давать!

«Любимое Осташево»

Вологодский край в России славится,
Заволочье милое мое.
Средь лесов река-Кулой - красавица,
Нет милее в мире ничего.

Вдоль по берегу реки - Осташево,
Деревеньки все по бугоркам.
Край родной цветет и улыбается,
Открывая душу землякам.

Не растут каштаны под окошками,
А растут на Чугле у реки.
Вся Россия приезжает в гости к нам,
Отдыхать на наши родники.

Приезжайте в гости к нам по осени,
Утолим грибной ваш интерес.
Нарастет черники с голубикой –
Северный лесной деликатес.

Этот край мы полюбили с молодю,
Нежный образ в сердце мы храним.
Никогда любимое Осташево
Ни с каким курортом не сравним.

Частушки о старушках

Старики вы, старики,
Старые старушки.
Мы сейчас про вас споем
Новые частушки.

У Алеши Нефедовского
Счастливые года.
Новый дом на три окошка
Бабушку найти пора.

А, у Ламовой у Зины
Обходительный зятек.
Дома обряжается,
С тещей не ругается.

У Евлампьевны у Маши
Завершается сезон.
Отдохнула дома славно,
Уезжает в район.

У Петруши с Нелей горе,
Обгоняли мотоцикл.
Ох! Петру досталось боле,
У него везде болит.

У Анюты в доме чисто,
На полу - половики.
На столе румяны - сладки
Остывают пироги.

Селиванов Саша боек,
Ножкой бьет, как петушок.
Раньше всех все успевает
Беспокойный мужичок.

Граня, Граня Друговская,
Толику печет блины.
Толик улыбается,
Сто граммов дожидается.

У Володи Семовского
В доме все в порядке.
Не скажу я, к кому в гости
Он пошел украдкой.

У Галины Друговской
Полный дом скотины.
Сына ждет на выходной,
Никакой кручины.

У Николиной-то Юли
Заболела голова.
К зиме дети приглашают,
Не останется одна.

У Евгеньи с Валентином
Банька топится с утра.
Обещалась Маргарита
С Паравих прийти вчера.

У Трапезниковой Люды
Самоварчик на столе.
Зятя с дочкой поджидает,
Помогают они ей.

Селиванова Тамара
У печи хлопочет.
Сын по ягоды уехал,
Вечерком заскочит.

Роза, Роза, Розалина,
Чуточку усохла.
Ягод Роза наносила,
Не на одну сотню.

Феодосьевна-то Ася
На Гору перебралась.
Хоть и жалко Подволочны,
Но судьба так сложилась.

Шестакова Полинарья
Что-то постарела.
Этот год ей не везет,
Немножко приболела.

Валентина, Валентина,
Лютикова Валя.
Столько выросло внучат,
Насилу сосчитала.

Наш Иванович Сергей,
Он в заботах каждый день.
С депутатскими делами
Он справляется теперь.

Паравишенка торопится,
С угорышка бежит.
Навестила дролю старого,
Теперь домой спешит.

У Орловой-то у Нины
Дума на сердце лежит.
Как расстаться с магазином,
На одну пенсию прожить.

Ох, у Дудоровой Зои
Баще нету Толика.
На гармошке игранет,
Зоя козырем пойдет.

У Ивановны Валерыи
Все заботы старые.
Сын Димитрий с Валентиной
Словно дети малые.

У Ивановны Евгеньи
Скоро будет юбилей.
Дочку с зятем поджидает –
Поздравленья наши ей!

Баба Зина печку топит,
В гости собирается.
Дорогие снохи ждут,
Она не сомневается.

У Мокиева у Юры
Настроенье убежать.
Заболела голова дак,
Никому не удержать.

Маргарита на свинарнике –
Работа каждый день.
Молодой пенсионер, дак
Не сидится дома ей.

А Антуфьева Галина
Стала служащей теперь.
Пол в конторе подметает,
Получает семь рублей.

Семовской Надежде очередь
Коровушек пасти.
Что бы было завтра утром
На завод чего нести.

А у Павловны Галины
В огороде грядки.
Огурцы и помидоры,
И капуста в кадке.

Николай-то Александрович
В саду копается.
А зимою на охоту
Снова собирается.

У Ивановны у Вали
Огоньки в глазах горят.
Она со всем справляется,
Николаю нравится.

Насолили огурцов,
Сквасили капусту.
На всю зиму запаслись,
Не будет в брюхе пусто.

Фаля с Венею на тракторе
Подвозят дровца.
Из родной деревни к зиме
Уезжать не хочется.

Бабы, бабы, бабушки,
Вы нас не осудите.
Выпить стопку, закусить
За стол пригласите!

Клавдии Феогностовне
Заботы вовсе нет.
Дочка Валя делом правит,
В этом, бабы, весь секрет.

А Мария Деомидовна
В окошечко глядит.
Где-то Томка задержалась,
Как корову подоить.

У Аркадия на даче
Одиночна камера.
На всю зиму Никодим
Остается там один.

Дорогие ветераны!
Вы живите дольше.
Молодые ваши годы
Не вернутся больше!

День деревни Осташевская 2006 год

Притаилась деревенька
По над Кулоем-рекой.
Нынче праздник на Осташевской,
Гуляем мы с тобой.

Постарели деревеньки,
Да и мы уж подросли.
Улицы - прорехами,
Кто куда уехали.

У Михайловны-то девки
В родном доме собрались.
Дина, Нина и Татьяна
Вспоминают стару жизнь.

А Тонковскую Марусю
В Верховажье сын увез.
Когда вспомнит про Подгорну,
Не обходится без слез.

Шла Елена Николаевна
На ключик за водой.
Дролю милого ругала,
Что угор больно крутой.

Солнышко пообогрело
И зашло за тучку.
Коле с Ниной дочь Ирина
Подарила внучку.

У Ивановны у Сани
В огороде грядки.
Огурцы и помидоры
Там всегда в порядке.

За своих ребят отдали
Дочек Саня с Паней.
И с зятьями, скажем прямо,
Подфартило Сане.

А подгорновски ребята
Испугались овцы.
Лешка - в поле, Ромка - в лес,
Сережка на угол полез.

Из Подгорны на Гору
По угору добегу.
У Орловых на крылечке
Сяду, дух переведу.

Я сегодня рада, рада,
Лейтенанта увидала.
Увидала Сашу днем,
Рубашка белая на нем.

К Нине Ефлановне старость
Потихоньку кралася.
Только память о былом
У нее осталася.

Тетя Роза своим козам
Свежей принесла травы.
Деревянная скотинка,
Кушай травку, не ори.

Ох, дождаться бы до свадьбы,
Погулять бы от души.
Ведь у Юрика со Светой
Девки очень хороши.

У Антуфьевых в саду
Зацвела калина.
Там клубника и айва,
Ягода-малина.

У Антуфьевой у Нины
В палисаднике цветы.
У Надежды Алексеевны –
Дубы да яблоньки.

Оля с Колей Шестаковы
Дочек замуж отдали.
Димку дожидаются,
Когда он нагуляется.

А Марии Макаровской
Внучека подкинули.
Внук играет на дуде,
Мария пляшет на гряде.

Вася Ламов - инженер,
Нина-зоотехник.
Бегают, торопятся,
Дела сами копятся.

А у Ламова Алеши
Под окошком огурцы.
Подрастает дочь на выданье,
И парни хороши.

У Наташи с мужем Сашей
Полна пазуха хлопот.
Гостевская обрядилась,
Со двора домой идет.

Тетя Поля с бабой Зиной
На завалинке сидят.
Про любовь не вспоминают,
Все про Бога говорят.

Где, что и почем,
Все Валюшка знает.
Когда дроля заболевает,
Боль сама снимает.

Надоело мне в Осташеве,
Поеду в Ереван.
Есть у нас Хачатурян,
Представитель от армян.

Задушевная подружка,
Давай закругляйся.
Все равно про всех не спеть,
Ты и не старайся.

Голубые василечки
В поле голубилися.
Будем жить, не унывать,
Не унывать родилися.

Сердечное спасибо за «Белые плесы»!

Прочитал не отрываясь книжку Валерия Владимировича Антуфьева. И уже с первых строк словно услышал много раз произносимое академиком РАН Сигурдом Оттовичем Шмидтом: «Краелюбие». Да, да! Есть осязаемая разница между краеведом и краелюбом. Как в поговорке: «Всяк выпьет, да не всяк крякнет!»

Многие краеведы не дотягивают до краелюба. Валерий Владимирович - краелюб истинный. С редкой, изумительной сердечной теплотой рисует он и людей, и природу родимых мест, и дела-заботы людские.

Именно горячая любовь к малой родине и ее жителям выдает в авторе человека справедливого и совестливого. Он знает о бедах, тревогах и проблемах верховажан настолько глубоко, что нигде, ни в чем не позволяет себе переступить черту, отделяющую правду от вымысла, тем более, от хулы, чем так беззастенчиво грешат многие нынешние журналисты и писатели. Трудно любить захворавшую мать-отчизну. Но если человек продолжает считать себя ее сыном, он способен любовью своей излечивать недуги матери. Таковы гражданские достоинства художественных зарисовок Валерия Владимировича Антуфьева.

Я многое передумал, вчитываясь в его строки. Со многими поделился о прочитанном, о том, насколько меня порадовала эта книга, как она может служить службу - стать точкой опоры и для зрелых возрастом и для молодых. Автор посвятил книгу своей матери Раисе Степановне, и в этом еще один замечательный урок книги. «Посвятить», «освятить», «святится имя Твое» - слова одного корня.

Вот и любовь Валерия Владимировича растет из самого корня его верховажского родословия.

Хорошая, полезная книга, пригодная для изучения всеми школьниками.

Замечательное историко-художественное дополнение к истории Вологодчины.

*В. В. Судаков, ректор Вологодского института
развития образования, профессор, доктор педагогических наук.*

Содержание:

Об авторе	3
Над Кулоем	5
Русская деревенская община (общество), мир	6
Нить бытия и обрядность	7
Обрядность из глубины веков и до наших дней	9
Обряд погребения	13
Северный русский дом-двор и все, что около и в нем...	15
Кузницы да мельницы	18
Русская печь-кормилица	20
Хлеб-батюшко	23
Щи да каша - услада наша	25
Прядение и ткачество	26
Одежда и обувь	29
Лошадь, домашняя скотина и прочая животина...	31
Сушка и обмолот зерна	34
Лыком шитые	36
Не стеклянная посудина, не выломится край...	37
Напитки. В час веселья и	38
Охота и собирательство	40
Лес - зеленое золото северного края	41
Русские забавы	43
Пасхальная неделя	46
Обмен, торговля, деньги	47
Осташевские Чуглы - памятник природы «Парк Дудорова»	48
Дудоров Илларион Иванович	51
И в сердце память о былом	56
Осенней ивы цвет	57
Агрегат	59
Колесом дорога	61
Случай на реке	64
Качели	66
Волочуга дров	69
На варе	72
Компаньоны	76
С последним поклоном	79
Матвеевна	81
Погоняло	83
Деревянная скотинка	85
Пригоршня муки	87
Пособие	90
Кабы знать, дак... ..	93
По журавлицу	95
Частушкой память оживим	98
Родное Осташево	99
Страдания для невесты	99
К 9 мая 2004 года	101
Любимое Осташево	105
Частушки о старушках	105
День деревни Осташевская. 2006 год	110